

К 300-летию
Полтавской битвы

MENSHIKOV MEMORIAL READINGS

2009

Proceedings of the Conference

Volume 7

St. Petersburg
«Istoricheskaya illustratsiya»
2010

МЕНШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2009

Материалы чтений

Выпуск 7

Санкт-Петербург
«Историческая иллюстрация»
2010

Меншиковские чтения — 2009: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.А. Кротов. —
СПб.: Историческая иллюстрация, 2010. Вып. 7. — 128 с.: ил.

ISBN 978-5-89566-094-2

Ответственный редактор П.А. Кротов

На обложке:

Памятник А.Д. Меншикову в пос. Берёзово. *Скульптор А.Г. Антонов;*
Берёзово. Острог. *Рисунок Т. Кёнигфельса (1740).* Фрагмент

Авторы и издательство выражают благодарность
ОАО «Ханты-Мансийский банк» и лично президенту банка
Д.А. Мизгулину за помощь в издании материалов чтений.

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
БАНК

- © Е.А. Андреева, В.А. Артамонов, И.Г. Дуров,
А.В. Иванов, П.А. Кротов, А.А. Стерликова: тексты статей, 2010
- © А.В. Спиридонов: макет и оформление, 2010
- © Фонд памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова, 2010
- © «Историческая иллюстрация», 2010

От ответственного редактора

300-летний юбилей славной Полтавской баталии 1709 г. в очередной раз привлёк внимание общественности к свершениям эпохи Петра Великого. Собственно говоря, этот интерес велик всегда, и в общественном сознании история Отечества привычно делится на три части: допетровский период, Петровское время и последующее развитие страны на новой модернизированной основе. О битве при Полтаве в юбилейный год вышли опирающиеся на новые архивные материалы и редкие иностранные источники монографии В.А. Артамонова, П.А. Кротова, В.А. Молтусова, сборник статей под редакцией О.Г. Агеевой и В.А. Артамонова «Полтава. К 300-летию Полтавского сражения», каталоги выставок, популярные издания. Естественно, что тема первого помощника монарха-преобразователя светлейшего князя А.Д. Меншикова не могла не звучать на страницах упомянутых изданий. Как надеются авторы настоящего сборника, «Меншиковские чтения – 2009» внесут в общий поток выходящих исследований определённую лепту.

Очередной седьмой выпуск «Меншиковских чтений» за 2009 год открывается статьёй московского историка В.А. Артамонова «А.Д. Меншиков как полководец», которая, по существу, продолжает историографическую линию, начатую печатными изданиями в честь 300-летней годовщины Полтавской битвы. Лучше всего об её содержании говорят заключительные выводы: «За два десятка лет (1695–1714), проведённых на полях битв, Меншиков вместе с царём заложил основы регулярной пехоты и драгунской конницы, идеально приспособленной для просторов России, боёв в конном и пешем строю и малой войны. Будучи одним из первостатейных полководцев русской военной истории, он создавал русскую школу военного искусства. С неограниченными полномочиями Меншиков мог делать больше, чем все кавалерийские генералы русской истории, начиная от К.Э. Рённе (1665–1716) и Р.Х. Боура (1667–1717) до М.И. Платова (1751–1818) и Ф.П. Уварова (1773–1824). Грубость, жестокость и лихоимство А.Д. Меншикова отходят на второй план по сравнению с заслугами светлейшего князя в Северной войне и в преобразовании страны. Вместе с великим Петром А.Д. Меншиков из Московского царства создавал новую Российскую империю».

И.Г. Дуров дополняет картину вершившихся при Петре Великом преобразований сюжетом очень жизненным – изучением норм питания моряков Петровского флота. Как выработывалась морская порция, каковы были нормативы питания, его качество, соответствие этих норм физиологическим потребностям – таков круг вопросов статьи.

Новаторским характером отличается статья А.И. Иванова о первых линейных кораблях Азово-Черноморского и Балтийского флотов Петра I. Автор про-

слеживает ход разработки кораблями Петровского времени отечественного типа 50-пушечного корабля, освещает сложнейший процесс поиска ими необходимых «добрых пропорций» для создания линейных кораблей — главного в ту эпоху орудия для обеспечения военно-морского преобладания на морях. Автор использует проектные чертежи кораблей, имеющиеся в музеях модели, переписку царя с мастерами-корабелями.

Несомненно, интерес вызовет сюжет, предложенный молодой петербургской исследовательницей А.А. Стерликовой. Он касается усилий тайной дипломатии Петра I по поиску выхода из столь затянувшейся войны со Швецией в 1717 г. Автор предлагает поставить в контекст шедшей тогда сложной дипломатической игры загадочную историю о покушении на русского царя, которое якобы имело место в Амстердаме летом того года.

В разделе публикаций новых документов Е.А. Андреева поместила описи Василеостровской резиденции А.Д. Меншикова, сделанные в 1732 г. при передаче этого комплекса зданий Кадетскому корпусу. Введение в научный оборот этих важных источников поможет в дальнейшем исследователям одного из первых сохранившихся дворцов Северной столицы России и прольёт новый свет на обстоятельства жизни его первого хозяина.

Исследовательской удачей можно считать обнаружение в архиве составителем и ответственным редактором настоящего сборника П.А. Кротовым неизвестного ранее поэтического памятника — свадебной величальной песни А.Д. Меншикову, которая завершает сборник. Песнь исполнялась в Киеве в день венчания светлейшего князя 19 августа 1706 г. Есть основания предполагать, что сочинителем величальной песни знаменитому историческому деятелю России А.Д. Меншикову был известный сподвижник царя на пути реформирования Русской православной церкви монашествующий черноризец Феофан (Прокопович). Учитель пиитики Киево-Могилянской академии Феофан являлся блестяще образованным человеком, поэтом, писателем и учёным-богословом. Создатель этого интересного стихотворного памятника завершил своё поэтическое творение патетически. Он затронул в концовке песни тему верной службы А.Д. Меншикова Отечеству, обыгрывая одну из ключевых смысловых частей герба светлейшего князя (сердце, увенчанное короной) и предсказывая грядущие успехи, преуспевание России, тщетность усилий врагов развалить страну и низринуть её в небывшие:

*Верных его служб сердце венчанно имеет.
Веси ли, о Россие, что ти преуспеешь.
Аще бы твои на тя врази громом были, —
Ветр есть на холм каменный — тици их будут сили.*

Директор НИЦ «Меншиковский институт»,
член редакционной коллегии
издательской программы «Библиотека Фонда памяти
светлейшего князя А.Д. Меншикова»,
доктор исторических наук, профессор,
академик Академии военно-исторических наук

П.А. Кротов

А.Д. МЕНШИКОВ КАК ПОЛКОВОДЕЦ

Победа России в Великой Северной войне 1700–1721 гг. была одержана прежде всего благодаря титаническому труду и подвигу императора Петра Великого. Неоценимый вклад был внесён и двумя генерал-фельдмаршалами Б.П. Шереметевым (25 апреля 1652 г. — 17 февраля 1719 г.) и А.Д. Меншиковым (6 ноября 1673 г. — 12 ноября 1729 г.). Если Борис Петрович как полководец был известным кунктатором, то светлейший князь — его полной противоположностью. Военный стиль Шереметева совпадал с психологией старой армии XVII в. и хорошо вписывался в «кордонно-маневровую» стратегию. Под непрерывными понуканиями царя («делай, делай, делай!») Шереметев ухитрялся комплектовать, снабжать, размещать и готовить солдат к походам, иногда надолго задерживая их выступления (и тем самым сберегая их жизнь). Шереметев был фокусирующим центром армии. В отличие от многих других петровских генералов, он пользовался любовью солдат, сложивших о своём «отце» немало песен.

Полной противоположностью родовитому боярину был его соперник, даровитый и удачливый любимец Петра Великого. С гвардейской выправкой, ростом 195 см (под стать Петру I, рост которого был 204 см) и солдатской закваской, разбитной и остроумный удалец по праву занял видное место в петровской гвардии. Карьера Меншикова взвилась подобно ракете. В 1692 г. он вошёл в элиту Преображенского полка — Бомбардирскую роту, капитаном которой был царь. На смотрах 19-летний удалец бесспорно выделялся. Он легко освоил строевую муштру, ружейные приёмы и стрельбу из пушек. Сметливость, похвальное рвение всегда быть под рукой и способность на лету схватывать идеи государя сразу вывели расторопного юнца в царские денщики. Закадычным другом Петра I в то время был весельчак генерал-майор Ф.Я. Лефорт (1655–1699), но

уже с 1691 г. Меншикова можно считать верным помощником русского самодержца. Часто бывая в Немецкой слободе, он стал «порядочно говорить по-немецки» (Ю. Юль).

В 1690-е годы молодой гвардеец получил основательную боевую закалку. Нет оснований отрицать его участие в 1691 г. в военных играх у сёл Преображенского и Семёновского, в которых были раненые, обожжённые порохом и даже убитые. В 1692 г. он вместе с Петром I на верфях Плещеева озера сноровисто строил фрегаты, яхты и галеры для Переславской флотилии, а в 1693 г. ходил на кораблях в Ледовитый океан. В 1694 г. артиллерист Александр (для них были положены мундиры с золочёными орлами на груди и спине), участвовал в больших сухопутных манёврах у села Кожухова с бомбами, гранатами и яростными «свальными» боями. В 1695—1696 гг. молодой Меншиков участвовал в штурмах турецкой крепости Азов.

Ради морской науки в передовых державах того времени Голландии и Англии Пётр I в 1697 г. зачислил смельчака в свой десяток вместе с будущим талантливым инженером, изобретателем и разведчиком В.Д. Корчминым (1671—1731). В Великом посольстве Меншиков, назначенный личным казначеем царя, умело обращался с финансовыми расчётами. Через его руки шли подарки и денежные средства, среди прочего и на личные расходы царя¹.

На верфи Ост-Индской компании золотые руки юного плотника строили корабли. В Англии он осваивал теорию кораблестроения, изучал «чёртёжное пушечное дело», «корабельную архитектуру», причём все детали рубил по лекалам и чертежам с буквенными и цифровыми изображениями². Там же Меншиков научился понимать и сносно говорить по-голландски (Пётр I посылал ему записки на этом языке)³. Завербованные из Европы в русскую армию офицеры в основном были из германских земель и способность Меншикова изъясняться на немецком и голландском языках основательно помогала ему как полководцу.

С 21 мая 1698 г. Великое посольство разделилось на две части: «великие послы» и Пётр поспешили в Вену, чтобы воспрепятствовать замирению Габсбургов с турками, а оставший Меншиков руководил основной частью посольской свиты (44 чел.) с правом заведывания всей казной. В Вене посольство и Меншиков встречались с полководцем Евгением Савойским, недавно одержавшим громкую победу при Зенте. Планируя визит в Венецию, царь просил выписать ему паспорт на имя А.Д. Меншикова⁴.

Полуторагодичные «европейские университеты» расширили кругозор талантливого участника посольства и сделали его таким же

реформатором царства, каким был и Пётр I. За заслуги в преобразовании России Меншиков обоснованно удостоился международного признания: 25 октября 1714 г. И. Ньютон известил, что русский князь избран членом Лондонского научного королевского общества. «Меншиков был грамотен — умел читать и писать; он обладал познаниями в математике, готовил и изучал чертежи, в том числе архитектурные; был специалистом в области судостроения и мореплавания и вообще был образованным человеком»⁵.

В 1698 г. Меншиков получил в подарок от царя дом в Преображенском и стал сержантом. 2 марта 1699 г. умер Лефорт, и он остался единственным доверительным другом царя.

В начале Северной войны. 9 августа 1700 г. Пётр I начал изнурительную войну за Балтику. Тогда вооружённые силы Швеции были в расцвете, и эта абсолютная монархия имела лучшую в Европе регулярную армию с отлаженной системой мобилизации. Швеция отсекла русские земли от Балтики и планировала завоевание Архангельска и Кольского полуострова. В России же ещё не было ни полноценного профессионального войска, ни прочно сбитого офицерского корпуса.

19 ноября 1700 г. наспех собранная и необученная старомосковская рать была разгромлена под Нарвой. Пётр I интуитивно почувствовал страшную угрозу и, не посчитавшись с тем, что в Европе начнут злорадствовать над «трусостью скифа», в ночь на 18 ноября за 11 часов до появления шведов уехал в Новгород, забрав с собой самых ценных в его глазах лиц: генерал-фельдмаршала и адмирала Ф.А. Головина и сержанта Бомбардирской роты Преображенского полка Меншикова.

Однако невиданная катастрофа не пригнула к земле царя, который вместе с поручиком (с 1701 г.) Меншиковым лихорадочно принялся за военные реформы.

27 сентября 1702 г. Пётр I начал осаду Нотебурга (Орешка) двумя гвардейскими и 12 драгунскими полками (12 500 чел.) с 43 осадными орудиями под номинальным командованием Б.П. Шереметева. 450 защитников Нотебурга со 142 орудиями, за двухсаженными, толщиной в длину пики каменными стенами, подходившими к самой воде, могли держаться неограниченно долго.

День 11 октября 1702 г. — очередная веха блистательного восхождения князя по военной стезе. Штурм Орешка был одним из самых кровавых в истории Русской армии — его можно сопоставить со штурмом Измаила А.В. Суворовым 11 декабря 1790 г. С лодок под картечью, ядрами, камнями и брёвнами солдаты по крутизне взби-

рались на стены. Отчаянность натиска определяли царь, подполковник М.М. Голицын и Меншиков, воля которых заставляла солдат забывать о смерти.

После 13-часового кровавого приступа осаждённые поняли, что их сломят, и барабаны забили сигнал капитуляции. К этому времени из двух тысяч штурмующих выбыло большинство — 564 было убито, 928 человек — ранено, т. е. втрое больше, чем было защитников.

За доблесть поручик Меншиков был назначен комендантом переименованной в Шлиссельбург крепости. Находчивость, быстрота реакции, решительность и дерзость стали основой боевого стиля Меншикова. В Северную войну дела армии стали главной заботой Меншикова.

Весной 1703 г. русская армия окончательно овладела древнерусской Ижорской землёй. 7 мая 1703 г. Пётр I и его боевой товарищ продемонстрировали отчаянный героизм. Абордажные бои на Балтике ещё в XVI в. канули в прошлое, но русские возродили их. В устье Невы Пётр I и Меншиков (других знатоков морского дела тогда не нашлось) пошли на смертельный риск — с 30 лодками штурмовали 10-пушечный адмиральский бот и 14-пушечную шняву. Прорвавшись сквозь шквальный огонь пушек, гвардейцы-десантники пронеслись к шведским судам, открыли пальбу из мушкетов, а, попав в мёртвое пространство, забросали их палубы гранатами. Возбравшись на борт, они перебили три четверти команды. Оба русских командира были «учинены кавалерами ордена святого Андрея», офицеров за небывалый подвиг наградили на золотых цепях медалями «Небываемое бывает».

2 мая 1703 г. в пару «Ключ-городу» Ниеншанц символически переименовали в «Замочный город» (Шлотбург). 10 мая Меншиков уже подписывался «Шлиссельбургский и Шлотбургский губернатор». 16 мая он западнее «Канцов» заложил первый, северо-восточный, бастион крепости на Заячьем острове, и стал первым губернатором Петербурга. Учитывая угрозу шведского нападения, губернатор лихорадочно вёл фортификационные работы ежедневно с 4 утра и до позднего вечера⁶. 19 июля 1703 г. он получил привилегию иметь собственный пехотный Ингерманландский, по сути гвардейский, полк.

На реке Свирь, где теперь город Лодейное Поле, Меншиков организовал Олонецкую верфь, с которой 22 августа 1703 г. был спущен первый 22-пушечный фрегат Балтийского флота «Штандарт».

«Быть пусту!» — зловеще пророчили противники «новой Венеции», но для Меншикова только воля Петра была законом. Вопреки

закоснелому большинству, из болот на Неве поднялся «Парадиз», а из моря на острове Котлин — форт Кроншлот, благодаря кровавому поту народа и энергии Меншикова. Шведские владения в Прибалтике оказались рассечены Петербургом, Невой и Кроншлотом. В конце 1703 г. петербургский губернатор въезжал в Москву триумфатором.

С мая 1704 г. началась вторая, теперь уже победная осада Нарвы.

Узнав, что к Нарве ожидается шведская помощь, Меншиков удачно использовал военную хитрость («стратагему»), 8 июня часть полков была обряжена в синие, под цвет шведских, плащи-епанчи и против них пошёл якобы «на отпор» русский авангард. Когда «русские» притворно стали отступать и в лагере осаждающих началось «замешательство», шведы из Нарвы сделали вылазку. Несколько сотен было перебито, в плен был взят подполковник Ф. Марквард⁷. В июле Меншиков отбил шведов от Петербурга и Кроншлота. 9 августа после ожесточённого штурма пала Нарва. Меншиков, который как Пётр I «умел всё делать, мог всё делать и хотел всё делать» (Г.А. Леер), был возведён в чин генерал-майора, гвардии майора гвардии и провозглашён генерал-губернатором «Нарвских и всех завоёванных земель». Резко выросло его богатство. Чрезмерной скромностью царский любимец не страдал и приказал при богослужениях поминать своё имя наравне с царским в церквях и в лютеранских кирхах на воссоединённых землях⁸. Ходила молва, что «херценкинд» заявил царевичу Алексею, чтобы тот «о наследии [трона] немного размышлял, ибо де «я к тому толь же близок, как и ты»⁹.

19 августа 1704 г. в завоёванном городе был заключён союз с Речью Посполитой, которая в конце концов «вползла» в Северную войну (В.Д. Корольюк). За обещание выставить 48-тысячное польско-литовское войско Россия обязалась предоставить Августу II, армия которого была неоднократно бита шведами, 12-тысячное войско, а республике по 200 000 руб. за каждый год войны.

В середине июня 1705 г. русское командование приняло решение занять основные центры Великого княжества Литовского, а корпусу Шереметева атаковать войска губернатора А.Л. Лёвенгаупта. Его уничтожение ликвидировало бы угрозу русским тылам при продвижении войск в Польшу. У Гродно, впервые так близко от главной армии шведского короля, было решено устроить зимние квартиры.

Воевать в Польше против блестящего полководца Карла XII, слава которого поднялась к зениту, было делом опасным, и Пётр I остерегал теперь уже кавалерийского генерала Меншикова от боя со всей шведской армией: перед ней предписывалось «уступать» с места на место, утомляя мелкими нападениями¹⁰.

Когда 5 октября 1705 г. Карл XII короновал в Варшаве своего маршала-незачинающего «антикороля» Станислава I, Август II в ноябре 1705 г. стал раздавать своим сторонникам только что учреждённый им орден Белого Орла. Среди прочих тот был вручён Меншикову, гетману И. Мазепе и его генеральному писарю Ф. Орлику.

Для зимовки Меншиков выбрал понравившееся ему Гродно. «Натуральная фортеция» имела с двух сторон ров, а сзади крутизну к Неману. Командующий русской конницей лихо заявлял, что здесь даже три сотни отобьются от главной шведской армии.

С октября 1705 г. 25 000 чел. инфантерии под командованием вновь завербованного генерал-фельдмаршал-лейтенанта Г.Б. Огильви стали устраиваться в городе. Не успели солдаты отогреться от сырых и морозных переходов, как поразила тревожная весть: по зимнику в январскую стужу от Варшавы до Гродно Карл XII совершил молниеносный 250-километровый бросок. Как под Нарвой в 1700 г. армия попала впросак. Только что в декабре 1705 г. Меншиков уверял, что враг далеко, а уже 13 января 1706 г. путь на восток был отсечён. 20 000 шведов сели «со шпагою на шею», заперев русских за валами Гродно. Нежданное окружение было большим промахом русского генерала. Тиф и цинга могли быстро скопить скученное на ограниченном пространстве войско. Совершать конные рейды по шведским тылам Меншиков не рисковал и по приказу царя уехал из Гродно, не уведомив Г.Б. Огильви, с которым он непримиримо соперничал. 17 января 1706 г. из Гродно «за саксонской помощью» с четырьмя русскими драгунскими полками сбежал Август II. Пётр предписал вырваться пехоте из мышеловки, но упрямец Г.Б. Огильви, наоборот, собрался отсиживаться за валами до подхода саксонцев. В «гродненском изнурении» солдаты, драгуны и жители гибли от морозов, «наготы и босоты». Из-за куса хлеба случались убийства. Только 24 марта 1706 г. уменьшившаяся русская армия через болота и половодье чудом вырвалась из кольца и ушла в Киев. То, что шведы окрестили «постыдным бегством», на самом деле было спасительным прорывом измученных людей. Состояние пехоты после марша в несколько сотен километров было настолько плачевным, что саксонцы полагали, что она не восстановит боеспособность в ближайшем будущем, а малейшие тяготы вызовут бунты в ней¹¹. Но неуёмный Меншиков, встретивший солдат через три дня, иронизировал над Карлом XII: «Король шведской, сказывают, как уедал о выходе наших войск из Гродни, то таков был весел, что волосы на себе драг»¹².

Калиш. После отставки генерал-фельдмаршала Г.Б. Огильви во главе русской армии были Пётр I, Шереметев и Меншиков — уни-

версал, знавший морское, пехотное, кавалерийское дело, артиллерию и постоянно участвовавший в военных советах.

Славу молодому генералу принесла победа у Калиша 18 октября 1706 г. после которой он стал считаться одним из первых полководцев Европы¹³. (Английский, датский и прусский посланники в Петербурге сравнивали Калишскую «великую викторию по препорции войск» с победами герцога Д.Ч. Мальборо и Евгения Савойского над французами и баварцами при Бленхейме 2 (13) августа 1704 г. и при Рамийи 12 (23) мая 1706 г.)¹⁴.

Когда армия Карла XII уходила из Польши в Саксонию, вслед за ней 20 июля от Фастова отправился без обоза и пехоты конный «летучий корпус» генерала, истинным призванием которого была кавалерия. Скорее всего, от отца, придворного конюха, он перенял любовь к лошадям, завёл несколько конных заводов и, выписывая коней из Пруссии, Литвы и Польши, внёс большой вклад в русские победы как коннозаводчик. Когда в августе 1704 г. из Москвы к Нарве прибыл сформированный из дворян-недорослей 10-ротный драгунский полк, его назвали Ингерманландский драгунский Александра Даниловича Меншикова полк.

Ещё до похода ради укрепления дисциплины и боеготовности Меншиков утвердил своё наставление «Артикул краткий». В походе воины должны были ежедневно просить милости Бога и быстро собираться на молитву и смотры. В бой предписывалось идти с «бодрым сердцем» и биться до последней капли крови¹⁵.

Август II, боясь потери саксонской короны, указал своим дипломатам заключить мир с Карлом XII даже ценой отказа от польского трона и вступил в контакт с командующим шведским корпусом генералом А.А. Мардефельтом, который стоял у Калиша в западной Польше. О предательстве Августа II (как позже и Мазепы) русский генерал ничего не подозревал. Его недопустимая доверчивость могла обернуться большим ущербом¹⁶. 18 октября 1706 г. Меншиков против воли Августа II «вытянул» того на битву и впервые взял на себя самостоятельное командование союзным русско-саксонско-польским соединением в 34 000 чел. (вместе с нерегулярными).

Правое сильное крыло составили две линии Меншикова из 17 пятиэскадронных полков (8756 драгун). Саксонское левое крыло из 14 трёхэскадронных полков было короче и насчитывало не более 6000 кирасир и драгун. До 10 000 «сандомирских конфедератов» (сторонников Августа II), которые не могли сражаться в линейных порядках, разместились уступом назад позади второй линии. На 3–4 км вытянулись конные линии союзников против 4358 шведских и

немецких воинов Мардефельта и 12 000 поляков Станислава I. Планируя наступательный бой, противники не отсыпали земляные укрепления, как это произошло потом под Полтавой.

Едва враги сошлись на ружейный выстрел, как оба польских крыла сторонников Лещинского рухнули. Тем не менее Мардефельт, не отвечая на встречный огонь, клином рванулся в стык русской и саксонской кавалерии и отбросил несколько полков от пушек.

Пролома шведским «катком», как бывало прежде, не случилось. Меншиков отвел часть центра первой линии за вторую. Драгуны, «жестокое» отстреливаясь с коней, не спеша, отъезжали. (Такой же приём боя князь применил в районе редутов под Полтавой.) Всадники Мардефельта совершили непростительную ошибку – оторвались от пехоты и «гребёнкой» проскочили вперед, но вторую линию не проббили. Отражая атаку германских батальонов, Меншиков спешил часть своих кавалеристов и велел наседать своей коннице с правого крыла. Драгуны наезжали на эскадроны врага с разных направлений и вышли на левый фланг шведской пехоты. Командовавший саксонцами генерал-лейтенант голштинец М. Брандт тоже спешил часть верховых, но не показывал особого рвения, повторяя охват шведов с другого фланга. Август дал своему командному составу установку «не усердствовать», дабы не привести в ярость «северного Александра Македонского», хозяйничавшего в Саксонии. Конница «сандомирян» пустилась вдогонку за сбежавшими станиславцами и окружила их вагенбург.

Почти час отрезанные от пехоты шведские кавалеристы метались, окружённые превосходящими силами. Под командой Меншикова драгуны рассекали, окружали, выбивали их мушкетными пулями, гранатами из ручных мортирок и захватывали пленных. Агония шведских полков проходила почти в темноте, пыли и дыму: перемешанные части пехоты и кавалерии на короткое время частично соединились в каре численностью до тысячи человек. Меншиков приказал подтащить пушки и стрелять по каре и бросать гранаты, взрывов которых боялись лошади. Угроза полного расстрела русскими пушками заставила остатки шведов бить сигнал сдачи.

Генерал-лейтенант К.Э. Рённе отобрал шпагу у Мардефельта и переправил пленного Меншикову. Впервые русский генерал пленил шведского. Утром 19 октября из польского вагенбурга выбросили белые флаги, закричали о сдаче и Меншиков великодушно предоставил Брандту принять капитуляцию станиславцев и шведов, укравшихся в Калише. После победы Август II послал Карлу XII своё «искреннее» соболезнование, обвинив русских и поляков, втянувших его против воли в сражение¹⁷.

За шесть лет Северной войны не было такой впечатляющей победы в открытом поле над такими крупными силами. Русский генерал твёрдо выдержал линейный порядок, умело провёл фланговый удар и сделал ставку на огневой бой. Такой тактики русская армия придерживалась вплоть до Полтавской битвы. В Европе рухнул стереотип непобедимости шведов.

Александр Данилович потерял всего 5% убитыми и ранеными¹⁸. При пятикратно меньшем количестве пушек, чем при Полтаве, он провёл полное окружение шведского центра. Из шведских полков было захвачено 2598 чел. — самое большое число пленных в Северной войне вслед за полоном 1709 г. в Переволочне у Днепра (около 16 000) и под Полтавой (2977 чел.). Перебито было около 1260 чел. Славлюбивый князь пятикратно преувеличил свой успех: по его словам, на поле полегло 5 тысяч шведов и тысяча поляков и валахов.

Удачная битва укрепила уверенность Петра I в полководческом мастерстве своего любимца. Князь «выиграл пред историею процесс свой с Огильви, показав, что русское войско не нуждается в наёмном фельдмаршале» (С.М. Соловьёв).

22 октября 1706 г. Меншиков устроил победный пир с военной музыкой, на который пригласил Августа II, пленённого Мардефельта и всех высших офицеров.

В Варшаве Меншикова завалили лавровыми венками, панегириками, сравнениями с Александром Македонским и Александром Невским. Август II одарил победителя большими имениями на Волыни. Из Вены Меншикову выслали диплом на звание «светлейшего князя Священной Римской империи» и даже соглашались переуступить на русскую службу принца Евгения Савойского, если шведский король предпримет что-либо против Германии или «паки в Польшу вступит». Пётр I для приёма послов и вельмож приказал князю завести двор как у германского императора — с обер-гофмейстерами, обер-маршалами, обер-камергерами, гофмаршалами и т. д.

В свой день рождения 30 мая 1707 г. царь пожаловал любимцу достоинство «Ижорского князя» с титулом светлости. С этого времени «сиятельный Римского государства имперский князь затмил титулованную российскую знать. С 1710 г. одновременно с Полтавской, в России стали праздновать и Калишскую победу — 18 октября стало «викториальным днём»¹⁹.

Изобретательный в тактике и оперативном искусстве, князь не обладал стратегическим мышлением. После триумфа победитель счёл, что ему «море по колено». Чтобы покончить со шведской оккупацией Польши, он предлагал захватить Познань и Эльблонг, на

крыльях победы ворваться в Саксонию, отбросить шведов в Баварию или к французам и затем принудить к миру. Но царь в отличие от вдохновленного друга после «превеликой и пречудной победы» считал разумнее послать его на север для «отсечения второго шведского крыла» — 10–12-тысячного корпуса А.Л. Лёвенгаупта, который отдалился от Риги.

После детронизации Августа II пошли слухи об «учинении королём польским царевича Алексея» или Меншикова. Австрийский резидент в Москве О. Плейер тоже считал, что царевич Алексей и Меншиков собирались выставить свои кандидатуры на предстоящей элекции 3 августа 1707 г. Г. Гюйссен докладывал П.П. Шафирову и Г.И. Головкину, что на польский трон можно посадить князя Меншикова или даже Мазепу — всё равно их содержание ляжет на Россию²⁰. «Светлейший князь» был не прочь завладеть короной Польши, если вспомнить его желание стать курляндским герцогом в 1711 и 1726 гг. и тестем императора Петра II в 1727 г. Однако русское правительство реальных шагов для продвижения «светлейшего» к польскому трону не предприняло. Выгоднее были кандидатуры принца Евгения Савойского, королевича Якуба Собеского или его братьев Константина и Александра, которые помогли бы заключить антишведский союз с Габсбургами. Впрочем, учитывая тайные контакты с Августом II, русское правительство продолжало «ласкою и обнадеживанием» держать саксонца как запасной вариант против шведов.

В конце лета 1707 г. Карл XII из Саксонии начал поход на Москву. В арьергарде русской армии был Меншиков, который сдерживал противника на всех дефиле и основательно опустошал перед ним с помощью казаков, калмыков и драгун полосу шириной в 100–120 км.

«Мать Полтавской баталии». Главными творцами победы при деревне Лесной были Пётр I и Меншиков. Догоняя с «летучим корпусом (корволантом)» в 12 941 чел. такую же по численности (12 950 чел.) курляндскую армию генерала А.Л. Лёвенгаупта, спешившего с громадным обозом в 7000–8000 фур соединиться со своим королём, царь посадил на коней гвардию, батальон Астраханского полка и присоединил к ним три драгунских полка. Генерал Меншиков командовал другой колонной, составленной из семи драгунских полков и его личной гвардии — Ингерманландского полка.

С 23 по 26 сентября Меншиков трижды нападал на хвост шведского обоза, пытаясь задержать его движение. 28 сентября 1708 г.

началась самая упорная за все годы Северной войны «Лёвенгауптская баталия». Сражение при Лесной Пётр I дополнил противостоянием у Пропойска: утром до боя Пётр I приказал незначительному отряду бригадира Ф. Фастмана стоять за земляными укреплениями в местах возможной переправы у Сожа и «держатъ неприятеля до последнего человека под потеряннем живота». Это заставило противника разделить силы и считать, что тот взят в два огня.

В бою Пётр I управлял правым флангом, Меншиков — левым. Рискованный выход корволанта из леса русское командование заранее не подстраховало и на малом поле не успело развернуть боевую линию. Лёвенгаупт нанёс упреждающий удар, смял выходивший на поле Невский полк и даже захватил две пушки. Меншиков почти сразу выправил положение, атаковав Ингерманландским полком. Потом на выручку подоспел Пётр I, который нанёс удар во фланг Преображенским и Семёновским полками.

Во время главного боя на большом поле оба полководца умело командовали, подчиняя войска своей воле. Царь на правом, а Меншиков на левом фланге под градом свинца разъезжали из конца в конец линии. Появляясь в самых опасных местах, царь и его любимый генерал своим авторитетом и решительностью усиливали напор воинов и даже возглавляли кавалерийские налёты: «Его Царское величество своим высоким присутствием больше всего дал для победы. Он скакал от одного полка к другому и, давая пример уставшим частям, снова ободрял их. Везде появляясь, он наводил необходимый порядок. Точно так же светлейший князь Меншиков, как генерал-аншеф и все прочие генералы и офицеры каждый доказали свою личную храбрость и умение в бою»²¹.

Потеряв половину корпуса, обоз, артиллерию, порох, одежду, все военные, продовольственные и санитарные запасы, Лёвенгаупт не усилил, а обременил короля заботой о пропитании и вооружении спасшихся остатков.

Царь и его генерал мастерски провели операцию — заставили Лёвенгаупта разделить силы, умело парировали шведский удар при выходе на поле, с могучим напором провели линейный бой и в финале сломили дух противника. К 1708 г. русское командование овладело «шведской манерой» ошеломляющего удара.

Отсутствие войсковой разведки помогло спастись уцелевшим толпам беглецов в болотах за р. Сож. Отправленный преследовать А.И. Репнин, боясь «попасть под лапу» Карла XII, сообщил, что Лёвенгаупт ушёл «от Пропойска болши трёх миль» (18 км) и повернул на север к Смоленску, хотя главная шведская армия в то время нахо-

дидась в 120 км от Пропойска. Отказавшись от глубокого поиска за Сожем, Пётр I перестраховался. Через месяц, 2 ноября 1708 г. Меншиков разорил базу изменника Мазепы под носом Карла XII, находившегося всего в 70 км от Батурина.

В триумфальном шествии в Смоленске Меншиков не участвовал — он с 14 драгунскими полками был сразу послан «для надежды малороссийскому народу и отпору неприятелю» к резиденции гетмана Мазепы Батурина, куда пробивался шведский король.

Штурм Батурина. Смыслом жизни Мазепы были власть и богатство. Гетман видел незначительность своих сил и знал, что «независимое гетманство» со слабыми нерегулярными полками без внешнего протектората существовать не может. После того, как русская армия заставила Карла XII отказаться от наступления на Москву, Мазепе стало ясно, что шведская армия лишилась всесокрушающей силы. Карл XII из-за изнурённости войска не мог совершить даже быстрый рывок к Батурина.

В любом случае Мазепа рассчитывал остаться на стороне победителя, вот почему он до последнего оттягивал переход к шведам и подстраховал себя даже на случай удержания Петром I границы по Днепру: после того, как ему придётся эмигрировать под протекторат Карла XII и Лещинского, взамен Гетманщины он просил гарантий на владение Витебским и Полоцким воеводствами.

Всего под рукой у Мазепы было две трети наёмного корпуса — 3 компанейских (конных) и 4 сердюцких полка (3000—3500 чел.)²². С 70 орудиями (в том числе и крупного калибра) продержаться в Батурине против конницы Меншикова, имевшей только 2- и 3-фунтовые пушки (и даже против всей русской армии) до подхода шведов было вполне реально.

Меншиков, как и Пётр I, считал украинского гетмана верным до гроба: «Жаль такова доброго человека, ежели от болезни ево Бог не облехчит».

24 октября 1708 г. Мазепа сбежал из Батурина, оставив там 4 сердюцких полка 1500—2000 чел. и несколько городовых казацких. Армия короля в это время медленно, по 2—3 мили в день продвигалась по Северщине, а с 25 октября и до конца месяца вообще засела в Горках в 70 км от Батурина.

Меншиков вместе с киевским воеводой Д.М. Голицыным появился у батуринской «фортеции» днём 25 октября и узнал, что гетман, обманув казаков и жителей, уехал к Десне. Между отрядом Меншикова и армией Шереметева вклинился шведский король, на Десне предстояло отражать шведов с севера, на юге у Сейма появи-

лась неприятельская крепость. Чтобы крупная военная база не досталась шведам, князь максимально широко использовал переговоры и несколько раз отправлял посланцев с предложением впустить в крепость русских драгун.

Полковник Чечель, получив через лазутчика весть о скорой шведской помощи, пригрозил содрать кожу с живого Меншикова²³ и 1 ноября открыл огонь из пушек по посадку, по солдатам, «близ места стоящим» и даже через Сейм по штабу князя. Предместье загорелось. Чечель, а не Меншиков взял на себя ответственность за начало военных действий. Это, видимо, разъярило князя, и он решил беспощадно расправиться с бунтовщиками. Князь приказал погасить огонь в некоторых хатах, драгуны засели в уцелевших постройках и стали подтаскивать пушки. Вечером и ночью с 1 на 2 ноября осаждающие готовили фашины и сколачивали штурмовые лестницы.

Меншиков наметил штурмовать в двух местах: генерал-майор Г.С. Волконский должен был приступить с правой стороны «подле ворот» (Конотопских), а полковник И. Анненков — со стороны Сейма через береговые ворота («сзади реки взвоз»)²⁴. Против северного угла стен Меншиков поставил небольшой отряд из 200 «татар» (вероятно, калмыков), чтобы те перед штурмом подняли ложную тревогу и оттянули на себя гарнизон. Локальную карательную акцию он рассматривал как меру наказания за неподчинение и измену своему государю.

«Гетманская столица» была небольшим населенным пунктом в размер стадиона. Там могло находиться 200–250 дворов с 1000–1500 жителями²⁵. Батуриным даже с его артиллерией и значительными военными припасами не шёл ни в какое сравнение с Нотебургом, Нарвой и Дерптом, в атаках против которых участвовал Меншиков.

Затемно, в 6 часов утра, началась обманная стрельба и крики. Большая часть гарнизона бросилась к северным стенам. В это же время к фортеции поднялись полки Меншикова. Слабая подготовка орудийных расчётов мазепинской артиллерии, видимо, не позволила эффективно противодействовать атакующим.

Несколько сотен безоружных селян из округи и большинство батуриновцев, укрывшихся в фортеции от шведов, вряд ли вышли на стены. Казаков никто не готовил сражаться с русскими, и они, скорее всего, предпочитали уклониться от боя, подобно тем, которых Мазепа обманом увлек за Десну. С оружием на стены вышли в основном сердюки и городовые казаки (вряд ли все).

Решающую роль сыграл приступ Анненкова через береговые ворота. По «взвозу» штурмующие прорвались в центр города. Глядя со

стороны, можно было подумать, что из рытвины-лощины они поднимались как из-под земли. Позже народная молва разнесла, что драгуны якобы незаметно и тихо проникли через тайную калитку или подземный ход.

Для патриотов-батуринов была немислима измена присяге. Сотник наказного прилуцкого полковника И.Я. Носа Соломаха сообщил Меншикову, что на том участке стены, где находились казаки Прилуцкого полка, не будет сопротивления. Нельзя исключить, что эти казаки помогали атакующим справляться с сердюками. Батуриновцы же, вполне вероятно, открыли и береговые ворота. Разногласия и свары среди казаков и сердюков при нежелании биться с русскими, скорее всего, привели к тому, что более тысячи сердюков и казаков, увидев драгун и солдат в центре фортеции, бросились в разные стороны. Благодаря хорошо продуманному князем плану фортеция была взята в молниеносной «шведской манере» всего за два часа.

Ворвавшись за стены, драгуны уничтожали всех подряд и долго не могли унять. Впрочем, погибли не все. Через некоторое время Меншиков через трубачей дал команду прекратить расправу, и часть жителей нашла защиту у князя. Однако забившиеся в хаты, погреба и подвалы не смели показаться на улицах, и большинство погибло уже после штурма в ночь со 2 на 3 ноября от огня и дыма. Достаточное количество людей все же были забраны и живыми отправлены в Россию.

За день и часть ночи 2 ноября со стен были сняты 40 пушек (тяжёлые были взорваны), взято «зело много изменничего богатства»²⁶, в том числе свинец, порох, хлеб, спиртное и 2000 лошадей из конюшен вне фортеции. Была подготовлена к эвакуации и канцелярия гетмана. В 2 часа ночи 3 ноября Меншиков поехал внутрь фортеции. Таким образом, спешно поджигать военные и продовольственные склады («великой магазеин») стали после этого времени.

Подвёрстывать уничтожение Батурина под «геноцид», как это делают современные украинские историки, нельзя. Перейди к шведам любой русский город, например, восставшая Астрахань, или Черкасск, его ждала бы та же беспощадная расправа. «Поголовного истребления» батуриновцев не произошло. По умозрительным оценкам шведов, погибло около 6000–7000 чел. (Скорее всего, это преувеличенная цифра.) Известна опись Батурина 1726 г., по которой там насчитывалось уже 647 дворов (3000–4000 чел.), то есть многие казаки и жители успели избежать резни²⁷. Гибель мирного населения, конечно, не может не вызывать сострадания тем более, что

погибли и те, кто укрылся в Батурине от шведов и не знал об измене Мазепы. Их уничтожение не определялось военной необходимостью.

Значение захвата гетманской резиденции прежде всего в том, что после разгрома курляндской армии и огромного военного обоза А.Л. Лёвенгаупта, ликвидация находящегося во фронтовой полосе крупного арсенала Мазепы была сильным ударом по армии вторжения. В районе Батурина, как и на Северщине, шведская армия уже не могла расположиться. Пётр I не одобрил безжалостную расправу Меншикова и отказался вставить штурм Батурина в официальную «Гисторию Свейской войны». Стремительность Меншикова, который буквально из-под рук Карла выхватил Батурин, высоко оценивалась всеми отечественными историками, однако о жертвах среди мирного населения умалчивалось.

Шведские карательные акции против украинских казаков и крестьян начались сразу после вторжения на Гетманщину и продолжались вплоть до окончания оккупации Малороссии. В качестве примера можно привести резню и сожжение заживо 11 декабря 1708 г. шведскими драгунами и мазепинцами 1600 (или 3000) украинцев, в том числе женщин и детей, подполковником Т. Функом (1672–1713) в Тернах²⁸.

С конца февраля 1709 г. и до 4 июня – до приезда царя под Полтаву Меншиков руководил войсковыми операциями на Левобережной Украине.

Полтавская операция. Во время шведской осады Полтавы с 1 мая по 4 июня, вплоть до прибытия царя, главным соперником Карла XII оказался Меншиков, развернувший поразительную активность, чтобы заставить врага отойти от города.

Князь выбрал безошибочную тактику – изматывание врага ложными тревогами, имитацией прорывов к крепости с громкой военной музыкой, фальшивыми «диверсиями», неожиданными ударами и быстрыми отходами. Такой тактикой он вынудил шведов держать армию почти постоянно под ружьём и к моменту Полтавской битвы буквально измотал её.

7 мая 1709 г. князь послал к Опошне кавалерию и пехоту. Несмотря на сильный отпор шведской артиллерии, воины бросились с холодным оружием на шведские шанцы, за которыми находились 4 эскадрона конницы и 300 чел. пехоты. Меншиков с разных сторон начал обстреливать Опошню, перебил до 600 шведов, пленил до 300 и освободил несколько сотен украинцев, согнанных на земляные работы.

Потом князь поджёг предместье, снёс мосты и под дымовой завесой отступил к Котельве. Бой у Опошни дал Полтаве некоторый «отдых», а площадь квартирования шведов опасно сократилась.

Вслед за этим командующий быстро перебросил на юг войска и артиллерию, встал лагерем против Полтавы и приказал наводить переходы к городу через Ворсклу. Несколько драгунских и пехотных полков были поставлены вверх и вниз по реке.

Под руководством Меншикова была задумана военная хитрость: 15 мая за шесть километров вверх и вниз от Полтавы русские отряды с 12 часов ночи до 5 часов утра гремели обманной стрельбой. Шведы были сбиты с толку, и в осаждённый город был совершён «счастливый прорыв» 900 солдат бригадира А.А. Головина с порохом и свинцом.

Вслед за тем за Ворсклой Меншиков возвёл большой редут с батареей из 9 пушек крупного калибра и начал строить к Полтаве громадную укреплённую линию, оснащённую реданами и редутами. Темп и объём работ поражал шведов. Через все протоки Ворсклы на фашинно-земляной дамбе был создан большой ретраншемент, рассчитанный на круговую оборону. Однако ни одного нападения против него шведская армия произвести уже не могла.

Против Меншикова Карл XII начал выводить вдоль реки свои оборонительные шанцы и редуты. Светлейший князь принял решение пробиться сквозь них, пока те ещё не были закончены. Двойная атака из двух крепостей, из Полтавской и из-за Ворсклы, была начата 17 мая. На прорыв князь бросил несколько сотен (два батальона) гренадер. Гренадеры «зело бодро» атаковали Гвардейский шанец с пушками и прогнали оттуда шведов. А.А. Головин, вдохновлённый прошлым успехом, бросился на коне из Полтавы сверху на шведов с четырьмя сотнями солдат, перебил несколько десятков и загнал многих в реку, но после удара с тыла был пленён. На сей раз пробиться в город не удалось.

С 22 по 25 мая переход продолжали расширять. 27 мая к Меншикову присоединился корпус Шереметева. 4 июня к Полтаве прибыл Пётр I, и русское командование стало склоняться к генеральному сражению.

8 июня Пётр I для спасения Полтавы решил нанести удар по неприятелю с нескольких сторон русской армией, казаками нового гетмана И.И. Скоропадского и полтавским гарнизоном. Корпус Меншикова должен был переправиться через Ворсклу в двух верстах выше Полтавы. Дивизии Репнина следовало перейти реку против города и выбить шведов из прибрежных шанцев. Генерал-лейтенанту И.Х. Генскину предписывалось напасть из-за Ворсклы с юга на Ста-

рые Санжары, чтобы освободить пленных, захваченных шведами после штурма в Веприке.

Страшные грозы и наводнение 11–13 июня сорвали масштабный замысел, и 15 июня военный совет принял новый план – «перейти Рубикон» – Ворсклу и стать лицом к лицу с Карлом XII. 25 июня 1709 г. весь лагерь русской армии встал на расстоянии 4 км от шведского.

Звёздный час военной карьеры Меншикова пробил 27 июня 1709 г.²⁹

О распоряжениях Петра I и Меншикова в ночь и во время битвы приходится судить по действиям войск. План битвы предусматривал сдерживание противника на передовых укреплениях, отражение его с помощью артиллерии из ретраншемента и фланговые удары пехоты и конницы с обеих сторон лагеря. Русская войсковая разведка упустила перемещение всей шведской артиллерии и обоза с несколькими тысячами охраны, больных и раненых к Пушкарёвке и долго не могла определить направление главного удара короля.

Когда шведская армия пошла на прорыв сквозь редуты, Александр Данилович бросил навстречу 16 полков драгун³⁰. Схватка началась в районе девятого и восьмого редутов. Контратака князя сдержала наступавших и дала время для подготовки к бою пехоте и артиллерии в ретраншементе. Расстроенные пехотинцы Карла XII гибли под палашами и сбивались назад. Напор Меншикова вызвал смещение – шведские эскадроны рысью по одному протискивались сквозь интервалы между батальонами, в беспорядке вырывались вперёд, опрокидывались и заворачивали обратно, укрываясь за пехотой. Бой на редутах затянулся дольше, чем на час. Передовые укрепления и драгуны князя выполнили свою роль – вся русская армия была приведена в боевую готовность. Пётр I приказал «помалу» отходить кавалерии и у ретраншемента раздвинуться в стороны, чтобы можно было стрелять из пушек. Будь верховное командование в руках «светлейшего», он провёл бы битву более рискованно, чем царь. Разгорячённый успехом, Александр Данилович (под ним пали уже два коня), возможно, просил изменить план и на удачу перенести оборонительный бой на редуты. Царь на импровизацию не согласился: в лагере полностью подготовили артиллерию к отражению противника и вывели на фланги пехоту. Отказ государя подкрепить пехотой конницу Меншикова у редутов был вызван вероятной угрозой с юга, со стороны Яковцов, так как появление в сумерках 26 июня тысячи валашских всадников наводило на мысль, что главный удар по ретраншементу шведы нанесут вдоль обрыва над Ворсклой.

Зная азарт и безрассудную отвагу князя, Пётр отозвал «светлейшего» и после ранения К.Э. Рённе вручил командование генерал-лейтенанту Р.Х. Боуру. Русские драгуны с трудом оторвались от кавалерии К.Г. Кройца и построились не рядом с лагерем, а за балкой Побыванкой в двух километрах от ретраншемента.

Судя по «Обстоятельной реляции», русское командование даже 9 июля 1709 г. ошибочно продолжало считать, что утром 27 июня шведы всё ещё не ввели в бой, по крайней мере, 5000–6000 войск — некий «корпус резервы в 3000 чел.» у Яковецкого леса и «три полка генерал-маёра Розе» (К.Г. Руус).

Расправиться с этими войсками, идущими «в сукурс» (на помощь) королю, послали Меншикова, под командой которого находился генерал-лейтенант С. Ренцель с пятью батальонами (2486 чел.) и генерал-лейтенант Генскин с пятью конными полками (3593 чел.)³¹. Князь отлично справился с задачей, обратил в бегство отставшую колонну Рууса и поручил добить её Ренцелю.

Оборонительный период битвы (3–6 ч. утра) закончился, инициатива перешла к русским. Конница Меншикова и гарнизоны редутов провалили наступательный план шведов, раздробили армию короля на пять частей и разбросали их в разные стороны. С 6 до 8 часов утра наступил двухчасовой перерыв.

Между 7 и 8 часами утра военный совет, проведённый на конях, сменил план битвы на наступательный.

До 8 утра (почти час!) без помех от шведов русская артиллерия, пешие и конные полки выводились из лагеря и строились в две боевые линии.

Как и в сражении при Лесной, царь принял командование более сильным правым флангом, где стояли все три конно-гренадерских полка и гвардейская бригада (всего 7709 драгун). Меншиков распоряжался более слабым левым крылом (4459 всадников)³².

Шведский прорыв, который пришёлся почти по центру, ликвидировал государь — он первым сорвался на помощь к бегущим.

Светлейший князь, скорее всего, оказался дальше от опасного места, но нет сомнения, что он поступил бы точно так же. Контратака Петра I стала решающей, она предрешила успех битвы, развалив шведскую армию надвое.

«Грудной бой» кипел полчаса. Армию короля от фланга до фланга снесла только первая линия. Находясь позади неё, Меншиков, Брюс, Голицын, Репнин, Рённе, Алларт, Боур, Куракин образцово управляли линиями. Никто не терял контроля над своими частями и не был ранен. Под Меншиковым ранили третьего коня. Пётр I

был на волосок от смерти, в царя стреляли с близкой дистанции, и в его седло и шляпу попали пули. Специалисты по баллистике в будущем, быть может, уточнят траекторию полёта пуль.

Битва превратилась в побоище. Брать в клещи и уничтожать крупные, хотя и раздробленные силы неприятеля на Полтавском поле никто не помышлял. Расстроенную первую линию Пётр не послал сквозь заросли у деревни Малые Будыши, за которой беглецы получили передышку. До вагенбурга у Пушкарёвки их преследовали, в основном, нерегулярные войска. Вторую и третью линии, которые не участвовали в бою, Пётр I не послал в погоню. Если бы решение принимал «бранелюбивый» Меншиков, то истребление врага, возможно, продолжалось бы вплоть до Пушкарёвки. Царь прекратил преследование потому, что учитывал больше факторов, чем его любимый друг. Пётр I считался с возможным выдвиганием какого-нибудь нового «корпуса резервы» от вагенбурга или с мест шведских стоянок. И хотя собравшееся вокруг обоза из осколков разных полков воинство было небоеспособно, но о его месте и состоянии, по крайней мере до 11 ч., ничего не знали. Нападать же на более чем 20-тысячное (вместе с мазепинцами и запорожцами) скопище было рискованно. Чтобы начинать новую операцию, следовало провести рекогносцировку, пополнить боезапасы пехоты и артиллерии, построить войска в походный порядок, организовать 8-километровый марш в колоннах на юго-запад и перестроить их в боевые линии перед Пушкарёвкой. Учитывая тогдашнюю слабую маневренность русской армии, новый бой в тот же день начинать было нельзя! Можно предположить, что не исключалась мысль напасть на вагенбург на другой день, но к вечеру выяснилось, что все шведы бежали из-под Полтавы. «Куды оные обратятся далее бегом спастися, о том время покажет», — писал царь 28 июня.

Вечером победного дня гвардейская бригада М.М. Голицына, 6 драгунских полков Р.Х. Боура (в этом корволанте было около 12 000 чел. войска) и казаки готовились к преследованию. Шведы обнаружили погоню лишь в предрассветное утро 28 июня³³. 28 июня вдогонку за королём полетел Меншиков с тремя конными и тремя пехотными полками. За передовыми частями снарядили и два «корпуса инфантерии». 30 июня к Днепру отправился и Пётр I. В это время до 1300 шведов вместе с королём успели перебраться за могучий водный поток у Переволочны.

Учитывая численное превосходство шведов, вступать в новый бой было нецелесообразно. М.М. Голицын применил военную хитрость — на высоте, которая контролировала возможный выход шведов, он

построил спешенных драгун, а на флангах расставил лошадей, чтобы казалось «многолюднее». К шведам был послан парламентёр, который твёрдо заявил, что князь Меншиков со всей русской армией уже на подходе и возможностей для отступления нет. В случае сопротивления все шведы будут перебиты. Не желая напрасного кровопролития, от имени светлейшего князя предлагаются достойные условия капитуляции. Вскоре на высоком холме появился Меншиков, который объявил, что послан государём со всей армией атаковать врага, но, следуя заветам Христа и принимая во внимание положение противника, не хочет нового кровопролития³⁴.

Затягивание Лёвенгауптом переговоров выручило короля. Князь своевременно не отправил на правый берег Днепра калмыков и казаков, хотя там среди шведов периодически поднималась ложная тревога: «Калмыки!» После заключения соглашения деморализованные шведы плелись на возвышенное плато, где стояла русская гвардия, и складывали оружие к ногам Меншикова, Голицына и Боура. К вечеру вместо Меншикова Днепр переплыл генерал-майор Г.С. Волконский с 6000 драгун и с казаками, причём светлейший самонадеянно уверял, что погоня «праздно не возвратится».

1 июля в Переволочну приехал царь, но возможность захватить короля («нашего чудина») и Мазепу в Диком поле испарилась.

Два разгрома при Лесной и под Полтавой заставили шведские сухопутные силы уклоняться от генеральных сражений с русской армией во второй половине Северной войны в 1710–1721 гг., а также в трёх последних войнах с Россией: в 1741–1742, 1788–1790 и 1808–1809 гг.

После ослепительной победы 36-летний Меншиков заслуженно был повышен в чине. Благодаря близости к царю, путь от сержанта гвардии до второго генерал-фельдмаршала занял у него 11 лет. (Прапорщик М.М. Голицын стал фельдмаршалом через 31 год, поручик А.И. Репнин — через 39 лет, сержант А.В. Суворов — через 43 года, шведский прапорщик К.Г. Реншэльд — через 33 года.)

Венцом воинской славы для Меншикова стали парады победы в Полтаве 6 июля 1709 г.³⁵ и Москве 21 декабря того же года, когда по русской столице провели 22 085 шведов, финнов, немцев и др.³⁶

Победа стала результатом первых плодов военной реформы, проводившейся Петром I и А.Д. Меншиковым и коснувшейся всех родов войск, вооружения, тыла и военного производства.

Завершение военной карьеры. Калиш, Лесная, Батурин и Полтава стали вершинами боевой славы Меншикова за 1706–1709 гг. С неограниченными полномочиями Петра I (и правом менять его распо-

ряжения, если было необходимо развернуть их в нужное русло) светлейший князь мог на полях войны делать больше, чем любые кавалерийские генералы русской службы от К.Э. Рённе и Р.Х. Боура до М.И. Платова и Ф.П. Уварова. Датский посланник Ю. Юль записал слова Петра I: «Без меня князь может делать, что ему угодно, я же без князя ничего не сделаю и не решу».

Тактический и оперативный талант светлейшего князя ярко сверкнул на заурядном русском фоне XVII — начала XVIII в. (А.С. Шеин, Ф.А. Головин, Б.П. Шереметев, Ф.М. Апраксин, И.И. Бутурлин, В.В. Долгоруков, А.И. Репнин). Под стать князю были М.М. Голицын и некоторые военачальники иноземного происхождения: Л.Н. Алларт, Я.В. Брюс, К.Э. Рённе, Р.Х. Боур.

Военный дар Меншикова был не меньше, чем у полководцев Саксонии (И.М. Шуленбурга, А.Г. фон Штейнау, Я.Г. Флемминга), Дании (К.Д. Ревентлау, Й. Рантцау, Й. фон Шольтена) и Швеции (К.Г. Кройца, А.А. Мардефельта, М. Стенбока, А.Л. Лёвенгаупта, Б.О. Стакельберга, Х.Ю. Гамильтона, А. Лагеркруны). Конечно, князю не хватало стратегического и политического чутья, так отличавших Петра Великого, и он не мог затмить своим талантом шведских звёзд первой величины — К.Г. Реншёльда и тем более Карла XII. По значимости в мировой военной истории генерал-фельдмаршал Меншиков уступает австрийскому генералиссимусу и государственно-му деятелю Евгению Савойскому (1663—1736), французским маршалу и военному теоретику Морицу Саксонскому (1696—1750), принцу Луи Конде (1621—1686). Меншиков не имел ни времени, ни возможности проводить одиночное обучение всадников и сплочённых конных масс маневрированию и атакам на разных аллюрах в манежах и на пересечённой местности, как это делали блестящие прусские кавалерийские генералы Ф.В. фон Зейдлиц или Х.И. Циттен. Сознывая разницу эпох, Меншикова, может быть, позволительно сопоставить с некоторыми начинавшими путь из простонародья маршалами Наполеона: трактирным слугой, отчаянным удальцом и красавцем И. Мюратом; сыном конюха, «Ахиллом», о котором Бонапарт писал, что он его «нашёл пигмеем, а потерял гигантом», Ж. Ланном; сыном бочара, «храбрейшим из храбрых» (писатель Ф. Глинка) М. Неем; сыном крестьянина, разгромившим в 1799 г. под Цюрихом корпус А.М. Римского-Корсакова и «воровавшим как сорока, инстинктивно» (Ф. Стендаль) Ж. Массеной³⁷.

После Полтавской победы кавалерия Меншикова отправилась очищать Польшу от шведов. В этот год Александр Данилович пытался «розширить нашу православную христианскую веру, треклятую

же унею, яко суть погибельную, весьма разорить». Сбор провианта с польских земель для вспомогательных войск сопровождался разорениями, от которых больше всего страдали имения бывших сторонников Лещинского. Вопреки Петру, который старался улучшить отношения с польской республикой, победитель «смещал чины» и не стеснялся обогащаться даже малым «приварком» и выдавливал максимум возможного с крестьян и шляхты, оправдываясь тем, что русские собирают только хлеб и не ведут себя, как поляки 100 лет назад в Москве, вошедшие в столицу под видом союзников³⁸. И, как всегда, «Данилыч» не брезговал драть копейку и со своих солдат, которые бранили и кляли князя Меншикова: «Заедает вор-собака наше жалованье, кормовое, годовое, наше денежное»³⁹.

Царь, видимо, учитывал, что Меншиков не пользовался любовью солдат, но ему раз за разом приходилось прощать алчность друга, помня о его вкладе в реформы и военную силу России — талантливый самородок был небывало работоспособен, — он вставал ежедневно между 5 и 6 часами утра.

Волевой и крутой как царь, князь был готов свернуть в бараний рог любого, кто встал бы на пути реформ. Преданность государю и амбициозность делали его дерзким и властным в общении с родовой аристократией. Невероятные таланты, опрятность, любовь к роскоши, блеску бриллиантов, яркой и богатой одежде, дорогим белым парикам «львиная грива», резко выделяли худошавого красавца из окружения царя. Вот почему никогда не стихало злословие завистников о спесивости «прегордого Голиафа» и не умолкало злорадство по поводу его безграмотности и низкого происхождения.

В 1710 г. Рига была взята в немалой мере благодаря Меншикову, который с помощью земляной крепости в устье Западной Двины — Александршанца, названной в его честь, пресёк связь главного города Лифляндии со шведскими морскими судами.

Перед Прутским походом в 1711 г. Александр Данилович бравировал возросшей мощью России, которая позволит быстро расправиться с войсками султана. В очередной раз он предложил поддержать против Турции и Австрии православных на Балканах, в Венгерском королевстве и даже Чехии, где, по его мнению, жило население греко-русского исповедания. В этом году он заменил государя в царстве и как генерал-губернатор заведовал обороной Петербурга, Ингерманландии, Эстляндии, Лифляндии и Карелии. «Всё государство, почитай, правил», — писал Б.И. Куракин.

8—10 июля 1711 г. русская армия вместе с царём, царицей и генерал-фельдмаршалом Шереметевым были окружены втрое превосхо-

дящими османо-татарскими силами в Молдавии. Пётр впал в отчаяние. Чтобы вырваться из блокады, пришлось заключать ущербный договор с потерей Азова. Будь рядом с государём его неустранимый друг, он вместо унижительного мира, вероятно, настаивал бы на прорыве из окружения. Его безрассудная храбрость, склонность к риску, самообладание (вспомним его достойное поведение при ссылке в Берёзов) дают основание полагать, что он выправил бы отчаянную ситуацию на Пруте.

В 1712 г. Пётр назначил Александра Даниловича командующим русскими войсками в Померании и приказал осадить Штеттин. Осада не удалась, так как датчане не подвезли тяжёлую артиллерию.

В 1713 г. военные действия были перенесены в Гольштейн. Часть войск шведского фельдмаршала М. Стенбока закрепились у крепости Фридрихштадт и напасть на них можно было только по двум плотинам: всё остальное было залито водой. Узкие насыпи были перекопаны и укреплены батареями. 31 января Пётр I с пехотой двинулся по одной, Меншиков с конницей по другой дамбе. Шведский «синдром Полтавы» был так силён, что враг, «не дав ручным ружьём бою» и сбросив пушки в воду, бежал в крепость Тоннинг у устья реки Эйдер на побережье Гельголандского залива.

Осада этой крепости была поручена Меншикову. Плотная блокада и эпидемия в Тоннинге вынудили М. Стенбока 27 апреля 1713 г. прибыть «на квартиру» Меншикова, в которой после нескольких дней переговоров в присутствии датчан и саксонцев шведским фельдмаршалом 4 мая была подписана капитуляция. Около 12 000 здоровых и больных шведов сложили оружие⁴⁰. Вторая полевая армия Швеции перестала существовать.

С 8 июля 1713 г. Меншиков с 24-тысячным корпусом был отправлен «добывать Штеттин». После сильной бомбардировки саксонской артиллерии 17 сентября в городе начались пожары. 21 сентября в главную квартиру Меншикова прибыл генерал-губернатор Ю.А. Мейерфельт и объявил о выходе 2800 солдат из Штеттина. 1873 человека перешли в голштинскую службу и остались в крепости⁴¹. Ради личной выгоды «светлейший» решился на скандальное нарушение государственных интересов. В октябре 1713 г. за 5000 дукатов он своёвольно передал в секвестр Пруссии до конца войны Штеттин и Штральзунд, почти рассорив царя с датским королем и Габсбургами⁴². После этой истории Пётр I уже не посылал князя за рубежи России. При проходе через Польшу царь 5 ноября 1713 г. указал, чтобы князь «во всём войске накрепко заказал, дабы шли з добрым порядком, не чиня отнюдь никаких обид и отягченей обывателем

полским, а доволствовались бы токмо одним правивантом, определённым от его королевского величества и Речи Посполитой»⁴³.

В 1717–1723 гг. Меншиков являлся президентом Военной коллегии, знаменитый скульптор Б.К. Растрелли в 1716–1717 гг. изваял парадный бронзовый бюст героя-полководца.

В 1720 г. генерал-фельдмаршал приводил в боеготовность драгунские полки на Украине «для безопасности от неприятельского транспорта», который должен был якобы высадиться в Курляндии. В июне конные полки были им посланы к Риге, Ревелю и Смоленску.

20 октября 1721 г. по сценарию торжества мира со Швецией именно Меншикову было поручено просить Петра I принять титул императора, Отца Отечества и Великого⁴⁴.

Ни при Петре I, ни при Екатерине I князь-генерал-фельдмаршал не претендовал на чин генералиссимуса. Но через 6 дней после кончины Екатерины I, 12 мая 1727 г., князь от имени 12-летнего малолетки-императора Петра II возвёл себя в высшее воинское звание. Однако ни прошлые победы, так много давшие России, ни несметное богатство не укрепили его пьедестал. Высокомерный властитель пренебрегал заслугами других и игнорировал врагов. Он не учёл, что за фантастический взлёт на вершину царства надо платить (так потом стала поступать Екатерина II), надо запастись не врагами, а друзьями и сколачивать команду верных помощников. Потеряв Петра I и Екатерину I, он повис в воздухе. Гордыня, заносчивость и бесцеремонность в отношениях с людьми привели генералиссимуса к падению в пропасть в 1727 г.

* * *

За два десятка лет (1695–1714), проведённых на полях битв, Меншиков вместе с царём заложил основы регулярной пехоты и драгунской конницы, идеально приспособленной для просторов России, боёв в конном и пешем строю и малой войны. Будучи одним из первостатейных полководцев русской военной истории, он создавал русскую школу военного искусства. С неограниченными полномочиями Меншиков мог делать больше, чем все кавалерийские генералы русской истории, начиная от К.Э. Рённе (1665–1716) и Р.Х. Боура (1667–1717) до М.И. Платова (1751–1818) и Ф.П. Уварова (1773–1824).

Грубость, жестокость и лихоимство А.Д. Меншикова отходят на второй план по сравнению с заслугами светлейшего князя в Северной войне и в преобразовании страны. Вместе с великим Петром А.Д. Меншиков из Московского царства создавал новую Российскую империю.

¹ Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 201.

² Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2005. Ч. 1. С. 75.

³ Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. М., 1948. Т. 4. С. 338.

⁴ Там же. Т. 2. С. 437, 455, 505, 519, 528. См. также: Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.

⁵ Беспятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005. С. 186, 192. «Библиотека светлейшего князя... относилась к числу крупных книжных собраний России первой четверти XVIII в. ...Уступая количественно, по своему профилю она приблизительно соответствовала книжному собранию российского самодержца... Чертежей, планов и рисунков (включая военную тематику) на день опалы у А.Д. Меншикова насчитывалось 394 экземпляра. В его дворце на Васильевском острове хранились в 1727 г. 311 книг на голландском, немецком (на которых светлейший князь бегло разговаривал), французском, латинском, итальянском и польском языках. Среди них имелись сочинения по артиллерии, фортификации». — Кротов П.А. Полководческое искусство Петра I и А.Д. Меншикова в Полтавской битве (К 300-летию Полтавской победы) // Меншиковские чтения – 2007. СПб., 2007. С. 41. Меншиков от природы обладал «цепкой памятью, способной держать в голове все детали многогранных обязанностей, и высокоразвитым здравым смыслом, заменявшим ему учёность и образованность. Именно наличие этих качеств помогает оценить деятельность князя – удивление сменяется восхищением». — Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 20. Язвительность этого автора в отношении «грамотности» князя неоправданна.

⁶ Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2006. Ч. 2. С. 31.

⁷ ГСВ. М., 2004. Вып.1. С. 240, 241.

⁸ Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2005. Ч. 1. С. 179.

⁹ Записка капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л., 1985. С. 147.

¹⁰ Пётр I Ф.А. Головину 10 августа 1705 г. // ПБИБВ. СПб., 1893. Т. 3. С. 411, 412.

¹¹ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1, 1706 г. Д. 8. Л. 18, 18 об.; Д. 9. Л. 12.

¹² А.Д. Меншиков Петру I из Киева 7 мая 1706 г.: РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 5. Л. 392.

¹³ Подробнее см.: Артамонов В.А. Калишская баталия 18 октября 1706 г. М., 2007.

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 6. Л. 393 об.; Ч. Витворт статс-секретарю Р. Гарлеу 18 (29) декабря из Москвы // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 344.

¹⁵ Вольнской Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 2. С. 327–337.

¹⁶ Позже в ноябре Август II просил предоставить ему шведский конвой. 6 (17) декабря в Лейпциге он лично уверил Карла XII в своей дружбе, объяснив Калишское сражение страхом расправы над ним Меншикова. В качестве компенсации он сдал шведам на смерть русского министра И.Р. Паткуля и обещал выдать всех оставшихся в Саксонии русских солдат. — Danielson J.R. Zur Geschichte der sächsischen Politik 1706–1709. Helsingfors, 1878. S. 18. Более того, польские сторонники Карла XII замыслили захватить князя.

¹⁷ *Feldman J.* Polska w dobie Wielkiej wojny Polnocnej 1704–1709. Krakow, 1925. S. 197.

¹⁸ Табель потерь см.: *Вольнскойой Н.П.* Постепенное развитие... Вып. 1. Кн. 3. С. 450, 451. Под Полтавой русская армия потеряла 10% своей численности.

¹⁹ *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» – град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999. С. 253. В 1724 г. эта дата была выведена за пределы «викториальных дней», возможно, в связи с подсудностью Меншикова: *Погосян Е.А.* Пётр I – архитектор Российской истории. СПб., 2001. С. 26. См. также: *Калязина Н.В.* Материалы к иконографии А.Д. Меншикова (прижизненные портреты) // Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 77.

²⁰ Донесение О. Плейера 26 января 1707 г.: РГАДА. Ф. 32 (Сношения России с Австрией и Германской империей). Оп. 5: 1690–1717. Д. 13. Л. 35; Оп. 1, 1707 г. Д. 4. Л. 263, 278.

²¹ Приложение к донесению австрийского посла О. Плеера из Москвы от 16 ноября 1708 г. – *Мацків Т.* Гетьман Иван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687–1709. Київ; Полтава, 1995. С. 238.

²² *Сокирко О.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006. С. 109.

²³ *Павленко С.О.* Загибель Батурина 2 листопада 1708 р. Київ, 2008. 2-ге видання. С. 158.

²⁴ Подробнее см.: *Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В.* Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. СПб., 2008. С. 4–110.

²⁵ Черниговские губернские ведомости. 1852. № 2. Отделение 2. Часть неофициальная; *Коваленко В., Мезенцев В., Моця О., Ситий Ю.* Батурин архелогічний // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції з нагоди 295-ї річниці з дня смерті гетьмана України Івана Мазепи та 10-річчя заповідника «Гетьманська столиця». 25–26 травня 2004 р. Ніжин, 2006. С. 87.

²⁶ ПБИПВ. М., 1951. Т. 8. С. 919; ГСВ. Вып. 1. С. 294.

²⁷ *Лазаревский А.* Исторический очерк Батурина. Киев, 1891. Отгиск из «Исторических чтений в об-ве Нестора летописца». Кн. 6. С. 8–10.

²⁸ С.М. Posses dagbok 1707–1709 // KKD. Lund, 1901. Т. 1. S. 335, 336.

²⁹ Подробнее о ходе Полтавской битвы см.: *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009; *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009; *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории. 1709–2009. М., 2009.

³⁰ Так показано на чертеже редутов и ретраншемента из Походной канцелярии Петра I. Вряд ли в дело пошли все 29 драгунских, конно-гренадерских полков и «шквандронов» численностью в 21 044 всадника, как считает П.А. Кротов (см.: *Кротов П.А.* Битва при Полтаве... С. 152, 213, 386–387). В узком дефиле шириной до 700 м разместиться такой массе коней было невозможно, к тому же часть конных полков надо было оставить при ретраншементе и при гетмане И.И. Скоропадском.

³¹ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве... С. 218. Данные о «корпусе резервы» вошли также в «Книгу Марсову» и во многие отечественные работы, в которых батальоны К.Г. Рууса и «корпус резервы» принимались за разные группировки.

³² *Кротов П.А.* Шведское влияние на русское военное дело до Полтавской битвы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Сальчевой и Л. Юнсон: сб. ст. М., 2009. С. 308.

³³ В «Истории Свейской войны» указано, что погоня отправилась в день победы ввечеру, но шведские источники не упоминают ни о каких признаках погонии.

³⁴ Царю князь написал, что, не желая ненужных потерь, не стал сражаться «с опасным и отчаянным неприятелем»: А.Д. Меншиков Петру I 30 июня в 2 часа пополудни: РГАДА. Ф. 17 (Разряд XVII). Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 369.

³⁵ О неизвестном ранее в отечественной историографии параде в Полтаве можно узнать только из записей шведов. В русских документальных источниках сведений о нём нет.

³⁶ Рапорт Петра Великого Ф.Ю. Ромодановскому 22 декабря 1709 г. — ПБИПВ. М., 1952. Т. 9. С. 495—496.

³⁷ О «созвездии маршалов» Наполеона см.: *Троицкий Н.А.* Маршалы Наполеона. http://www.genstab.ru/nar_marsh.htm#12. 25 марта 2010 г.

³⁸ *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709—1714). М., 1990. С. 40, 43, 164.

³⁹ *Грушкин А.И.* Петровская эпоха в фольклоре // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 152.

⁴⁰ ПБИПВ. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 10—20.

⁴¹ ГСВ. Вып. 1. С. 409, 410.

⁴² *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 52, 53.

⁴³ ГСВ. Вып. 1. С. 412.

⁴⁴ Там же. С. 504, 509, 537.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПИТАНИЯ МОРЯКОВ ПРИ СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Строительство любимого детища Петра I – военно-морского флота было неразрывно связано с бурным развитием русской промышленности, торговли, высоких технологий, науки, образования, искусства, государственного управления, широким привлечением иностранцев, выходцев из Западной Европы, к практической деятельности в России и форсированной подготовке национальных кадров.

Проводимая монархом и его сподвижниками во втором десятилетии XVIII в. в России кардинальная реформа центральных и местных органов власти, которая была направлена на слом старой и неэффективной в новых исторических условиях приказно-воеводской системы власти Московского государства, оказала существенное влияние и на органы управления Морским ведомством. В декабре 1717 г. были изданы два указа Петра I, объявившие о введении в стране девяти коллегий, подчинённых Правительствующему сенату, и учреждении в них постов президента и вице-президента.

За образец при создании коллегий была взята шведская регулярная система, основанная на принципах камерализма – учения о бюрократическом управлении, весьма популярного в Европе XVI–XVII вв.

Высшим органом управления Морским ведомством становится Адмиралтейств-коллегия. В указе монарха от 12 декабря 1718 г. говорилось, что новому учреждению подчиняются «флот со всеми морскими воинскими служителями, и к тому принадлежащими морскими делами, и управлением»¹.

Источниковедческий анализ показывает, что уже при становлении флота служебная деятельность моряков осуществлялась на осно-

вании законодательных актов, в разработке которых активно участвовал царь, достигший на морской службе чина адмирала (1721)².

С целью использования зарубежного опыта, приемлемого для российских условий, Пётр I приказал переводить морские Регламенты флотов Англии, Франции, Голландии, Дании и Швеции, дабы иметь возможность использовать для национального флота лучшие артикулы, «выбрать из них те части, которые могли бы быть полезны...»³.

Российские законодотворцы провели колоссальную работу по написанию новых артикулов, переработке, сопоставлению, правке и общей систематизации иностранных законоположений. Окончательно за основу, с учётом национальной специфики, подвергнувшись существенной творческой переработке, дополнению, замене нормами права, отражавшими российские реалии, традиции, опыт, было взято французское военно-морское законодательство⁴.

Регламентация питания нижних чинов, младших командиров и офицеров также не осталась без внимания самодержца, потому что становлению и последующему развитию питания в регулярной армии и флоте великий реформатор придавал приоритетное значение.

После отступления русской армии от Азова в 1695 г. из-за рано наступивших холодов, существенных просчётов провиантмейстеров и воровства подрядчиков «в войске царских Величеств недостаток последовал в провианте и съестных припасах», и безвозвратные потери в полках достигли 8101 чел.⁵. Несомненно, что неудачное окончание этого похода подвигло монарха к осознанию, что без «централизованного руководства продовольствием войск вести большую войну бессмысленно»⁶.

При подготовке ко второму Азовскому походу предыдущие недостатки в пищевом довольствии нижних чинов были решительно устранены, заготовка провианта для войск и нарождающегося флота взята под личный контроль самодержца⁷, что явилось одной из важных составляющих победы русского оружия при овладении турецкой крепостью Азов.

Тяжелые специфические условия морской службы, постоянные психо-эмоциональные и физические нагрузки команд новопостроенных судов «морского карована»⁸ вызвали необходимость по аналогии с пищевыми рационами флотов западноевропейских стран, введения принципиально иного, чем имевшийся в сухопутных войсках, продовольственного пайка для плавающего состава, что позволило регламентировать его питание⁹.

23 апреля 1696 г. стало днём, когда в русском военно-морском флоте официально появился термин «морская провизия» и была

объявлена первая в его истории норма продовольственного пайка. В тот день последовал указ Петра I о введении на довольствие военнослужащим, находившимся на судах, порции морской провизии. Она состояла из фунта сухарей, двух чарок вина и сбитня, из чарки уксуса, которые, как и ветчина (14 фунтов в месяц), масло коровье (4 фунта в месяц) и рыба (половина осетра в месяц) отпускались нижнему чину натурой на руки. Крупа и толокно (по 16 фунтов в месяц) и соль закладывались ежедневно в котёл камбуза военного судна¹⁰.

Время действия первого пищевого рациона оказалось весьма скоротечным. Фактически он использовался лишь в кампанию 1696 г. Последующие нормы продовольственных пайков русского флота изменялись практически ежегодно. Морской устав (1720) надолго установил твёрдую норму морской провизии на месяц. Она составляла 45 фунтов сухарей, 10 ф. гороха (4,09 кг), 15 ф. крупы (в том числе 5 ф. гречневой и 10 ф. овсяной), по 5 ф. свинины и говядины солёной, 4 ф. сушёной рыбы, 6 ф. коровьего масла, 7 вёдер (86,1 л) пива, 16 чарок (1,97 л) хлебного вина, полкружки (0,61 л) уксуса, полтора ф. соли¹¹.

Ассортимент и количество продуктов, входивших в состав месячной морской порции, в основном, зависели от денежных средств, выделенных на заготовку провианта, и от размера запасов, поставленных в течение осени—зимы из губерний в адмиралтейские магазины¹².

Кроме того, изменения в пайках также происходили из-за довольно частых повсеместных и локальных неурожаев¹³, массовых эпизоотий скота¹⁴, моровых поветрий¹⁵, систематически случавшихся среди населения России в 1696—1725 гг., и как следствие из-за неспособности крестьян и посадских людей выполнить задания заготовительных органов. Крестьянство при Петре I, помимо барщины и оброка, натурального и денежного, было обложено всевозможными государственными повинностями и многочисленными налогами.

Пётр I после взятия Азова пришёл к выводу, что дальнейшая борьба Русского государства за овладение черноморским побережьем без участия сильного военно-морского флота не возможна. Имевшиеся в наличии 2 галеаса и 23 галеры являлись только вспомогательным средством для осады и блокады Азова и, естественно, не могли бороться за господство на море с сильным турецким флотом. Поэтому 20 октября и 4 ноября 1696 г. Пётр I издал указы о строительстве регулярного русского военного флота. Боярская Дума утвердила указы государя и постановила всем собственникам крепостных

крестьян, имевшим 100 и более дворов, соединяться в кумпанства для строительства кораблей.

Энергично строя корабли Азовского флота, Пётр I одновременно формировал их экипажи. Комплектование кораблей личным составом проходило с большими трудностями, так как в России практически полностью отсутствовали подготовленные кадры военно-морских офицеров, а также унтер-офицеров и матросов. Например, по состоянию на 2 июля 1698 г. в Азовском флоте имелось всего 26 русских по национальности матросов¹⁶.

Почти полное отсутствие в России профессиональных военных моряков вынудило монарха прибегнуть к найму иностранцев. В результате целенаправленной деятельности Великого посольства и лично царя в 1697–1698 гг. в Голландии и Англии на русскую службу было нанято около 1000 морских чинов от вице-адмирала до кока включительно, мастеров и мастеровых людей¹⁷.

Набор иностранцев для Азовского флота в 1698 г. в Амстердаме производили великие послы боярин генерал Ф.А. Головин, генерал и адмирал Ф. Лефорт, думский дьяк П.Б. Возницын и капитан голландских военно-морских сил К. Крюйс. Последний был принят на службу в русский военно-морской флот лично Петром I с присвоением ему воинского звания вице-адмирала¹⁸. Вице-адмирал К. Крюйс разработал документы, регламентирующие условия приёма иностранных моряков на службу в Азовский флот («Статьи, по которым каждый комендер или капитан в службе Его Царского Величества поступати будет»)¹⁹.

Важнейшей статьёй контракта иностранцев являлась та, в которой устанавливались размеры денежного довольствия, зависящие от специальности (квалификации), плавательного ценза. Кроме жалованья, предусматривались выплаты определённых сумм на наём дома, закупки дров на отопление и приготовление пищи, выпечки хлеба, свечей на освещение жилища²⁰.

На питание при нахождении в Амстердаме всем принятым иностранцам отпускались кормовые деньги: матросам — 10, боцманматам и им равным по званиям — 12, боцманам, констапельам, штурманам, лекарям, поручикам — 15, комендерам — 25, капитанам кораблей — 40 штиверов (2 голландских гульдена) в сутки²¹.

Из Голландии в Россию нанятые прибыли морем двумя партиями. 23 мая 1698 г. на четырёх голландских военных судах из Амстердама вместе «с аглинскими приемными начальными людьми» в Архангельск была доставлена основная часть иностранцев (573 чел.), «да русских людей 10 человек» во главе с вице-адмиралом К. Крюйсом²².

Примерно в это же время, в период с 4 по 16 июня 1698 г., другая команда нанятых в количестве 261 чел. на пяти торговых судах прибыла в Нарву²³. Оставшееся количество иноземцев направилось из Амстердама по сухопутью («к Москве отпущено»)²⁴.

На время перехода морем иноземцы, нанятые на русскую службу, зачислялись на котловое довольствие и получали горячую пищу через камбуз военного (или торгового) судна.

Организация питания регламентировалась «Положением о продовольственном обеспечении на кораблях», действующим во время перехода в Россию начальных чинов и матросов, принятых на русскую службу.

Пищевое довольствие организовывалось применительно к норме морского пайка голландского военного флота²⁵, который по согласованию с Ф.А. Головиным, установил 30 апреля 1698 г. К. Крюйс («Дать достойные указы о кушании...». Табл. 1).

Таблица 1

Ассортимент и количество продуктов, входивших в норму пайка, установленную для моряков-иноземцев, нанятых в Голландии и направлявшихся через Архангельск на службу в Азовский флот²⁶

Наименование продуктов	Единица измерения	Количество на одного человека в неделю
Сухари	фунт	5
Ветчина ²⁷	фунт	1
Мясо солёное говяжье ²⁸	фунт	1
Треска сушёная	фунт	$\frac{3}{8}$ в сутки
Масло коровье	фунт	0,5
Сыр голландский	фунт	1
Крупа ²⁹	фунт	По потребности
Горох	фунт	По потребности
Вино ³⁰	чарка	$17\frac{1}{2}$
Пиво	кружка	7
Горчица	фунт	По потребности

Офицерам к основной норме морского пайка отпускались дополнительные продукты. Так, комендерам, проживающим в каютах, выдавались в среду и воскресенье «варёной окорок и кусок копчёного мяса на блюде».

Ежедневно на завтрак по желанию столоующихся отпускалось по $\frac{1}{4}$ мингеля горячего вина («тем давано да будет, которые просят»), а на обед и ужин каждому обязательно полагалось по мингелю французского рейнского вина.

Штурманам и поручикам дополнительно к норме, так же как и комендерам, в их каюты за счёт российской казны на всё время перехода выдавалось по две мерочки коровьего масла и сыру. Им же трижды в неделю отпускалось по кружке пива. Кроме того, всем офицерам в воскресенье и в четверг на обед дополнительно выдавалось по $\frac{1}{2}$ мерочки пива.

Для приёма пищи нижние чины расписывались по бакам³¹ и артелям. В одном баке пищу принимали 7 чел. Контроль за организацией питания осуществляли офицеры («При раздаче сих вещей 2 поручика быти надлежит, которые назначены будут, чтоб всех людей каждая артель прочитаны для предварения всего неустройства»)³².

При нахождении на военном (торговом) судне кормовые деньги иностранным морякам не выплачивались. Перед выходом в плавание вице-адмирал К. Крюйс объявил всем морякам-иноземцам о дисциплинарной, материальной и уголовной ответственности за нарушение правил поведения на судах, в том числе и при приёме пищи.

В Российском государственном архиве древних актов хранится «Книга записная первая принятым в Амстердаме чрез Крейса в российскую службу разных наций морским офицерам...» от 17 января 1698 года³³, в которой излагаются статьи, регламентирующие организацию питания моряков: «Перевод з галанскаго письма статей, каковы великим и полномочным послам Францу Яковлевичу Лефорту с товарищи подал галанец капитан Корнило Креус в нынешнем 206 году (1698 г. — *И.Д.*) генваря в 26 день в Амстердаме». Нижеуказанные статьи вводятся в научный оборот впервые.

«//**Л. 247 об.** Ст. 11. Такожде все, которые в службу приняты будут, сверх жалованья достойным пропитанием ествы и питья удовольствованы да будут, которые им даны да будут от капитана каждого корабля таким образом, как на воинских караблях обыкновенно ради того, дабы никто начальных людей, матрозов или салдатов для живности и пропитания никому насильства, или // **Л. 248** утеснения не чинил, под наказанием посаждения в железа на неделю и пропитанием водою и хлебом. Но аще кто тем пропитанием удовольствован быти не хочет, тот адмиралу, вице-адмиралу или поручикам возвесит, дабы по достоинству тем удовольствован быти возмочь.

Ст. 12. А еще без ведома и позволения на землю пойдет из которья четверти кто ни есть, тот, когда посля кушания на карабль придет, ествы и пития просити не имеет и сверх того наказан будет пол ефимком, из которого половина нищим, а другая половина профосу дана да будет или по разсуждению капитана иным образом наказан быти имеет. // **Л. 248 об.**

...будет случится, что леностью и упрямством их некая шкода чинитца, животы и имения потеряют, или непотребнее издержаны будут, тот оное исправити и заплатити имеет по цене советников, и сверх того каждой, которому надзиране или сохранение, какое неких карабельных потребностей // **Л. 249** поверено, до дому пришел, обязан да будет, своему капитану по достоинству роспись давати от всем, еже он принял, и где издержано, и сему употреблено было, и что еще от того осталось, под пенею, что никто с тех никакова жалования, и доли того приняти не имеет, покамест он своя росписи и счёту своему капитану не вручил... и всем по достоинству ответу не дал, и дабы карабельные потребности лутчим надзиранием издержаны были... // **Л. 249 об.**

Ст. 24. Такжеде квартирмейстеры обязаны да будут вверх прийти, когда люди кушают и во осмотрении имети, дабы каждому ества принесена была и чтоб ничего не пропало и остальные ества паки назад принять и боттелерию [запасную камору] отнесть и прочь, не отходит до тому месту, пока люди откушают, под наказанием. // **Л. 252 об.**

Ст. 48. Никто пива непотребно пролити или живности [запасов] из карабля выкидать на землю, принесть или продать не имеет под телесным наказанием. // **Л. 257.**

Ст. 49. Никто тем в железа посаженным людем яствы и пития давати не имеет под потеряннем одного месячного жалования и сверх того пропитания его водою и хлебом на неделю.

Ст. 50. Такжеде ниhto от артеля, где ему кушать надлежит, ходити и к другой приходити имеет. Ниже некие ествы взяти и спрятать под пенею наказания без милости по разсуждению капитана и советников ево. // **Л. 257 об.**

Ст. 51. Ниhto такжеде да не терзает ествы и питья из запасныя каморы силою взяти и советом и делом к тому вспоможения чинити под наказанием тресугубного проволочения под карабль, избиения от всех карабельных людей». // **Л. 258.**

Бурно развивающийся русский флот постоянно требовал всё новых и новых служащих, поэтому в 1701 г. для найма в морскую службу «начальных людей, искусных в воинском деле и знающих славян-

ский язык» в Венецию направили капитана флота Л.А. Лица³⁴. Однако наибольшее восполнение некомплекта в офицерском и младшем командном составе для Азовского флота и зарождающегося Балтийского флота было произведено в 1703–1704 г. К. Крюсом. Вице-адмирал по предписанию царя осуществил в Голландии новый большой наём³⁵. Им в 1703–1704 г. на службу в русский военный флот были приняты 17 капитанов, 24 первых и 25 вторых поручиков, 25 первых и 22 вторых штурмана, доктор и 12 лекарей, 24 боцмана, 22 боцманмата и 7 матросов — всего 179 чел.³⁶. Основная часть иноземцев направлялась на укомплектование строящихся фрегатов и других военных судов юного Балтийского флота.

В первоначальные годы становления Балтийского флота командованием оперативно принимались конкретные меры, чтобы изжить недостатки в обеспечении нижних чинов морской провизией, регламентировать питание команд кораблей. Систематическое увеличение контингентов питающихся, а в кампанию 1705 г. на кораблях Котлинской (Кроншлотской, с 1723 г. — Кронштадтской) эскадры проходили службу 1902 иноземца и русских моряка, в том числе 472 морских пехотинца³⁷, заставило командование упорядочить провиантское обеспечение плавсостава.

9 мая 1705 г. на военных судах Котлинской эскадры (8 фрегатов, 5 шняв, 2 брандера, 4 большие галеры, 24 бригантины³⁸) был оглашён приказ за подписью К. Крюйса, объявивший «Порядок варения пищи на флоте Его Царского Величества на всю кампанию»³⁹. В основу данного документа была положена организация питания на флагманском фрегате «Дефам», на котором держал свой флаг К. Крюйс.

Приказ явился одним из первых в русском военно-морском флоте документов, наиболее полно регламентирующих организацию питания моряков. Он послужил основой для разработки последующих законодательных актов, излагающих особенности приготовления пищи на военных кораблях, методику распределения порции морской провизии по приёмам пищи и дням недели.

Питание матросов и унтер-офицеров на кораблях по примеру голландского флота осуществлялось в артелях. Однако при создании артели и организации общего питания командованием флота были всесторонне учтены национальные, социальные, конфессиональные и психологические особенности и традиции русского народа. Матросы на общем собрании из своей среды два раза в год выбирали артельщика, который ежедневно получал от баталёра морскую провизию, хранил и выдавал провиант кокам на камбуз.

В целом матросская (солдатская) артель являлась подобием крестьянской общины, данное сословие составляло около 92% населения Петровской России⁴⁰, что позволяло нижним чинам менее болезненно адаптироваться к тяжёлым условиям морской службы.

Пища для матросов-иноземцев и матросов из природных россиян готовилась в общем котле. Так, для команды фрегата «Дефам» численностью 180 чел. приготавливалось одно блюдо, которое отпускалось дважды в половине восьмого утра и половине шестого вечером. В воскресенье, вторник, четверг на камбузе готовили гороховое пюре и варили солонину. Всего нижним чинам на баки отпускалось 40 ф. варёного мяса, нарезанного мелкими кусками.

Выявлено, что численность питающихся, приписанных к одному матросскому баку, в первые годы становления Балтийского флота, достигала 10 чел.⁴¹

На фрегате «Дефам» в среду, пятницу и субботу готовилась жидко сваренная каша с варёными 16 судаками или 10 карпами. Кашица (рыбный суп) заправлялась 2 фунтами масла коровьего. В понедельник приготавливалась каша густой консистенции, в которую добавляли масло коровье и крошили ржаные сухари. Матросы и солдаты морской пехоты в дождливые и холодные дни вечером получали по чарке хлебного вина (петровской водки), а при теплой погоде — две, соответственно в обед и ужин. Мясо, рыба, вино нижним чинам отпускалась персонально, для чего при их раздаче находился «немецкий» унтер-офицер и русский сержант, выкликавшие своих людей по списку. Причём все русские матросы рассчитывались по артелям и принимали пищу отдельно от моряков-иноземцев.

Командирам кораблей с целью предупреждения заболевания команды цингой, К. Крюйс предписывал беспрепятственно увольнять на берег лекаря с 6–8 рядовыми для отыскивания щавеля, крапивы и другой дикорастущей зелени. В приказе также излагались соответствующие санитарно-гигиенические мероприятия по приготовлению пищи, поддержанию постоянной чистоты и порядка на камбузе, сохранности продуктов питания.

Источниковедческие наблюдения показали, что нижний чин вне зависимости от национальности по норме морского пайка 1705 г. должен был получать 234 г солонины и 73 г ветчины в сутки⁴², фактически же по нашим подсчётам ему доставался всего 91 г варёного мяса. Установленная норма продовольственного пайка не соблюдалась и по другим продуктам. Так, 1 декабря 1705 г. петербургский губернатор генерал А.Д. Меншиков писал из Гродно олонецкому коменданту И.Я. Яковлеву: «Мясо и рыбу салдатам в зимнее время

извол приказать давать одним болным, а здоровым [отпускать] только хлеб...»⁴³.

В развитие вышеизложенного документа К. Крюйс в 1706 г. разработал ещё один приказ «О судовой пище и хранении провианта на кораблях»⁴⁴. Однако текст приказа не сохранился, в архивном деле имеются только три выцветших и в разводах от попадания воды листа, а также небольшая аннотация переводчика с голландского языка.

Офицеры, проходившие службу на кораблях Азовского (1703), и Балтийского флота (1705), питались по следующим нормам продовольственных пайков, которые существенно отличались друг от друга (Табл. 2).

Таблица 2

Ассортимент и количество продуктов, входивших в месячные нормы продовольственных пайков, установленные для офицеров Азовского и Балтийского флотов

Наименование продуктов	Единица измерения	Количество продуктов на одного человека в месяц на флотах	
		Азовском в 1703 г. ⁴⁵	Балтийском в 1705 г. ⁴⁶
Сухари пшеничные	фунт	48	60
Крупа гречневая	фунт	16	6
Ветчина	фунт	14	—
Окорока свиные	фунт	—	2 окорока
Масло коровье	фунт	6	20
Вино двойное	чарка	56	—
Вино французское	кружка	—	30
Шампанское	кружка	—	1,5
Сахар	фунт	—	7
Перец	фунт	—	1,5
Сбитень	чарка	56	—
Уксус	чарка	56	?

25 ноября 1706 г. Пётр I издал указ «О производстве жалованья чинам флота». В указе говорилось, что иностранным офицерам и матросам в исполнении контрактов выдавались деньги на наем квартир, их отопление и освещение, а также на съестные припасы в тот период, когда они «бывают в кампании во флоте», но они этой вы-

дачей не были довольны, и о том «Е. Ц. В. челом били». Вследствие чего Пётр I повелел вместо этих денег выдавать каждому моряку-иностранцу, согласно воинского звания, сверх «окладных годовых дач впредь во вся годы» прибавку в размере месячного должностного оклада.

Поэтому с 1707 г. нормы офицерских пайков были упразднены. Каждый офицер, исходя из собственных финансовых возможностей для обеспечения питания в море, самостоятельно заготавливал продовольствие⁴⁷.

В 1706 г. в рукописи по указанию Петра I был издан Корабельный устав («Артикул карабельный»). Он содержал вступление и 36 статей, регулирующих внутреннюю жизнь на корабле, организацию повседневной службы и быта экипажа, в том числе и провиантского обеспечения морских чинов⁴⁸. П.А. Кротов установил, что основные положения «Артикула карабельного» были заимствованы из голландского флотского дисциплинарного устава от 17 сентября 1662 г.⁴⁹. С последним имеется прямая текстовая аналогия⁵⁰. «Артикул карабельный» требовал от капитана осуществлять полноценное питание рядового состава, доводить до него полностью норму морского пайка, определял дисциплинарную, материальную и уголовную ответственность команды за хищение продовольствия.

27 июня 1709 г. состоялось Полтавское сражение, в котором шведы потерпели сокрушительное поражение, в результате чего военная удача полностью отвернулась от Карла XII, а стратегическая инициатива оказалась в руках Петра I. Разгром главных сил шведской армии под Полтавой положил начало новому периоду в ходе Северной войны. Военно-политическое руководство страны признавало, что в ближайшие годы основные усилия по разгрому шведов придётся сосредоточить на Балтийском морском театре военных действий, поэтому целенаправленно увеличивало количественный состав и огневую мощь флота.

Ускоренными темпами в соответствии с предписанием Петра I, направленным 18 июля 1709 г. генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину⁵¹, на верфях в Новой Ладоге и Лодейном Поле достраивались первые четыре русских линейных корабля. В декабре 1709 г. в Санкт-Петербурге приступили к строительству пятого линейного корабля — 54-пушечной «Полтавы»⁵².

В апреле 1710 г. указом Петра I был введён в действие первый в русском военно-морском флоте печатный уставной законодательный документ «Инструкции и артикулы военные, надлежащие российскому флоту», состоящий из 64 статей.

Материальная, дисциплинарная и уголовная ответственность за провиантское обеспечение команды возлагалась на командира корабля. Статья 11 «Инструкций и артикулов...» чётко определяла его обязанности. Капитан раздавал «кормовые деньги или корм и питье» через баталёра и квартирмейстеров в матросские артели. При этом матросы, нарушавшие установленную организацию питания, подвергались суровому и жёсткому наказанию в виде «осмиденного посажения в железа и корма токо хлебом и водою».

Организация приёма пищи матросами на корабле осуществлялась под жёстким контролем квартирмейстеров. Они приписывали нижних чинов к бакам, следили за полнотой доведения нормы пайка, собирали сбережённые продукты и относили их на хранение в кладовую. В целом несоблюдение командой правил, регламентирующих организацию приёма пищи на кораблях, строго наказывалось. В зависимости от тяжести проступка нарушитель привлекался к материальной, дисциплинарной или уголовной ответственности. Она включала денежные штрафы, лишение личного имущества, отправление на каторгу (гребцом на галеры), а также разнообразные меры физического воздействия⁵³.

Месячная порция морской провизии доводилась до команды на баки в виде горячей пищи через «братский котёл» матросского камбуза корабля. Приём пищи матросами, солдатами морской пехоты и унтер-офицерами осуществлялся коллективно, семью человеками из одного бака, то есть совсем как из общей миски в большой крестьянской семье, где роль отца семейства выполнял старший бака, как правило, унтер-офицер или капрал. Бак представлял собой круглую дубовую посудину, подобную плоской кастрюле, имевшую размеры около 0,75 аршина в диаметре и высоту боков в 0,25 аршина, укреплённую вокруг железными обручами. Бак со щами, гороховым пюре или кашею ставился на палубу, матросы садились вокруг него с деревянными ложками и принимали пищу.

Во время же бортовой или килевой качки для каждого бака в кубрике подвешивался к подволоку особый деревянный поддон, круглый или четырёхугольный поднос, который как чашка весов прикреплялся тремя или четырьмя верёвочками или цепями, соединёнными сверху у кольца, которое надевали на крючок, вбитый в подволок. Подвешенный таким образом поддон не подвергался бортовой и килевой качке и на нём совершенно устойчиво располагался бак, наполненный пищей, которую, стоя, принимали матросы⁵⁴.

Артельные баки содержались в большой чистоте и хранились в особо отведённых для них местах и убирались после завершения

обеда (ужина) нижних чинов. Для сбора стола, доставки пищи с камбуза, уборки и мытья посуды из числа довольствующихся матросов старшим бака назначался бачковой. Причём старший бака специально не дежурил, чтобы остальные питающиеся могли беспрепятственно меняться по дням недели⁵⁵.

Рост боевого состава Балтийского флота повлёк за собой увеличение численности питающихся. К примеру, по состоянию на 14 июля 1712 г. котловое довольствие и продукты на руки натурой получали 9270 матросов, канониров и корабельных солдат, 650 нижних чинов Морского батальона, находившегося при учреждениях и магазинах Адмиралтейства, 1200 солдат и бывших стрельцов, переведённых из Астрахани в северную столицу за участие в антиправительственном бунте 1705—1706 гг., 800 каторжников, 3780 мастеровых людей, имевших дачу хлебного жалованья «против гарнизонных солдат по 6 четвертей в год». Общая потребность Морского ведомства только в хлебе на 1713 г. составляла 58 173 четверти ржаной муки, 4820 четвертей с полуосминою овсяной крупы⁵⁶.

В последующие годы Великой Северной войны постоянный рост численности личного состава вынуждал упорядочивать питание моряков. Изучение изданных первоисточников⁵⁷ и новых документов, выявленных нами в архивах, показало, что великий реформатор России Пётр I и генерал-адмирал Ф.М. Апраксин стремились использовать любые возможности по совершенствованию питания рядового состава флота.

Указ генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, огласивший 9 марта 1716 г. «Объявление во флоте Его Царского Величества для лучших порядков о раздаче провианта на кораблях»⁵⁸, способствовал доведению матросам полновесного морского пайка.

Впервые в русском флоте данный документ всесторонне регламентировал организацию провиантского обеспечения команды кораблей в военное время. Унтер-офицерам и рядовым сухари, солонину, рыбу, крупы, горох, соль и прочие продукты баталёр выдавал ежедневно в присутствии дежурного офицера и писаря, в установленном распорядком дня время по фактическому наличию питающихся.

Перед выдачей провизии производилось её взвешивание. Затем продукты передавались дежурному коку для варки пищи. Количество провизии, закладываемой в пищеварочные котлы камбуза, контролировал офицер, специально назначенный командиром.

Приготовление пищи матросам и офицерам на камбузах корабля регламентировалось по времени. Горячая пища приготавливалась

два раза в сутки перед полуднем (одна-две каши, хлебный квас, для чего отпускалась ржаная мука из расчёта один четверик на 4 человека в месяц), а также в 19.30 – 20.00 часов.

С целью доведения порции до питающихся производилось распределение продуктов пайка по дням недели и приёмам пищи: в воскресенье – 1 фунт свинины с кашей овсяной; в понедельник и вторник – гречневая каша с коровьим маслом и горох; в четверг и субботу – по 0,5 фунта ветчины с горохом и каша овсяная; в среду и пятницу – по 0,5 фунта варёной (сушёной) рыбы с овсяной кашей. Подобное распределение блюд по дням недели и приёмам пищи продолжалось до введения Устава морского 1720 г.⁵⁹

С 1722 г., согласно определению Адмиралтейской коллегии, на линейных кораблях и военных судах команды расписывали на несколько корабельных рот, в хозяйственном отношении ставших матросскими (солдатскими) артелями⁶⁰.

Корабельные солдаты сводились на 90–80-пушечных линейных кораблях в 2 роты, на 70–50-пушечных – в одну. Возглавляли корабельные роты на 90–80-пушечных кораблях капитан-лейтенант, лейтенант, 2 унтер-лейтенанта; на 70–60-пушечных – капитан-лейтенант, лейтенант, унтер-лейтенант; на 50–32-пушечных – капитан-лейтенант, унтер-лейтенант, а «на протчих мелких (судах. – *И.Д.*) урядник...»⁶¹.

Корабельные роты (артели) подразделялись на капральства (отделения). Так, на 90-пушечном линейном корабле «Гангут» команда была расписана на 5 артелей. Артель включала 3 капральства. В каждое капральство матросских артелей приписывались 1–2 унтер-офицера (сержант или каптенармус), 1–2 капрала, и соответственно, 50, 50–51, 45 рядовых. Капральства, в свою очередь, расписывались по бакам⁶².

Устав Морской 1720 г. численность питающихся на баке определил в 7 нижних чинов («в компании есть седми»). В расчёт было принято удобство учёта движения питающихся в артели и количество провизии, отпускаемой на камбуз, как «одному в неделю»⁶³.

Кроме расписания по артелям и бакам, команда расписывалась по кубрикам, так что все питающиеся в артели проживали в одном помещении. Унтер-офицеры размещались в кубриках носовой части средней палубы корабля, а рядовые – в кубриках нижней палубы⁶⁴.

Матросская (солдатская) артель вначале в обиходе, а затем в руководящих документах начала называться «кашей»⁶⁵. «В одной каше» означало находиться в одной артели, одном экипаже, одном капральстве, одном баке.

Количество баков на линейных кораблях в 1713—1715 гг. составляло от 36 до 65 номеров, в 1717—1720 гг. от 45 до 100⁶⁶. Баковая система питания команды на кораблях отечественного военно-морского флота просуществовала около 275 лет⁶⁷.

При Петре Великом и затем после его смерти питание матросов планировалось на неделю. 5—6 февраля 1720 г. на все корабли Котлинской и Ревельской⁶⁸ эскадр впервые была выдана единая раскладка продуктов, напечатанная в Адмиралтейской типографии⁶⁹. В раскладке отражалось следующее: наименование блюд, перечень и количество продуктов, предусматриваемых на одну порцию, расход продуктов за сутки, неделю, месяц, а также распределение нормы пайка в скоромные и постные дни (понедельник, среда, пятница).

На русских военных кораблях для приготовления пищи матросам и унтер-офицерам использовались продукты пяти основных групп: зерномучные, мясные, молочные, рыбные, вкусовые, а также спиртные напитки. Весьма бедный ассортимент пайка, состоящий в основном из консервированных, концентрированных и сухих продуктов, не позволял кокам приготавливать разнообразную и физиологически полноценную пищу. На матросском камбузе на каждый приём пищи в воскресенье, вторник, четверг, субботу готовилось одно второе блюдо, каша овсяная вязкая с солониной, в пятницу с рыбой сушёной, которую равномерно распределяли и на обед и на ужин. На вышеуказанные дни планировалось по 0,5 фунта овсяной крупы, 60 золотников солонины, в пятницу 1 фунт рыбы. В понедельник и среду приготавливали на обед кашу гречневую густой консистенции (60 золотников крупы), на ужин — горох.

На кораблях в будни, как правило, готовились вязкие каши, в праздничные дни — рассыпчатые. На ужин в понедельник и среду матросу отпускали 1 фунт 24 золотника гороху, что позволяло на камбузе корабля приготовить порцию горохового пюре массой 2 фунта 12 золотников, которое сдабривали 10 золотниками масла коровьего. Естественно, что подобную пищу могли употреблять только крепкие в физиологическом отношении нижние чины, занятые на кораблях тяжелым повседневным физическим трудом⁷⁰.

Ежедневно матросу на бак выдавали 1 фунт $58\frac{2}{7}$ золотника сухарей, $20\frac{4}{7}$ золотника масла коровьего и 2,5 кружки пива, а в воскресенье, среду, пятницу и субботу баталёр отпускал 1 чарку вина. Положенные по норме 5 чарок уксуса на корабле использовались для дезинфекции и подкисления питьевой воды. Кроме того, уксус применяли для очищения солонины при хранении от гнилостного запаха и для полоскания рта после сна (приёма пищи).

Приём пищи продолжительностью 30 минут производился во время, установленное распорядком дня, что позволяло принимать еду медленно, хорошо смачивая её слюной и тщательно пережёвывая. Органы пищеварения людей, служивших во флоте, приспосабливались к установленному режиму питания.

Завершая исследование о регламентации питания моряков при становлении русского военно-морского флота, следует отметить исключительную роль Петра I, его сподвижников генерал-адмирала Ф.М. Апраксина и адмирала К. Крюйса, творчески использовавших в пищевом довольствии нижних чинов и офицеров передовой зарубежный опыт применительно к своеобразным российским условиям.

¹ Копии с указов блаженные и вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества Петра I, императора и самодержца Всероссийского, на 1714–1722 годы состоявшие, а ныне по указу Ея Императорского Величества государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы Всероссийской, напечатанные. СПб., 1738. С. 102.

² В походном журнале Петра I имеются следующие записи: «Был в Конторе регламента морского поутру», «был в Канцелярии регламента морского» и другие подобные. — ПЖ 1719 года. С. 124, 131; ПЖ 1720 года. СПб., 1913. 2-е изд. С. 6, 8.

³ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 90.

⁴ *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 42, 43, 54, 57, 58, 74–77, 115; *Хуссен А.Х.* Устав морской царя Петра Великого (1720 г.) // Русский Север и Западная Европа / Отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 1999. С. 326–340.

⁵ Записки Крёкшина // Записки русских людей. События времён Петра Великого / Сост. И.П. Сахаров. СПб., 1841. С. 115.

⁶ *Вещиков П.И., Огуречников А.А., Шанин А.В.* Продовольственная служба Вооружённых сил России. М., 1999. С. 11.

⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 3. № 1540.

⁸ Официальный отчёт о походе к Азову 1696 года // ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Ф. IV. 38. Л. 59 об. — 69 об.

⁹ *Богоявленский Н.А., Крымкевич Н.И.* Пищевая санитария в русской армии и флоте в Петровскую эпоху // Гигиена и санитария. 1949. № 10. С. 50–53; *Дуров И.Г.* Из истории развития продовольственного обеспечения личного состава русского военного флота // Страницы военно-морской славы Отечества. Нижний Новгород, 1996. С. 141–143.

¹⁰ *Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский. СПб., 1864. Приложения. Ч. 1. С. 46–50. Фунт = 409,5 г.; чарка = 123 мл. Толочко — толчёная немолотая овсяная мука.

¹¹ Книга Устав Морской. СПб., 1763. С. 104–105. Все расчёты производились на 28 дней — морской провиантский месяц.

¹² *Дуров И.Г.* Из истории развития продовольственного обеспечения личного состава русского военного флота. С. 147.

¹³ *Словцов, священник*. Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1858. Кн. 3. С. 469, 491–493; *Князьков С.А.* Голод в древней России. СПб., 1913. 2-е изд. С. 18–20, 22, 23; *Материалы по вопросу обеспечения продовольствием*. СПб., 1859. Ч. 1. С. 10, 11.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 6. Л. 282–283; Д. 172. Л. 38–39 об.

¹⁵ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. № 2441, № 2568; Т. 5. № 3234, № 3237, № 3446; Т. 6. № 3702; *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М., 1960. С. 98, 100, 101; *Дёрбек Ф.А.* История чумных эпидемий в России. СПб., 1905. С. 78; *Haeser H.* Lehrbuch der Geschichte der Medicine. Jena, 1882. Bd. 3. S. 454.

¹⁶ *Кротов П.А.* Голландцы и фламандцы в Российском флоте в Петровскую эпоху // Голландцы и бельгийцы в России. XVIII–XX вв. СПб., 2004. С. 291.

¹⁷ РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию). Оп. 1, 1698 г. Д. 54. Л. 1; *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 267, 268.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 234 (Канцелярия адмирала К. Крюйса). Оп. 1. Д. 72. Л. 5–6.

¹⁹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 263–265.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 15. Л. 7–8; Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 77 об.; Д. 10. Л. 131.

²¹ РГАДА. Ф. 329 (Письма адмирала К. Крюйса). Оп. 1. Д. 173. Л. 3 об.; Д. 174. Л. 1 об.; Д. 175. Л. 2. Русский рубль в 1698 г. обменивался на 5 голландских гульденов.

²² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1, 1698 г. Д. 54. Л. 94.

²³ Там же. Д. 53. Л. 1–5. Подсчёты наши.

²⁴ Там же. Л. 7 об.–8.

²⁵ *Алярд К.* Новое карабельное строение, глашающее совершенно чинение карабля со всеми его внешними частями, числами объявлено; как спускают карабль, на котором галанской адмирал на разных видах; ещё один прорезаной карабль. М., 1709. С. 217, 218.

²⁶ РГАДА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 178. Л. 1–2 об.; *Елагин С.И.* Материалы для истории русского законодательства. СПб., 1859. Вып. 1. С. 10, 11. Составлено нами.

²⁷ Ветчина отпускалась по вторникам.

²⁸ Мясо отпускалось в четверг и воскресенье.

²⁹ «Крупа, горох – на семь сваренных яств. Гороху и круп, сколько того люди кушать возмугут, до тех пор, сколько долго запасы из голландской земли взятые достанут».

³⁰ Вино выдавалось всему личному составу по 0,5 мингелю (0,6 л) ежедневно. Голландский мингель = 0,987 русских кружки; русская кружка = 1, 299 л; мерочка масла, сыра = 4 кг; мерочка жидкостная (роттердамская мера) = 0,25 штофа; голландский штоф = 2,082 русской кружки. – *Петрушевский Ф.И.* Общая метрология. СПб., 1849. С. 373, 374.

³¹ Бак (*голл.* back. – посуда, миска).

³² *Елагин С.И.* Материалы для истории русского законодательства. С. 10, 11.

³³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 248–249 об., 252 об., 257–258. Ефимок (Joachimsthaler) в XVII и XVIII вв. являлся общеевропейской валютой. В 1698 г. вексельный курс ефимка составлял 16 алтын 4 денги (50 копеек). – *Алфен М., ван Корнелиус Крюйс* в Нидерландах // Корнелиус Крюйс: Адмирал Петра Великого. Станвангер; М.; СПб., 1998. С. 166. В 1716 г. вексельный курс ефимка составлял 30 алтын (90 копеек). (РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 9. Л. 123а). Профос – уборщик гальюнов на военном судне, также исполнял обязанности палача.

- ³⁴ ОМС. СПб., 1885. Ч. 1. С. 219; РГАДА. Ф. 41 (Сношения России с Венецией). Оп. 1. 1701 г. Д. 3. Л. 1–3 об.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 1. Д. 116. Л. 1–3.
- ³⁶ *Кротов П.А.* Голландцы и фламандцы в Российском флоте в Петровскую эпоху. С. 294.
- ³⁷ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 86.
- ³⁸ *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. Приложение. С. 4.
- ³⁹ МИРФ. СПб., 1866. Ч. 3. С. 381–383.
- ⁴⁰ *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России. С начала XVIII до конца XIX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1998. С. 52.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 69. Л. 125 об.
- ⁴² МИРФ. Ч. 3. С. 381. Подсчёты наши.
- ⁴³ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 22. Л. 50–51.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 12–14.
- ⁴⁵ *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. Приложения. Ч. 2. С. 238. Подсчёты наши.
- ⁴⁶ МИРФ. Ч. 3. С. 381–383. Подсчёты наши.
- ⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 82. Л. 184, 185 об., 191.
- ⁴⁸ *Сальман Г.Я.* Морской Устав 1720 года – первый свод законов русского флота // ИЗ. 1955. Т. 53. С. 314.
- ⁴⁹ ОР БАН. П. 1. Б. 32. Л. 1–19.
- ⁵⁰ *Кротов П.А.* Об использовании голландского военно-морского законодательства при разработке уставных положений российского флота во второй половине XVII – первой четверти XVIII века // Источниковедение: Поиски и находки: сб. научных трудов. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 124.
- ⁵¹ ПБИПВ. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 302.
- ⁵² *Данилов А.М.* Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996. С. 20, 21.
- ⁵³ ПСЗ. Т. 4. № 2267.
- ⁵⁴ Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1852. Т. 2. С. 64. 1 аршин = 71,12 см.
- ⁵⁵ *Черкасский М.Б.* Курс морской практики. СПб., 1908. С. 311.
- ⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 40. Л. 223–224. 1 четверть ржаной муки (нетто) с 1713 г. = 7 пудам 10 фунтам. 1 четверть крупы = 8 пудов. Вес рогожного куля = 10 фунтов. 1 четверть = 2 осминам = 8 четверикам. 1 пуд = 40 фунтов = 16,38 кг.
- ⁵⁷ ПСЗ. Т. 4. № 2267; Т. 5. № 2814. П. 3; РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 16. Л. 14; Ф. 233. Оп. 1. Д. 77. Л. 107.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 22. Л. 49.
- ⁵⁹ РГАВМФ. Ф. 220 (Провиантская контора при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 2. Л. 464.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 212 (Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1722 г. Л. 22. Л. 142–142 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 143–144.
- ⁶² Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 236. Л. 360.
- ⁶³ Книга Устав Морской. С. 107.
- ⁶⁴ *Михайлов С.С.* Медицинская служба русского флота в XVIII веке: Материалы к истории отечественной медицины. Л., 1957. С. 40.
- ⁶⁵ Книга Устав Морской. С. 174.
- ⁶⁶ ПСЗ. СПб, 1830. Т. 44. К № 2249. С. 2–4. Подсчёты наши.
- ⁶⁷ *Дуров И.Г.* Состояние провиантского обеспечения Балтийского флота перед заключением Ништадтского мира // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в

годы Северной войны 1700–1721 гг.: Сб. материалов Всероссийской научной конференции, посвящённой 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 34.

⁶⁸ Ревель – ныне Таллин (Эстония).

⁶⁹ РГАВМФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 26. Л. 22; Ф. 212. Оп. 1720 г. Д. 40. Л. 127 об., 128.

⁷⁰ *Канишин Д.В.* Энциклопедия питания. СПб., 1885. С. 376, 403. 1 золотник = 4,27 г.

«ПЕРВЕНЦЫ» БАЛТИЙСКОГО ЛИНЕЙНОГО ФЛОТА – КОРАБЛИ «ДОБРОЙ ПРОПОРЦИИ»

Список русских военных судов с 1668-го по 1860 г., подготовленный Ф.Ф. Веселаго¹, несмотря на недостатки, отмеченные самим составителем, до настоящего времени является фундаментальным трудом по истории отечественного флота. К сожалению, сведения о первых четырёх линейных кораблях Балтийского флота 50-пушечных «Выборге», «Риге», «Пернове» и оставшемся из-за крушения без названия являются не полными, не содержат размерений, точных дат закладки и спуска на воду, а данные об авторстве их строителей противоречат историческим свидетельствам.

Не лучшим образом освещаются эти вопросы последователями Ф.Ф. Веселаго в составлении подобных списков, современными историками и популяризаторами русского флота.

А.М. Данилов в своём справочнике повторяет текст из «Списка» Ф.Ф. Веселаго с добавлением кратких сведений о службе балтийских «первенцев»². Характеризуя артиллерийское вооружение кораблей, он безосновательно утверждает, что до введения Адмиралтейского регламента в 1722 г. во флоте наблюдался «произвольный порядок вооружения»; в таблице с вооружением регламентных кораблей не указывает количества пушек каждого калибра для 54-пушечного ранга, хотя они известны многим специалистам.

В часто цитируемом многотомном справочнике А.А.Чернышёва³ ошибочно показывается головным в серии «первенцев» корабль «Рига», явившийся третьим спущенным и пришедшим с верфи в Санкт-Петербург кораблём. Первым был корабль «Выборг», поэтому и серию «первенцев» правильнее называть по его имени. Необоснованно А.А.Чернышёвым приписываются этим кораблям недостаточные мореходные и низкие маневренные качества, при этом

автор не смог указать даже их размеры⁴. Ошибочно в серию «первенцев» («типа „Рига“» по Чернышёву) включена 54-пушечная «Полтава», корабль иного проекта с другой архитектурой, размерениями, вооружением и тактическим предназначением. Корабли, построенные корабельным мастером Выбе Геренсом в Архангельске в 1713 г., ошибочно отнесены к отдельному типу «Гавриил» (почему-то по имени второго введенного в строй корабля, первым же был «Архангел Рафаил»), хотя являются кораблями «выборгской» серии. Автор справочника неправильно указал количественный и качественный состав вооружения этих кораблей.

А.Б. Широкоград, повторив сведения из Списка Ф.Ф. Веселаго, указал неверное количество пушек первых линейных кораблей Балтийского флота⁵.

Вызывает удивление, что перечисленные авторы справочных изданий не опирались на материалы «Истории Отечественного судостроения»⁶. В этом издании раскрыты некоторые обстоятельства проектирования, постройки и ввода в строй первых балтийских линейных кораблей, показана суть реформы корабельной артиллерии 1710–1713 гг. и артиллерийское вооружение 50(54)-пушечных кораблей⁷. Там содержатся не только фактические сведения, но и анализируется проблема формирования русской школы кораблестроения в Петровскую эпоху⁸.

Отсутствие верных справочных данных о кораблях-«первенцах» сказывается на оценке их роли и места в истории отечественного флота, в развитии и становлении русской школы военно-морского кораблестроения. Как правило, эти вопросы историки либо обходят молчанием, либо преподносят с долей негативных домыслов. Так, В.А. Красиков отнёс эти корабли к классу линейных «не без оговорок». Он почему-то приписал им низкие боевые качества и конструктивные недостатки⁹. Вообще, работы В.А. Красикова наполнены подмеченными Д.Ю. и И.Д. Гузевич «критическим пафосом», отсутствием «взвешенного тона», ошибками в фактах и просто вымыслами. Всё это создаёт у неискущённого читателя впечатление «нового» взгляда на Великую Северную войну и деятельность Петра Великого как преобразователя государства¹⁰.

Г.А. Гребенщикова отказывает русским мастерам в самостоятельности, отдавая предпочтение англичанам на русской службе. Поиск «добрых пропорций» Петром I и его сподвижниками историк связывает с получением «конкретных представлений о прогрессивных инновациях англичан», позволяющих «вносить свои коррективы в практику российского кораблестроения». Правда, автор тут же отме-

чает, что полученную из Англии информацию все же перерабатывали, в результате чего родилась русская кораблестроительная школа, и именно это отразилось в документах Первого кораблестроительного регламента¹¹. С такой постановкой и интерпретацией вопроса трудно согласиться уже потому, что не имея собственных представлений и практических навыков, накопленного опыта, проанализировать и переработать «прогрессивные инновации» невозможно. Либо инновации все-таки не столь прогрессивны, либо русским мастерам нужно отказать в здравом смысле. Тем более что Петром I вполне обоснованно «прогрессивно инновационные» корабли, купленные у англичан, были названы «истинно приемышами» по сравнению с кораблями отечественной постройки.

Не получают дальнейшего осмысления выводы В.Г. Крайнюкова¹² о путях формирования русской кораблестроительной школы начиная с первого линейного корабля русской постройки «Гото Предестинация», об организации конструкторской работы в петровском судостроении, поиске новаторских по сути технических решений на базе полученных от европейцев знаний и умений. Так, Д.Ю. и И.Д. Гузевич, анализируя статью указанного автора о «Гото Предестинации»¹³, обвиняют его в идеологической ангажированности, приведшей, по их мнению, к неизбежным ошибкам — чрезмерному завышению «скрытого могучего интеллектуального потенциала России и её народа», отрицанию какого-либо влияния Европы на формирование русской кораблестроительной школы. При этом одним из основных аргументов авторы рецензии называют 9-месячное «в общей сложности» обучение самого Петра I и «до года и более» большинства волонтеров, а остальных «навигаторов» — многолетнее. Другим аргументом, опять же по мнению рецензентов, является наличие в окружении Петра «маститых судостроителей» с европейскими именами: Джон Ден (Дин), Джозеф (Осип) Най, Ричард Козенс, М. Пангало, «не считая нескольких сотен рядовых мастеров из Голландии, Англии, Дании, Швеции, Венеции, Франции».

Оставив в стороне эмоциональное заявление Д.Ю. и И.Д. Гузевич о идеологической ангажированности (в 1999 г., когда вышла статья В.Г. Крайнюкова, «ангажированность» была противоположной), стоит отметить, что авторами рецензии выводы В.Г. Крайнюкова поставлены с ног на голову. Видимо, его заключения о интеллектуальном потенциале России и о том, что народу России есть чем гордиться, не вписались в восприятие Д.Ю. и И.Д. Гузевич итогов Великого посольства — «массированную акцию по захвату и переносу в Россию технического знания в невиданном ранее масштабе»¹⁴. Русским же оставле-

на роль «носителей и агентов» европейской информации (know how — ноу-хау), к тому же принуждаемых к внедрению полученных знаний грозным монархом¹⁵. Вот уж, поистине, жутковатая картина.

Не замеченной рецензентами оказалась система основных положений В.Г. Крайнюкова, изложенная им конспективно в рамках статьи, но которая как раз и привела его к выводу о скрытом интеллектуальном потенциале России. Учитывая, что издание «Морская история» является библиографической редкостью, следует привести отрывок из статьи В.Г. Крайнюкова полностью: «Пётр I и его техническое окружение (небольшая группа российских мастеров, получивших судостроительное и специальное образование за рубежом, несколько голландских и английских мастеров с „академическим“ судостроительным образованием и европейским опытом образования, выражаясь современным языком, мобильное конструкторское бюро, в котором каждый был ведущим специалистом, но работал под руководством генерального конструктора — Петра Михайлова (царя Петра I), определяющего стратегию развития Российского флота и его элементов. *Начиная с „Предвидения“, первый корабль нового ранга или типа разрабатывался Петром I лично или при его участии* (курсив В.Г. Крайнюкова. — *А.И.*), при создании Азовского флота, решая комплекс сложнейших научно-технических проблем по созданию корабля, способного, с одной стороны, базироваться в гаванях с мелководной акваторией, с другой — обладать приемлемыми мореходными и боевыми качествами при эксплуатации в море, [они] смело ломали установившиеся каноны европейского кораблестроения, вырабатывая свои правила и подходы к проектированию и строительству. Только такой кардинально смелый подход, подкрепляемый современными европейскими знаниями, практикой крупномасштабного строительства и эксплуатации кораблей Азовского флота (хотя были, безусловно, просчёты и серьёзные ошибки), позволил выработать собственные методики, расчётные алгоритмы и правила проектирования судов и их вооружения, уникальную технологию и организацию изготовления корпусного набора, изготовление морской артиллерии и др., которые получили дальнейшее развитие в кораблях Балтийского флота и, в конечном итоге, нашли отражение в положениях первого отечественного кораблестроительного регламента (1723) — нормативной базе проектирования кораблей Российского флота. Русская кораблестроительная школа со своими традициями и особенностями была создана за 20 с небольшим лет! — в этом проявление скрытого могучего интеллектуального потенциала России и её народа»¹⁶.

Как видим, никакого отрицания влияния Европы на формирование отечественной школы кораблестроения, на которое указывают Д.Ю. и И.Д. Гузевич, в словах автора нет.

На обучение кораблестроению ушло не 9 месяцев «и более», как утверждают рецензенты. Подсчёт, выполненный по материалам их же монографии, показывает лично для Петра I чуть более 2 месяцев практической работы на Ост-Индской верфи в Амстердаме и немногим более 2 месяцев изучения теории в Дептфорде¹⁷. Основываясь на фактах, изложенных Д.Ю. и И.Д. Гузевич, можно предположить, что целью самого царя при обучении кораблестроению в ходе Великого посольства была более конкретная задача, чем абстрактное изучение науки в целом. Согласимся с авторами рецензии, что осуществить последнее за такой срок не возможно. Однако подготовить самостоятельно проект и собрать необходимые навыки для строительства военного корабля Азовского флота было вполне возможно, включая подготовку шаблонов и лекал («модели» по терминологии того времени). «Гото Предестинацию» строили по лично разработанному Петром I проекту исключительно русские мастера; тем самым задача обучения была выполнена в полной мере.

«Маститость» иноземных судостроителей, окружавших Петра I, их европейская известность, на которую указывают Д.Ю. и И.Д. Гузевич, является мифом из «политически ангажированного» прошлого отечественной историографии¹⁸. При ближайшем рассмотрении никакой «маститости» не обнаруживается. Дж. Ден, сын находившегося не у дел бывшего сарваера Э. Дена (Дина), скончался в марте 1699 г., а его бумаги были опечатаны и лишь изредка по указанию Петра I вынимались и переводились для него. Один из таких переводов вместе с первоисточником находится в Российском государственном архиве древних актов в Москве. Джозеф (Осип) Най к моменту найма в 1698 г. в качестве подмастерья поучаствовал в строительстве 32-пушечного фрегата и достраивал 50-пушечный корабль в Дептфорде¹⁹, где с ним и познакомился Пётр I. Р. Козенс, по некоторым сведениям, родственник О. Ная, самостоятельно в Англии ничего не построил и был задействован в Адмиралтействе на изготовлении моделей – работе корабельного ученика. Жозеф (Осип) Пангало ничего во Франции не построил, нанят был в 1716 г. из подмастерьев, в каковом ранге он тогда заготавливал корабельный лес. Кстати, почему «М. Пангало»? Ошибка это старая и повторять её вслед за И.А. Быховским не было никакой необходимости. Отца звали Антуан Блез Пангало (либо Блез Антуан Пангало, встречается

и так), а сына Жозефом Пангало (по-русски Осип). «М. Пангало» в поздних исторических трудах появилось из-за сокращения «месье Пангало» и к имени никакого отношения не имеет.

Среди «нескольких сотен рядовых мастеров» Д.Ю. и И.Д. Гузевичи, видимо, числят (судя по умолчанию их имён и рассуждая от противного) Р. Броуна, Р. Рамза, семейство Выбе (отец, сын и брат отца), Р. Девенпорта, В. Снельгроува, но их, по мысли автора этой статьи, напротив, нельзя считать «рядовыми». Эти и многие другие специалисты, уехавшие в Россию, которых рецензенты не упомянули по причине их европейской неизвестности, тоже ничем особенным себя не проявили на своей исторической родине. Все они стали мастерами «с именем» именно в России, именно вместе со становлением русского кораблестроения. Многие из них нашли здесь вторую родину и верой и правдой служили ей до конца своих дней. Несмотря на иноземное происхождение и полученное европейское корабельное образование, их, скорее, нужно оценивать как ярких представителей русской кораблестроительной школы, вместе с которой они становились мастерами, раскрывали свой несомненный талант и получали европейское признание.

Как обстоит дело с освещением вопросов русского кораблестроения в иностранной литературе можно проиллюстрировать только на одном примере. Т. Титлестад²⁰, описывая деятельность вице-адмирала К. Крюйса в России, весьма искажает исторические факты. Не имея возможности в рамках статьи разобрать все измышления автора, стоит привести следующий отрывок из работы норвежского историка: «Он (царь Петр. — *А.И.*) поручил Крюйсу построить роскошный линейный корабль о 58 пушках, который бы брал на борт 353 человека команды. Норвежец сделал черновые чертежи и совместно с Петром надзирал за строительством корабля, получившего название „Гото Предестинация“ („Божие Предведение“). Вот так, ни больше и ни меньше! К сожалению, подобные утверждения норвежского историка российский комментатор не посчитал нужным снабдить соответствующим примечанием.

* * *

Настоящая статья строится на основе анализа исторических документов, включая вновь выявленные. Автор делает попытку показать место балтийских «первенцев» линейного флота в общей цепочке поиска «добрых пропорций» отечественными кораблестроителями. Важно также уточнить воззрения Петра I и его сподвижников на «добрые пропорции» в начальный период создания Балтийского

флота, установить истинные размеры и артиллерийское вооружение кораблей типа «Выборг», привести оценки их мореходных и боевых качеств современниками, продемонстрировать самостоятельность отечественной школы кораблестроения в сравнении с европейскими достижениями.

1. Поиск «добрых пропорций»

Кажется, уже не требует дополнительного исследования вопрос о времени и причинах возникновения нового типа военного судна — парусного линейного корабля. Линейная тактика ведения боя парусными судами, постепенно упрочившаяся к концу XVII столетия в качестве основного тактического приёма, неизбежно вызывала стремление иметь в составе военного флота специальное средство его применения — линейные корабли. В то же время боевой порядок «линии баталии» неизбежно требовал каким-то образом упорядочить оставшееся в наследство от предшествующих времён большое разнообразие «воинских» кораблей. Первоначальное упорядочивание и разграничение на группы (классы, ранги) происходило по количеству артиллерии на борту корабля. Затем, по мере накопления боевого и эксплуатационного опыта, все более детализировались и регламентировались требования не только к штатному составу рангов, качеству рангов, но и внутри каждого ранга²¹.

Знаменитое выражение Ф.Г. Чапмана: «...линейный корабль ценится по действию им производимому, мера же сего действия зависит от числа пушек и тяжести ядер, то же последнее служит основанием строению корабля...»²², — появилось несколько позднее. Однако понимание взаимосвязи между физическими параметрами морской артиллерии (калибр, вес, длина пушек, их количество по декам) и главными (базовыми) параметрами корабля (по-иному, размерениями) к концу XVII в. уже существовало. Осознавалась и необходимость обеспечить необходимые мореходные качества при заданных характеристиках: размеры корпуса, артиллерийское вооружение и предполагаемый район эксплуатации. Эмпирически найденные приемлемые соотношения между всеми характеристиками и требованиями к кораблю становились «добрыми пропорциями» и закреплялись в регламентах и штатах всех ведущих морских государств.

Великое посольство 1697–1698 гг. совпало по времени с периодом, когда европейское кораблестроение пыталось разрешить потребности линейной тактики. Русские ученики окунулись в бурлящий круговорот различных взглядов и мнений на способы достижения «добрых пропорций». Необходимо согласиться с Д.Ю. и И.Д. Гузевич, что

первоочередной задачей Великого посольства, исходя из смысла собственноручного наказа Петра I, была сугубо практическая – найм специалистов и закупка предметов снабжения и материалов, отсутствующих в России, для создания военно-морского флота из 15 фрегатов или 10 линейных кораблей²³.

Можно далее предположить, что и целью обучения отдельной группы волонтеров во главе с Петром I являлось более конкретное дело, чем получение общих знаний о кораблестроении: подготовиться к самостоятельному строительству линейного корабля для Азовского флота, начиная от разработки проекта и заканчивая отработкой технических вопросов непосредственного строительства. Думается, что эта задача не была документально сформулирована только потому, что её Пётр I возложил на самого себя. В пользу подобного предположения говорит последовательность обучения кораблестроительным наукам, понятное раздражение основного «ученика» от неполноты обучения в Голландии (строить научили, а как проектировать не сказали – только «одни принципы»). О том же свидетельствует неожиданная, по сути сугубо инженерно-конструкторская, переписка царя из Англии с фактически исполнявшим должность адмиралтейца (главы Адмиралтейства в Воронеже) окольниковым А.П. Протасьевым, целью которой было выяснить конкретный вопрос – каким образом уменьшена осадка азовских кораблей и чем это чревато для мореходности²⁴. Возможно, что «4 сундука с моделями», не дающие покоя нынешним музейным работникам, вывезенные из Англии в Архангельск, есть не что иное, как заранее подготовленные строительные шаблоны («модели» в терминах того времени) деталей корабля, а не модели (макеты) каких-то кораблей в современном понимании²⁵. В пользу этого предположения говорят также главные размерения «Гото Престестинации», которая была заложена сразу же после возвращения из Европы.

Первый линейный корабль русской кораблестроительной школы имел следующие основные характеристики. Длина по нижней палубе 118 футов, ширина без обшивки 31 фут, глубина в трюме (интрюме) 9 английских футов 9 дюймов. Вооружение 58 пушек (Пётр I считал корабль 60-пушечным): 26 12-, 24 6-, 8 3-фунтовых. Пропорции: «длина к ширине» – 3,8, «ширина к интрюму» – 3,18²⁶.

Причины выбора Петром I как главным проектантом для линейного корабля подобных скромных размеров выпали из поля зрения исследователей. Необходимость осмысления этого шага особенно очевидна в связи с тем, что строительство шло одновременно с постройкой Осипом Наем 58-пушечного корабля «Черепаша» с более

внушительными размерениями. Представляется, что свой выбор монарх сделал далеко не случайно. Тип английского 118-футового корабля, ведущий своё начало от 34(36)-пушечных фрегатов первой половины XVII века²⁷, в результате перестроек и усиления вооружения до 46(54) пушек к концу века превратился в самый малый линейный корабль 4 ранга. Несколько таких кораблей находились в перестройке на верфях в Англии примерно в то же время, когда там пребывали русские волонтёры. При этом два из этой серии кораблей перестраивал ведущий английский корабель Ф. Хардинг, подмастерьем у которого работал Р. Броун. Допустимо, что выбор Петра I произошёл не без влияния последнего. Ответ А.П. Протасьева точно зафиксировал глубину интрюма у 50-пушечных кораблей — 15–16 футов, то есть как раз такую, которая была у большинства английских кораблей этого типа в тот период. Но английская методология не позволяет кардинально, на треть, уменьшить один из важнейших показателей — глубину интрюма. К примеру, О. Най на «Черепaxe» превысил величину осадки: только глубина интрюма у него составила 10 английских футов 3 дюйма, осадка — ещё больше. Это было сделано несмотря на то, что требовалось обеспечить осадку не более 10 голландских футов, то есть значительно меньшую. Видимо, возникновение переписки с А.П. Протасьевым объясняется трудностями адаптации английской методологии конструирования корабля геометрическим способом к потребностям донского водного бассейна. По нашему мнению, в первую очередь Петра I подвигло на выбор проекта в виде самого малого линейного корабля то, что у этого типа корабля было достаточно лишь уменьшить интрюм примерно на шестую часть — 2 с небольшим фута²⁸.

В рамках статьи не ставится целью рассмотреть все вопросы, связанные со строительством и эксплуатацией «Гото Предестинации». Стоит только отметить, что в статье, посвящённой реконструкции корабля, В.Г. Крайнюков обошёл молчанием выше показанные возможные обстоятельства проектирования. Ошибка С.И. Елагина при расшифровке записи Петра I о планируемом перевооружении корабля более мощными 16-фунтовыми пушками к кампании 1710 г., подвигла историка-реконструктора к ошибочному выводу о большом запасе остойчивости, позволившем «без каких-либо переделок корпуса» установить пушки большего калибра (веса)²⁹. Дальнейшие события, произошедшие с кораблём после спуска на воду и вплоть до его продажи в 1711 г. турецкому правительству, вносят серьёзные коррективы в реконструкцию его теоретического проекта. Эти

события также были обойдены С.И. Елагиным молчанием, как, впрочем, не оценены они и другими историками.

Выявленная и опубликованная ещё С.И. Елагиным переписка Петра I, адмиралтейца Ф.М. Апраксина и корабельного мастера Ф.М. Склеява о корпусных переделках на «Гото Предестинации» в 1705 г. заставляет взглянуть на проведённую В.Г. Крайнюковым реконструкцию несколько иначе. Следует воспринять её как добросовестную работу инженера-кораблестроителя с его современными знаниями и пониманием всех аспектов, связанных с мореходными качествами, вооружённого старинной методологией проектирования, но недооценивающего исторической составляющей реконструкции.

Осталась без анализа оценка самим Петром I своего первого корабля. Больше внимания традиционно уделяется похвальным отзывам, но, к сожалению, принадлежавшим не профессионалам в области кораблестроения, которые были способны оценить только внешний облик изукрашенного резьбой корабля. Представляется, что сам Пётр I был кораблём недоволен. Отзвук этой неудовлетворённости скрыт у монарха за сдержанностью данной ему оценки. Вот она: «...корабль же „Божие Предведение“ именованный, какой есть препорции, крепости и удобства, нам писать и разсуждать невозможно, понеже нашего есть размера и труда, и того для полагаем на разсуждение»³⁰. По сравнению с предыдущей похвалой О. Наю за «добрые пропорции» его корабля «Черепеха», оценка своего труда монархом носит печать разительного контраста.

8 марта 1703 года³¹ в Воронеже был заложен ещё один корабль, спроектированный Петром I, который незаслуженно оказался вне пристального внимания историков – «Ластка» («Быстрая ластовица», «Швал»). Сравнение её размерений с таковыми у «Гото Предестинации» выявляет, что «Ластка» есть не что иное, как улучшенный проект «Гото Предестинации». Сохранив прежнюю длину по палубе в 118 футов, Пётр I увеличил ширину корабля до 32 футов 7 дюймов и глубину интрюма до 10 футов 10 дюймов. Точная кратность прибавки относительно размерений «Предестинации» (пятая часть от ширины и девятая часть от глубины интрюма) является несомненным подтверждением их намеренности. Одновременно был уменьшен количественный (до 54 пушек) и качественный (весовой) состав артиллерийского вооружения: 18 12-, 20 4-, 8 3-, 8 2-фунтовых пушек. Полученные при этом базовые пропорции – «длина к ширине» 3,62 и «ширина к глубине» 3,0 – показали строителям, царю и его помощнику Ф.М. Склеяву, удачными, что и подтверди-

лось во время плаваний 1710 г. у Таганрога. Во всяком случае, порции «Ластки» монарх уже не стеснялся называть «добрыми», о чём будет сказано ниже.

2. Линейный корабль для Балтийского флота

Последовательность действий царя Петра I по созданию Балтийского флота, прослеживаемая по его указам и принимаемым кораблестроительным программам, показывает понимание русским государём основных целей, принципов и способов ведения морской войны.

Выполнение первой кораблестроительной программы (1703) к концу 1707 г. позволило иметь качественно и количественно сбалансированный флот, способный успешно защитить территориальные завоевания в устье Невы и передовые позиции – остров Котлин и форт Кроншлот – от нападения морских сил противника³², а кроме того, осуществить поддержку собственных сухопутных сил при атаках противника с суши во всем невском бассейне, обеспечить бесперебойность водных коммуникаций в акватории Невы и Ладожского озера. После того, как стало ясно, что шведские корабли не в состоянии уже прорваться к невавскому устью и вернуть ставший стратегически важным пунктом остров Котлин, стратегия ведения Великой Северной войны на море изменилась. Теперь от русской стороны требовалось вступить в борьбу за обладание Балтийским морем, либо его частью, Финским заливом, важнейшей транспортной коммуникацией противника. Без линейных кораблей, основы флота открытого моря, вести такую борьбу было бы невозможно. Поэтому в октябре – ноябре 1707 г. принимается новая обширная кораблестроительная программа создания Балтийского флота из 27 линейных кораблей, шести 32-пушечных фрегатов и шести 18-пушечных шняв³³.

В 1707 г. корабельный мастер Р. Броун³⁴ получил от Петра I чертёж 50-пушечного корабля³⁵ и вернулся в Лодейное Поле для завершения прежних задач и для организации подготовительных работ по строительству крупного корабля. Заготовка дубового леса была возложена на Л.А. Верещагина. Вплоть до лета следующего 1708 г. лес заготавливался и вывозился к будущим местам строительства. Наконец, 19 июля 1708 г. «...великий государь указал в Новой Ладогe строить вновь 2 корабля из дубоваго лесу, который лес готовил Лукьян Верещагин, и для того строения послать от адмиралтейства корабельнаго дела мастера иноземца Рыцаря Бруна, да корабельнаго ж ученика Гаврило Меншикова...». Вскоре после 9 августа 1708 г.

Р. Броун и Г.А. Меншиков заложили на Новолadoжской верфи первый балтийский корабль 50-пушечного ранга, впоследствии получивший название «Выборг»³⁶.

Летом 1708 г.³⁷ со срочными заданиями царя выехал в Архангельск Ф.М. Скляев³⁸. На обратном пути он заехал в Новую Ладугу для инспектирования работ на верфи³⁹. Через несколько дней после приезда он написал 26 октября 1708 г. царю о том, как обстоят дела со строительством новолadoжского 50-пушечного корабля. Оказалось, что после закладки килевых штук, установки штевной и набора флортимберсов дело остановилось из-за отсутствия заготовок необходимой величины для полного формирования шпангоутов. Р. Броун предполагал, что шпангоуты будут состоять из семи деталей, но такого размера заготовок не нашлось, поэтому Ф.М. Скляев предложил делать шпангоуты из девяти или одиннадцати штук⁴⁰. В результате обсуждения было решено шпангоуты делать из девяти штук дерева, что следовало распространить на остальные корабли серии. Для этого потребовалась дополнительная заготовка леса. В районе Новой Ладуги и Олонца весь подходящий лес уже был использован, а до Старой Руссы, где Л.А. Верещагин отыскивал подходящие деревья, было далеко, поэтому лес решено было возить из-под Новгорода⁴¹.

Другая проблема, о которой Ф.М. Скляев написал монарху 17 ноября 1708 г., касалась уточнения длины залoженного корабля: «...Броун очень сомневатца о том текене (чертеже; курсив наш. — А.И.), с каторава они зачали в Ладогe делать. Сказывает, *гораздо кароток* (курсив наш. — А.И.). Я ныне ис тех один (чертёж. — А.И.) послал — изволите со временем посмотреть, как лучши, *не изволишь ли длины прибавить* (курсив наш. — А.И.), пока форштевенев не поставлено, только одна передняя штука...»⁴².

В начале декабря 1708 г. Пётр I пишет Ф.М. Скляеву: «Письмо твое купно с текенами мне дошло, на которое отвечаю, что *тот текень доброй препорции, которой я дал Броуну и сходен с „Ласткою“* (курсив наш. — А.И.)⁴³ (которая уже пробована). А что ты применяешь английской карабль, который ты видел и текен прислал, правда, уже оной карабль да глубже, ибо три фута и 4⁴⁴ дуйма ниже от воды, неже в воде, а Броунов три дуйма выше, неже в воде; *однако же, ежели похочете, можно фута три или по нужде четыре прибавить в длину* (курсив наш. — А.И.)...»⁴⁵.

Из содержания последних двух писем становится понятно, что автором проекта 50-пушечного корабля («Выборг») был Пётр I, принявший для него признанные «добрыми» пропорции воронежского

корабля «Ластка». Этот корабль был спроектирован самим царём и находился в высокой степени готовности.

Здесь следует сделать необходимое отступление для более полного разъяснения смысла «доброй препорции». Первая самостоятельная разработка проекта линейного корабля, его постройка и наблюдение за поведением на воде, каковым стала 58-пушечная «Гото Предестинация» (построена в 1698–1700 гг., перестроена в 1705 г.), дали неоценимый практический опыт для понимания Петром I взаимосвязи между размерами корабля и его эксплуатационными характеристиками. Он, несомненно, был учтён при проектировании и строительстве следующего корабля – 54-пушечной «Ластки» (заложен в 1703 г. и до 1709 г. сохранялся на стапеле в готовом виде). Полученная при этом пропорция отношения длины к ширине $L/B = 3,62$, а не числовые размерения корабля, как первоначально могло бы показаться, по Петру I – «добрая препорция», была им использована при проектировании линейного корабля для Балтийского флота. В основе английской методологии (расчётного алгоритма) построения теоретического чертежа (проектирования) лежит определение главных (базовых) размерений и прежде всего ширины корабля, которая функционально взаимосвязана с конструктивно-геометрическими параметрами предполагаемых пушек главного (находящегося на нижней палубе) калибра. Длина корабля по нижней палубе (так изначально было принято в русском проектом аппарате в отличие от английского – по килю), в качестве второго базового показателя, определялась существующими требованиями к количеству и параметрам пушечных окон для планируемого калибра пушек. При этом оба базовых размера, длина и ширина, должны были находиться в определённом соотношении между собой – в «доброй препорции».

Какие пушки планировал установить Пётр I на спроектированный им корабль и как этот выбор должен был сказаться на его главных размерениях?

Ответ на этот вопрос содержится в «Росписи Балтийского флота в нынешнею компанию», подготовленной Петром I для датского посла Ю. Юля в феврале 1710 г. в намерении согласовать действия датского и русского флотов: «...на каждом по пятидесят четыре пушки: исподние по калибру осмнатцатьфунтовые; верхние – осми – на фордеке и баке – четырефунтовые...»⁴⁶. Отметим, что в этом же 1710 г. мастер Выбе Геренс получил от царя пропорции для строительства в Архангельске трёх кораблей, в которых отмечено: «...пушек в ысподней палубе по 12, а на верхней по 11, на фордеке по 4 на

стороне, итого будет всех 54 пушки... дабы 18-фунтовые пушки могли поднять на исподней палубе...»⁴⁷. Сходство очевидное, поэтому следует предположить, что главные размерения архангельских и балтийских кораблей также должны быть схожими. Уже указанной «Препорцией» царь предписал Выбе Геренсу длину по нижней палубе 127 английских ф. и ширину 35 ф. — опять то же самое соотношение $L/V = 3,62$, которое наблюдается у «Ластки», «добрая препорция» которой положена в основу выданного Р. Броуну в 1707 г. чертежа. Особо следует отметить, что свои пропорции для архангельских кораблей царь составил ещё до прибытия хотя бы одного выстроенного корабля с Ладоги. Уже 20 марта 1710 г. Пётр I даёт указание архангелогородскому губернатору П.А. Голицыну заготавливать лес на два 54-пушечных корабля по приложенной к письму пропорции⁴⁸.

Совпадение главной пропорции не является случайным. В декабре 1710 г. царь отправляет свои замечания на присланные из Воронежа проекты 48-пушечных кораблей (50-пушечный ранг) Р. Козенса и О. Ная. В них монарх указывает длину по нижней палубе: «126, или лучше 127 футов от шпунанга до шпунанга»⁴⁹. Пропорции и вооружение для этих воронежских кораблей Пётр I собственноручно разработал ещё в мае 1709 г.: длина 126 ф., ширина 35–36 ф.; на нижней палубе пушки 18-фунтовые, на верхней палубе 8-фунтовые⁵⁰. Пропорция та же самая: 3,62!

Таким образом, в рассматриваемый период, под «доброй препорцией» балтийского корабля царь как проектировщик кораблей однозначно должен был подразумевать длину по палубе в пределах 127 ф. и ширину около 35 ф.

Вернёмся к декабрьскому 1708 г. ответу государя на письмо Ф.М. Склеяева и ответим на ряд вопросов. Во-первых, почему, несмотря на столь убедительно показанные представления Петра I о «добрых препорциях», он нашёл возможным согласиться на увеличение длины корабля своего проекта на «три или по нужде четыре» фута и как это увеличение могло сказаться на главных размерах? Во-вторых, почему броуновское предложение по увеличению длины по сравнению с предполагаемой выбранной пропорцией не нашло отражения ни в архангелогородских кораблях, ни в замечаниях по азовским кораблям, ведь пропорция у них осталась прежней, следовательно, и длина по палубе? В-третьих, почему Р. Броун высказал своё «сомнение» в длине корабля не в то время, когда получал чертёж Петра I, а много позже, почти через год, когда строительство уже велось полным ходом?

Представляется, что ситуация здесь намного тоньше, чем это кажется на первый взгляд. Пониманию того, что же на самом деле могло произойти, помог комплекс артефактов, образовавшийся в результате поисков автором материалов по последнему, реализованному при жизни, проекту Петра I, шняве «Фаворитка» 1723 г. постройки. Сопоставив ряд исторических свидетельств и ранее не публиковавшихся подлинных документов, был атрибутирован и идентифицирован чертёж из коллекции документов царя⁵¹, как чертёж шнявы «Фаворитка», выполненный лично Петром I. В 2009 г. в коллекции Центрального военно-морского музея удалось выявить «половинчатую модель на доске» этой шнявы, ошибочно прикреплённую к подмодельной доске с другой подписью⁵². Тем самым стало возможным провести сравнение модели и чертежа шнявы. Рассматривая и анализируя графические построения петровского чертежа, автор обнаружил, что общая длина шнявы по перпендикулярам на чертеже составляет 70 ф. 3 д., тогда как царь предписывал Г.А. Меншикову, по запросу последнего, длину в 71 ф. Этот же размер, 71 ф., имеет и музейная полумодель шнявы. Тщательное обследование чертежа выявило допущенную Петром I ошибку в расстановке теоретических шпангоутов. Размечая шпангоуты циркулем, император для одного шпангоута ошибочно установил ножку циркуля чуть ближе, чем следовало, вероятнее всего, механически перепутав множественные проколы в бумаге чертежа. Ошибка составила для шнявы 8,5 дюймов. Не удивительно, что Г.А. Меншиков, видимо, заметив эту погрешность, запросил разъяснений, но сделал это весьма тактично, сославшись на отсутствие масштабной линейки на петровском чертеже. Когда получили от царя подтверждение, что длина шнявы 71 фут, чертёж был переделан учеником Г.А. Меншикова, Захаром Климовым, и показан Петру I, который его «весьма хвалил». Видимо, тогда же или несколько позже была выполнена и модель, так как в отличие от чертежа, на ней имеется декоративно-художественное убранство и дополнительные строительные детали.

Следовательно, вполне допустимо по аналогии с петровским чертежом «Фаворитки» предположить, что выданный Р. Броуну в 1707 г. чертёж линейного корабля имел какую-то погрешность в длине как следствие небрежности в графических построениях, допущенных Петром I. Эту погрешность при его осмотре во время обсуждения с Р. Броуном (такое обсуждение, зная вводимую Петром I практику коллегиальности корабельных мастеров в принятии проектов, должно было состояться) сразу не заметили, согласившись с заложенными «добрыми пропорциями». Однако, когда Р. Броун начал переносить

чертёж Петра I на стапель в натуральную величину, он заметил эту оплошность, потому что работал в той же методологии, в какой выполнялся чертёж на бумаге и знал заявленные монархом пропорции корабля. Естественно, указать царю прямо, что тот ошибся, ни Р. Броун, ни приехавший на подмогу Ф.М. Складов, как, впрочем, и Г.А. Меншиков в более позднее время, не могли, поэтому ими тактично была выбрана формула «сомнения» и предложение прибавить по царскому усмотрению 3—4 фута. Думаю, что Пётр I, посмотрев в присланные «приправленные» чертежи, сразу же заметил свою погрешность и оценил деликатность своих подданных. Вот почему он, обычно уверенный в своих теоретических воззрениях, подтвердив, что пропорции должны быть как у «Ластки», то есть 3,62, разрешил прибавить к чертежу 3, в крайнем случае, 4 фута длины. Видимо, царская ошибка была где-то в этих пределах.

Анализ вышеприведённых двух писем и высказанная гипотеза о погрешности чертежа Петра I так и остались бы общим рассуждением, если бы не находка документа, полностью им соответствующего.

3. Атрибуция и идентификация чертежа корабля

Атрибуция и идентификация старинных кораблестроительных чертежей представляется задачей, для решения которой ещё нет отработанной методологии. Археографические и палеографические методики в этом деле могут быть применены только частично и полной уверенности в результативности исследования специфического объекта (чертежа) не гарантируют. К настоящему времени образовался весьма большой пласт не идентифицированных судостроительных чертежей и не меньшее количество тех, с которыми это проделано ошибочно. Отсутствие методики атрибуции и идентификации старинных чертежей сказывается не только на результатах исследования самого объекта, но приводит к искажённому восприятию исторических реалий, способствует неверным выводам по интерпретации исторических событий⁵³.

Необходимо отметить небольшую и, к сожалению, малоизвестную работу А.М. Глебова⁵⁴, посвящённую вопросам атрибуции и идентификации остатков старинных парусников. Предложенную им методологию с некоторыми дополнениями вполне возможно использовать при работе с судостроительными чертежами.

Выявленный в библиотеке Петра Великого (ОР БАН) чертёж 50-пушечного корабля⁵⁵ предоставляет автору продемонстрировать свою методику его атрибуции и идентификации.

Рассматриваемый чертеж находится в Сборнике кораблестроительных чертежей, собранных и переплетённых в 30–40-х годах XVIII в., поэтому сотрудники Библиотеки Российской академии наук не отнесли его к библиотеке Петра I. Однако ранее разрозненные листы Сборника представляли собой пакет документации несомненной принадлежности императору. Чертёж выполнен на листе белой толстой бумаги размером 66 на 51 см, пожелтевшей от времени, со следами буроватых пятен, обрывом левого нижнего угла и более поздними обрезами сторон. Имеет два вертикальных и один горизонтальный следы от складок, что подразумевает использование чертежа для пересылок по почте. На чертеже нет никаких датирующих письменных помет. Однако хорошо читаются филигранные бумаги (водяные знаки): страсбургская лилия в щите под короной, цифрой «4» и лигатурой WR под ней, контрамаркой IV. Филигранные близки к знаку № 1786 (ок. 1690) у Э. Хивуда⁵⁶ (за исключением вензеля «AI» под лигатурой), контрамарка близка к № 425 (1683) у В.А. Черчилля⁵⁷, обе филигранные близки № 3544 (1709) у Ж.С. Симонса⁵⁸, сходны с № 412 (сер. XVII в.) и № 428 (исключая контрамарку) у В.А. Черчилля (1671), № 966 (1697) у Т.В. Диановой и Л.М. Костюхиной⁵⁹. Тем самым по бумаге с учётом её «залежности» чертёж можно датировать концом XVII – началом XVIII вв.

Сузить рамки датировки чертежа возможно после сравнительного анализа главных и второстепенных размерений корабля, имеющих на чертеже, с уже известными размерами русских кораблей начала XVIII в. Для наглядности данные по кораблям соответствующего 50-пушечного ранга сведены в таблицу. Сведения в столбце «Чертёж» получены в результате обмера исследуемого чертежа, глубина интрюма вычислена с учётом погиби бимсов на мидель-шпангоуте в 6 дюймов. Масштаб чертежа $\frac{1}{6}$ дюйма за 1 фут (современный вид 1:72 н. в.). В столбце «Воронеж» показаны данные «Гото Предестинации» (в числителе) и «Ластки» (в знаменателе), заимствованные из трудов С.И. Елагина по Азовскому флоту. Число футов отделяется везде в таблице от числа дюймов точкой. В столбце «Выбе Геренс» публикуются обнаруженные П.А. Кротовым «Пропорции», направленные Петром I в Архангельск в 1710 г. В столбце «Регламент» показаны данные Регламента 1723 г., собранные по публикациям В.Г. Крайнюкова и П.А. Кротова. Количество пушек верхней палубы и надстройки заимствованы из документов РГА ВМФ о вооружении регламентного 54-пушечного корабля «Нептунус» (1736), причём на нижней палубе устанавливалось 20 18-фунтовых пушек, а окон было 11 на стороне.

Параметр сравнения	Чертёж	Воронеж	Выбе Геренс	Регламент
	Фут/дюйм	Фут/дюйм	Фут/дюйм	Фут/дюйм
Длина по нижней палубе	124	118	127	143
Ширина без обшивки	35	31/32.7	35	38
Глубина интрюма	14	9–9/10.10	15	16.6
Пропорции:				
Длина к ширине (L/B)	3,54	3,8/3,62	3,62	3,76
Ширина к глубине интрюма (B/H)	2,5	3,18/3,0	2,33	2,3
Пушечные порты:				
нижняя палуба	12 (3.0 × 2.7)	13/12	12 18-ф.	11 18-ф. (3.4 × 2.8)
верхняя палуба	11 (2.5 × 2.0)	12/11	11 8-ф.	12 8-ф. (2.7 × 2.3)
надстройки	4	4/4	4 4-ф.	5 4-ф.
Между портами нижней палубы	6.10	–	–	8.0
Высота порта «от воды»	4.8	–	5.5	5.4
Высота между палуб	6.6	–	7.0	7.0
Осадка на миделе	13.8 (9)	(10 голл. футов)	14.6	–
Ширина флора	11.8 (1/3 B)	–	11.8 (1/3 B)	1/3 B
Ширина гек-балка	21 (3/5 B)	–	21 (3/5 B)	2/3–3/5 B
Уклон топтимберсов на сторону	3.5 (1/5 B)	–	–	1/5 B

Результаты сравнения показывают, что своими параметрами корабль на чертеже занимает промежуточное положение между «Ласткой» (1703 г. закладки) и пропорциями кораблей Выбе Геренса

(1710), тем самым чертёж может датироваться не ранее 1703 г. и не позже 1710 г.

Осмотр чертежа корабля показывает несомненное сходство его архитектуры с известным изображением «Гото Предестинации», выполненным П. Бергманом (из собрания ЦВММ): общая компоновка палуб и надстроек, отсутствие юта, форма гакаборта, расположение носовых и кормовых пушечных портов относительно штевней, количество, расположение и форма портов на надстройке, уклон ахтерштевня и передняя (прямая) линия форштевня. Наблюдается архитектурное сходство гакаборта на чертеже с гакабортом на проектном чертеже декоративного убранства «Ластки», который был выполнен Ф.М. Скляевым в 1705 г.⁶⁰ На исследуемом чертеже и на корабле «Ластка» совпадает количество и расположение пушечных портов по палубам; впрочем, как и с указанными в «Пропорциях», данных Выбе Геренсу, О. Наю и Р. Козенцу. Тем самым можно предположить, что на чертеже показан корабль русской школы, имеющий признаки развития от «Ластки» к архангелогородским 50-пушечного ранга.

Сам чертёж, как уже указывалось, находится среди документов, принадлежавших Петру I, поэтому естественным будет провести сравнение манеры его исполнения с уже точно идентифицированным чертежом шнявы «Фаворитка» из того же Сборника. Сравнение показало сходство обеих чертежей: общее расположение видов корабля по поверхности листа, обозначение мидель-шпангоута буквой «m», следы свинцового карандаша, которым пользовался Пётр I, небрежность в теоретических построениях и в линиях. Следует отметить отсутствие на выявленном чертеже мелкой детализировки, которую обычно изображали корабельные мастера. Чертёж больше производит впечатление проектного эскиза с показом наиболее значимых элементов, все остальное либо опущено, либо нанесено весьма небрежно, как бы в качестве предположения — следствие властности проектировщика, которому нет дела до несущественных мелочей. На виде «Сверху» нет линии флака (голл., в англ. — флор), хотя на виде «Сбоку» линия флака нанесена и видны правки свинцовым карандашом в носовой части. На виде «Сбоку» не зафиксирована ватерлиния, хотя на видах «Корпус» и «Сверху» ватерлинии присутствуют. На виде «Корпус» видны следы ромбуса, необходимого для формирования шпангоутов, но, видимо, полностью использован этот метод не был, больше значения имеет построение по ватерлиниям. Циркульные построения шпангоутов и ватерлиний имеют «захлёсты», не прорисовано сечение киля, не закончено оформление топтимберсов и планширей, гальюна. Широтные параметры

окон гакаборта и кормовых галерей не совпадают, контртимберсы между ними нанесены с признаками условности и несоблюдения расстояний. Не показан руль, руслени и другие, более мелкие детали, которые вполне мог на месте рассчитать и выполнить уже непосредственный строитель. Корабельные мастера выполняли перечисленные детали очень тщательно, снабжая нередко свои чертежи элементами декоративного убранства.

Таким образом, несомненно, что чертёж принадлежит самому Петру I и находится во временном промежутке, совпадающем со временем проектирования и строительства первых 50-пушечных линейных кораблей, а своей архитектурой имеет сходство с «Гото Предестинацией» и «Ласткой», но при более внушительных размерениях корпуса.

Ещё раз вернёмся к декабрьскому 1708 г. письму Петра I и выделим одну подробность чертежа: «...а Броунов три дюйма выше, неже в воде...». Эта особенность обнаруживается на исследуемом чертеже. На мидель-шпангоуте (вид «Сбоку») имеется зафиксированная проколом точка ватерлинии, которая находится на высоте от нижней грани киля 59 мм (13.8 1/2 фут), а от верхней грани планширя 60 мм (13.11 1/2 фут). Таким образом, надводный борт выше подводной части корпуса на 3 дюйма в масштабе чертежа, что даёт основание идентифицировать чертёж в качестве чертежа корабля 50-пушечного ранга «Выборг».

Присутствует на чертеже и обоснование сделанной Петром I ошибки в графических построениях, причём ошибка практически та же самая, что выявлена на чертеже шнявы «Фаворитка» — в предварительной расстановке линий теоретической сетки. В носовой части корабля просматривается перпендикуляр по внешней грани форштевня, причём карандашом и так небрежно, что не соблюдена его перпендикулярность, а в кормовой части нанесённый перпендикуляр практически стёрт. Его ещё видно, но он ведёт «в никуда», то есть не привязан ни к одной принятой детали ахтерштевня. Расстояние между перпендикулярами ровно 127 футов! Видимо, нанеся предварительно габариты будущего чертежа, проектант либо прервал работу, либо по свойственной ему небрежности просто запамятовал, что выставленные габариты (перпендикуляры) должны показывать длину корабля по палубе. Выполнив чертеж, погрешность, которая составила всего 13 мм в масштабе чертежа, он не заметил, как не заметил её и Р. Броун, а заложенные корабли получили длину на 3 фута меньше от заявленной царём пропорции.

В результате проведённого исследования по предложенной методологии с использованием приёмов палеографической датировки

документа, изучения сути изображения и применения методов исторического анализа, выявления манеры исполнения чертежей конкретным историческим лицом возможно идентифицировать найденный чертёж как эскизный (черновой) проект 50-пушечного линейного корабля «Выборг», выполненный Петром I в 1707 г.

4. Строительство и вооружение

В январе 1709 г. адмиралтеец А.В. Кикин сообщил о задержке с закладкой Р. Броуном второго корабля в Новой Ладоге («Рига») из-за «негодности» заготовленных Л.А. Верещагиным «по лекалам» дубовых деталей. Пришлось вновь заготовливать около 700 штук дубового дерева⁶¹. Видимо, лекала, которые использовал Л.А. Верещагин, действительно были от 54-пушечной «Ластки», корабля меньшей ширины и глубины, поэтому шпангоуты формировали с трудом, надставляя дополнительные штуки дерева. К январю 1709 г. шпангоуты на первом корабле («Выборг») были уже набраны из девяти штук дерева, чертёж которых Ф.М. Склеяев послал в письме царю⁶².

Одновременно с будущим «Выборгом» на Олонецкой верфи осенью 1708 г. корабельный мастер Р. Бент⁶³ заложил два корабля того же ранга: «Пернов» и оставшийся без названия⁶⁴. По упоминавшемуся выше сообщению А.В. Кикина, в январе 1709 г. на этих кораблях уже были уложены кили, поставлены ахтерштевни и устанавливались флортимберсы, многие детали были подготовлены к установке.

В том же сообщении А.В. Кикина проясняется вопрос и с размерами новолодожских и олонекских 50-пушечных кораблей: «...письмо Вашего Величества у г. Склеяева я видел, в котором повелено, дабы прибавить длины у кораблей фута 3 и 4, и о сем в Ладугу к мастеру Броуну написал, когда будет закладывать у другого корабля киль, дабы прибавил длины фута 3 или 4, а прочие все велел делать по прежней пропорции, понеже оные заложены...»⁶⁵.

Второй новолодожский корабль (будущий «Рига») был заложен Р. Броуном в начале 1709 г. Задержка произошла из-за нехватки необходимых «дву штук на киль», хотя весь набор был уже вытесан. Поэтому согласие Петра I увеличить длину подоспело только для этого корабля. Следует отметить, что все четыре корабля – будущие «Выборг», «Рига», «Пернов» и оставшийся без названия – строились с применением дубового леса только на основные несущие конструкции и соснового леса на внутренние подкрепления и обшивку.

Таким образом, изучение деловой переписки и выявление ошибки в письме Петра I, проведённые атрибуция и идентификация чертежа из коллекции Библиотеки Российской академии наук позволяют со всей уверенностью утверждать, что первые 50(54)-пушечные корабли Балтийского флота «Выборг», «Пернов» и оставшийся без названия имели длину по палубе 124 ф., ширину без досок 35 ф. и глубину интрюма 14 ф. Корабль же «Рига» при сохранении тех же ширины и глубины имел длину по палубе 127 ф. Расстояние между палубами было 6 ф. 6 д., отстояние пушечного порта от воды — 4 ф. 8 д. Проектное артиллерийское вооружение: 54 пушки 18-, 8- и 4-фунтового калибров.

Признанные царём удачными, пропорции 50-пушечного корабля практически без изменений были заложены в три архангелогородских корабля того же ранга, строительство которых было поручено Выбе Геренсу в 1710 г.⁶⁶. Изменения коснулись только увеличения высотных характеристик: межпалубного пространства до 7 ф., отстояния нижнего пушечного порта от воды до 5 с половиной футов. С этими показателями связано и увеличение глубины интрюма и осадки на мидель-шпангоуте. Все остальные характеристики остались прежними. Выбе Геренсу поручалось по указанным пропорциям самостоятельно разработать чертежи. Здесь в полной мере проявился прагматичный подход Петра I. Выбе Геренс, который владел голландской технологией строительства, в отличие от английской технологии, вводимой на Балтике и требующей дорогостоящих дополнительных подготовительных стапельных работ на плазе с вычерчиванием теории корабля в натуральную величину, мог обойтись без них в неподготовленном для этого Архангельске. Кроме того, возможно, сыграла свою роль в принятии этого решения возможность в дальнейшем сравнить две школы в одном проекте, в одной корабельной пропорции. Во всяком случае сведения о кое-каких переделках на архангелогородских кораблях после прибытия их на Балтику сохранились.

Сравнительная таблица основных размерений русских кораблей типа «Выборг» с соответствующими классами европейских школ наглядно показывает, что первая группа линейных 50-пушечных кораблей русского проекта по своим характеристикам не уступала общеевропейским тенденциям, а по ряду показателей (высотные параметры, отстояние порта от воды и калибр артиллерии) несколько их опережала. Во всяком случае вооружение английских кораблей 50-пушечного ранга 18-фунтовой артиллерией на нижней палубе и 9-фунтовой на верхней палубе с одновременным увеличением длины самих кораблей (до 135–140 ф.) началось с 1714 г. и было закреплено Артиллерийским регламентом 1716 года.

Параметры кораблей	Проект «Выборга» (1708)	Проект архангело-городских кораблей Выбе Геренса (1710)	Английский 50-пушечный корабль по регламенту***		Голландский 50-пушечный корабль (1710)****
			1690–1693 гг.	1706 г.	
	Фут/дюйм	Фут/дюйм	Фут/дюйм	Фут/дюйм	Фут/дюйм
Длина по палубе	127 (124)*	127	123	130	130
Ширина	35	35	33.6	35	37.2
Глубина	14	15	13.6	14	14.10
Высота палубы	6.8	7.0	–	6.5	–
Высота портов от воды	4.6	5.6	–	4.6	–
Вооружение:	54	54**	48 (50)	50	52
нижняя палуба	24 18-ф.	24 18-ф.	20 12-ф.	22 18-ф.	–
верхняя палуба	22 8-ф.	22 8-ф.	20(22) 6-ф.	22 9-ф	–
надстройки	8 4-ф.	8 4-ф.	8 6-ф.	6 6-ф.	–

* Длина проекта «Выборга» указана без «технической ошибки» Петра I; в скобках показана фактическая длина для «Выборга» и «Пернова».

** Вооружение русских кораблей указано проектное, фактическое будет описано ниже.

*** Размеры и вооружение английских кораблей 50-пушечного ранга заимствованы из книг: *Winfield R. The 50-Gun Ship. L., 2001. P. 71* (Регламент 1706 года). См. также: *Lavery B. The Ship of the Line. L., 1983. Vol. 1.* Артиллерия 123-футовой группы кораблей показана по штатам 1703 г., причём из 8 пушек на надстройках две были погонными на полубаке. До Артиллерийского регламента 1716 г. только некоторые английские корабли рассматриваемого ранга несли на нижней палубе кулеврины (18-фунтовые) и изредка даже 24-фунтовые пушки, но это было исключение из правил. В столбце «1706 г.» вооружение английских кораблей показано с некоторым «забеганием вперёд» по Артиллерийскому регламенту 1716 г.; до этого действовали положения Артиллерийского регламента 1703 г. (см. предыдущий столбец).

**** Размеры голландского корабля заимствованы из книги: *Roberts D.H. 18th century Shipbuilding. Rotherfield, 1992.* Таблица на с. 338 отражает размеры голландского корабля 1710 г. постройки, пересчитанные автором в английских футах. Длина корабля указана по голландской методике, то есть «по штевням», по палубе будет несколько меньше.

Сведений о фактическом артиллерийском вооружении трёх линейных первенцев в 1710–1712 гг. пока не обнаружено. Документы за последующий период показывают, что штатного вооружения, которое было указано Петром I в «Росписи» 1710 г., вручённой датскому послу Ю. Юлю (см. выше), эти корабли никогда не имели. Росписями 1713 г. зафиксировано первоначально на «Выборге» 48 пушек (20 12-, 20 6-, 8 3-фунтовых) и на «Риге» 46 пушек (тех же калибров), затем по 50 пушек на всех трёх кораблях⁶⁷. В 1714 г. «Рига» и «Пернов» несли по 52 пушки, а в 1715 г. — 50 пушек: 20 18-, 20 8- и 10 4-фунтовых⁶⁸, что отразило состоявшееся перевооружение флота пушками «новой инвенции» — тонкостенной пропорции⁶⁹. К 1718 г. последний из «первенцев» — корабль «Рига» — имел на вооружении 48 пушек⁷⁰.

Архангелогородские корабли постройки 1713 г. «Архангел Рафаил», «Архангел Гавриил» и «Архангел Михаил» изначально имели штатное, предусмотренное проектом вооружение: 22 18-, 22 8-, 8 4-фунтовых пушек, всего 52 орудия⁷¹ (носовые порты нижней палубы традиционно заполнялись пушками при крайней необходимости).

В личных бумагах Петра I, которые хранятся в РГАДА, имеется датированный 6 июля 1716 г. документ, озаглавленный «Описание число пушкам, калиберу, длине и весу аглецкой меры, так же и весу разных рангов караблей, которыя положена при собрании флаг-афицеров и потом опробована Его Величеством коралем Великобританским и в действо произведена июля 6 дня 1716 году»⁷². Это «Описание» отражает Артиллерийский регламент 1716 г., согласно которому английские 50-пушечные корабли должны иметь 22 18-, 22 9-, 6 6-фунтовых пушки. Таким образом, заложенное проектное, а к 1713 г. фактическое вооружение русских кораблей 50-пушечного ранга несколько опережало европейские тенденции.

5. «Первенцы» в боевых действиях

Действия Балтийского флота в мае 1710 г., вошедшие в историю как Ледовый поход, по обеспечению доставки подкреплений для войск, осаждавших Выборг, ещё раз со всей очевидностью продемонстрировали, что без содействия морских сил штурмовать и удерживать приморские крепости противника практически не возможно. Тогда в наибольшей степени были использованы создававшаяся обстановка в конкретной точке морского театра военных действий — между островом Котлин и Выборгским заливом. Сначала прочный лёд позволил осуществить пешую переброску войск под Выборг. Войска сразу же приступили к осаде. Потом опоздание ежегодно

блокировавшей Котлин шведской эскадры позволило создать временное морское преобладание между Котлиным и Выборгом и перевезти морем дополнительные силы и осадную артиллерию. Тем самым удалось лишить противника важного опорного пункта базирования блокирующих эскадр (Выборг) и преградить шведам сухопутное направление на Санкт-Петербург. Появившаяся к концу мая 1710 г. достаточно сильная для этих вод шведская эскадра (вице-адмирал К. Крюйс сообщал о 8 линейных кораблях и 5 фрегатах, а всего 19 вымпелов) одним своим присутствием заставила усомниться в возможности удержания за собой не только Выборга, но и в успешности русского наступления в Прибалтике. Видимо, в какой-то момент созерцание свободно крейсирующей эскадры Г. Ваттранга, с которой вступить в противоборство эскадра русских фрегатов и шняв, конечно же, не могла, вызвало вспышку государева раздражения и вполне понятной обеспокоенности. Одновременно 3 июня 1710 г. на Олонецкую верфь Г.А. Меншикову и в Новую Ладогу Р. Броуну и Ф.С. Салтыкову были отправлены гневные указы о немедленном окончании строительства линейных кораблей с обещанием выпороть «господина подпоручика» (Г.А. Меншикова), а с остальных «впредь взыскать», если они замешкаются в работе⁷³.

23 июня 1710 г. в рядах Преображенского полка прямо из-под взятого Выборга Пётр I торжественно вступил в Санкт-Петербург. Велико же было его ликование, когда «того же дня ввечеру каравль из Ладоги с Синявиным сюда пришел, которой зело изрядно зделан...»⁷⁴. Естественно, что первый корабль, пришедший из Новой Ладоги, тут же получил название «Выборг» в память об одержанной с большими трудностями победе.

Второй корабль серии – будущий «Пернов», построенный на Олонецкой верфи, привёл в Санкт-Петербург Г.А. Меншиков 3 июля 1710 г. Соответственно он был спущен на воду во второй половине июня. Третий корабль серии «Рига» был спущен в Новой Ладоге 1 июля, а прибыл в Санкт-Петербург 11 июля 1710 г.⁷⁵ Последнему, четвёртому кораблю серии не везло с самого начала. Только в середине ноября 1709 г. прибыл на Олонецкую верфь для его достройки, а фактически для строительства вновь после смерти Р. Бента, корабельный мастер В. Снельгроув. Лес в округе уже был выбран на первые три корабля и строительство затянулось до 2 августа 1711 г., когда А.В.Кикин сообщил об его спуске⁷⁶. Обмеление Ладоги в том году не позволило провести корабль в Санкт-Петербург. На следующий год он попал в «великий штурм», которым его выбросило на мель с такими повреждениями, что его пришлось там же разобрать.

«Выборг» к 1 августа 1710 г. был с помощью подъёмных судов выведен из неевского устья за вежи и оставлен до прибытия Петра I. Работами по выводу корабля руководил Ф.М. Склеяев. 22 августа царь прибыл на корабль и пошёл на нём в Кроншлот, не забыв на следующий день отчитать А.В. Кикина за отсутствие не только стёкол в окнах и варочного котла, но и стульев со столом в каюте⁷⁷. С 3 сентября в Кроншлоте на новолодожском же корабле «Рига» поднял адмиральский флаг Ф.М. Апраксин. Сразу же наскоро укомплектованные корабли были выведены в море на манёвры между Кроншлотом и Красной Горкой для отработки построений в линии баталии, продлившиеся весь сентябрь⁷⁸.

Мореходные и боевые качества рассматриваемых линейных кораблей возможно оценить по косвенным упоминаниям о их участии в плаваниях с флотом и боевых столкновениях с противником. В июле 1712 г. все три балтийских «первенца» участвовали в погоне за шведскими кораблями под командой К. Крюйса у Толбухиной косы. Преследование ни к чему не привело, но с полудня до захода солнца при свежем западном ветре в бейдевинд, заставившем закрыть нижние порты, корабли уверенно шли в линии баталии. К. Крюйс руководил эскадрой весьма своеобразно — держал её в естественно замедляющей движение линии баталии, хотя имел перед собой только два шведских корабля и шняву, а спустя два часа поднял сигнал о прекращении погони. Это позволило шведам спуститься под ветер к русским кораблям до полумили, а затем, приведя корабли к ветру, оторваться от возобновившейся погони, не снижая скорости. В июле следующего 1713 года корабли приняли участие в преследовании трёх шведских кораблей. При попутном ветре в течение неполных пяти часов неприятель стал виден с палубы кораблей, а к восьми часам вечера можно было видеть их корпус. Погоня, было остановившаяся из-за стихшего ветра, возобновилась во втором часу ночи, и к пяти часам утра шведы были настигнуты передовыми кораблями около Гельсингфорса. Внезапно шведские корабли привелись к ветру и, обогнув банку, снова спустились под ветер на прежний курс. Передовой «Выборг» и следующий за ним флагманский «Рига» продолжили свой курс и вылетели на банку. «Выборг» снять не удалось, вечером он переломился, и его пришлось сжечь. Один из архангелогородских «первенцев» — «Архангел Рафаил» — принял участие в Эзельском сражении 1719 г. Несколько отстав на первом этапе погони и сражения от более новых «Девоншира» и «Портсмута», капитан Я. Шапизо, командовавший «Архангелом Рафаилом», смог настигнуть флагманский 52-пушечный корабль «Вахтмейстер» и атаковать его с подветренной сторо-

ны. В течение получаса экипаж корабля вёл равную артиллерийскую дуэль с противником до подхода другого русского корабля. Поставленный в два огня шведский корабль сдался через полчаса.

Нужно отметить, что мореходные качества «Архангела Рафаила» были оценены ещё во время его перехода из Архангельска в 1713 г. Командир корабля капитан В. Гания и поручик А.И. Кожин, донося о состоянии зазимовавшего в Кольском остроге «Рафаила», отмечали «изрядную» управляемость в непогоду, «по ветру ходит изрядно», «не шаток»⁷⁹.

* * *

Обстоятельства работы над проектом первого линейного корабля «Выборг» для Балтийского флота, 300-летие ввода которого в строй – 2010 г. демонстрируют характерные черты третьего этапа становления кораблестроительной школы в России. Тогда иностранные «образцы» уже только придирчиво анализируются (отзыв Петра I об «английском корабле» в письме Ф.М. Склаеву), а корабли строятся исключительно по самостоятельному проекту, не имеющему аналога в иностранном кораблестроении. При этом корабли строятся теми же иностранцами, но под руководством и наблюдением отечественных специалистов. Найденные «добрые» пропорции позволили иметь в составе русского флота группу линейных кораблей, которые по своим мореходным и боевым характеристикам не уступали общеевропейским представлениям того времени. Заложенные в них изначально требования к артиллерии, практически осуществленные в ходе реформы артиллерийского вооружения в 1710–1713 гг., опередили подобную практику ведущих морских держав. До середины XVIII в. они были определяющими для вооружения 50(54)-пушечных русских кораблей. Незначительный по европейским меркам срок службы «первенцев» Балтийского флота, связанный с применением сырой, неподготовленной древесины, был вынужденной мерой, что прекрасно осознавалось отечественными кораблестроителями. Главным при этом были интересы ведущейся войны, необходимость срочного вступления непосредственно в борьбу за обладание Балтийским морем с противником, который имел линейный флот. Эту возложенную на них судьбой задачу первые линейные корабли Балтийского флота «Выборг», «Рига», «Пернов», «Архангел Рафаил», «Архангел Гавриил» и «Архангел Михаил», спроектированные Петром I и построенные его сподвижниками Ф.М. Склаевым, Р. Броуном, Ф.С. Салтыковым, Г.А. Меншиковым, Выбе Геренсом и его сыном Питером Выбе, выполнили успешно.

- ¹ *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.
- ² *Данилов А.М.* Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996. С. 20, 21.
- ³ *Чернышёв А.А.* Российский парусный флот. М., 1997. Т. 1.
- ⁴ Автором отрицательной оценки мореходных и манёвренных качеств первых линейных кораблей Балтийского флота, видимо, следует считать И.А. Быховского, предположившего, что особенности мест расположения приладожских верфей неизбежно должны были привести к плохим пропорциям кораблей, что естественно ухудшило их мореходные качества. — *Быховский И.А.* Петровские корабли. Л., 1982. С. 62, 63.
- ⁵ *Широкопад А.Б.* 200 лет парусного флота России. М., 2007.
- ⁶ ИОС. СПб., 1994. Т. 1.
- ⁷ *Кротов П.А.* Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов // ИОС. Т. 1. С. 121–145.
- ⁸ *Кротов П.А.* Формирование русской кораблестроительной школы // ИОС. Т. 1. С. 411–427.
- ⁹ *Красиков В.А.* Русский флот в Северной войне 1700–1721 годов. СПб., 2001. С. 31.
- ¹⁰ Краткая рецензия: *Красиков В.А.* Неизвестная война Петра Великого. СПб., 2005 // *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия 1697–2006. СПб., 2008. С. 541.
- ¹¹ *Гребенищикова Г.А.* 100-пушечные корабли типа «Victory» в русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб., 2006. С. 17, 18.
- ¹² *Крайнюков В.Г.* К вопросу: Истоки русской кораблестроительной школы. «Божье Предвидение» — 58-пушечный корабль Азовского флота // МИ. 1999. Вып. 1. С. 44–62.
- ¹³ См.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия 1697–2006. СПб., 2008. С. 540, 541.
- ¹⁴ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1687–1698. СПб., 2008. С. 335.
- ¹⁵ Там же. С. 334.
- ¹⁶ *Крайнюков В.Г.* К вопросу: Истоки русской кораблестроительной школы. «Божье Предвидение» — 58-пушечный корабль Азовского флота. С. 56
- ¹⁷ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох или начало пути: 1687–1698. С. 161–175.
- ¹⁸ См. к примеру: *Быховский И.А.* Петровские корабли. — Множество искажений и домыслов при отсутствии научного аппарата, исключает использование данных книги в научном исследовании. При этом автор явно руководствовался благими намерениями показать значимость привлечения к созданию русского флота «маститых» европейских кораблестроителей.
- ¹⁹ *Martin R.* Joseph Nye. Isle of Wight, 2004.
- ²⁰ *Tumlestad T.* Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого / Перевод и комментарии Ю.Н. Беспятовых. СПб., 2003. С. 17. Рецензия на книгу содержится: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия 1697–2006. С. 754, 755. Труд охарактеризован как «самая основательная западная работа, посвящённая К. Крюйсу». Рассматриваемое измышление норвежского автора не отмечено и не прокомментировано.
- ²¹ Нет смысла приводить обширную литературу по этому вопросу. Достаточно, хотя бы просмотреть труд контр-адмирала британского флота Ф.Х. Коломба «Морская война», сокращённый перевод которого был издан в Москве в 1940 г. Пятая

глава посвящена как раз вопросам возникновения линейной тактики и появлению и развитию линейных сил. Ф.Х. Коломбом этот процесс назван «дифференциацией морской силы».

²² *Чапман Ф.Г.* Опыт теорического разсуждения о удобнейшем образовании и надлежащей величине линейных кораблей, а равномерно фрегатов и других меньших военных судов. СПб., 1836. С. 1.

²³ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох или начало пути: 1687–1698. С. 36.

²⁴ Письмо Петра I не обнаружено. Сохранился ответ А.П. Протасьева, датированный 24 августа 1698 г.: «...А что сумневатися благоволит милость ваша, которые корабли имеют на себе 50 пушек, обыкновенно в воде ходят 15 и 16 фут, а наши только 10, и чтоб не были валки, и я того бытии не чаю, для того что которые ходят в 15 и в 16 фут, мню их бытии остродонны, а наши делают плоскодонны, и оттого в воде ходом мельче, только того опасаясь, будут ли на парусном ходу резвостью удобны...». Цит. по: *Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский: Приложения. СПб., 1864. Ч. 1. С. 406.

²⁵ Более подробно о смешении технологического термина «модель» с более поздним термином «модель (макет) корабля» см.: *Пшеничный И.П.* Петровская судостроительная система и модель-камера. СПб., 1997. О покупке сундуков с моделями см.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох или начало пути: 1687–1698. С. 276. Там же об отправке «линее, что мадели чертят».

²⁶ *Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский: Приложения. СПб., 1864. Ч. 2. С. 21. Наши рассуждения базируются на втором, английском, варианте списка азовских кораблей, приведённом С.И. Елагиным. Имеющиеся в нём числовые данные позволяют с минимальными погрешностями сопоставить рассматриваемые в статье корабли. Обмер «Гото Предестинации» производился Я. Корнилисе-ном, «Ластки», о которой затем пойдёт речь, Р. Козенсом английскими футами и методологией. Размеры «Гото Предестинации» с «чертежа» П. Бергмана выполнены голландскими футами и методологией, поэтому отличаются в числовом выражении. Размеры же, показанные В.Г. Крайнюковым, хотя и базируются на данных П. Бергмана, но не увязаны с «английскими» данными С.И. Елагина и получены путём реконструкции корабля, по нашему мнению, с определёнными погрешностями, в том числе и с этой нестыковкой данных. — См.: *Крайнюков В.Г.* К вопросу: Истоки русской кораблестроительной школы. «Божье Предвидение» — 58-пушечный корабль Азовского флота. С. 44–62.

²⁷ Эти фрегаты в Англии получили название «фламандских» или «дюнкерцев» в память о прототипах — каперах из Дюнкерка.

²⁸ *Winfield R.* The 50-gun ship. L., 2001. См. так же: *Lavery B.* The Ship of the Line. L., 1983. Vol. 1. Автор выражает благодарность Д. Сидорову за сделанный перевод отдельных глав.

²⁹ Ср.: «На „Черепahu“ и на „Предведение“ старья 16 фунтовыя» (*Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский. Приложения. Ч. 1. С. 319). Другая расшифровка этого документа: «На „Черепahu“, на „Предведение“ старья шветские десятифунтовыя» (ПБИБВ. М., 1956. Т. 10. С. 23). Как видно, смысл текста в зависимости от его прочтения меняется на противоположный.

³⁰ *Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский: Приложения. Ч. 1. С. 470.

³¹ Все даты приводятся по старому стилю.

³² *Кротов П.А.* Зарождение регулярного флота на Балтике. Первая кораблестроительная программа Балтийского флота 1703 года // ИОС. Т. 1. Гл. 8, 9. С. 83–109.

³³ Кротов П.А. Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов. С. 121–145. См. также: Кротов П.А. Голландские кораблестроители Выбе Геренс и Питер Выбе // Россия – Голландия: на перекрестке мнений. Материалы международной научной конференции. СПб., 2008. С. 450 и др. труды.

³⁴ Броун Ричард. Принят на русскую службу в 1705 г. корабельным мастером. Как общее место в его биографии всеми историками указывается работа в 1705–1707 гг. на постройке кораблей в Воронеже – ничего Р. Броун в указанные годы в Воронеже не построил. В.Г. Крайнюков смог обнаружить только, что в октябре 1706 г. он вместе с подмастерьем Т. Бортом осматривал в местах заготовки нарубленный лес для планируемого строительства 80-пушечных кораблей в Тавровском адмиралтействе. С.И. Елагин опубликовал письмо Ф.М. Склаева 12 января 1705 г., в котором сообщается, что «мастер Броун с Воронежа приехал и ныне отправлен на Олонецкую верфь», причём с заданием строить по чертежу Петра I «галиот с гаубицами» и «3 новой инвенции судна». В октябре 1705 г. Ф.М. Склаев сообщил, что сделал для «мастера Броуна» модель на доске с показом палубного устройства строившегося галиота. Имя Р. Броуна не значится и в финансовых ведомостях Воронежского адмиралтейства, поэтому участие его в лесозаготовках вокруг Воронежа (в округе свыше ста километров от города) нужно расценивать как случайно порученное дело временно свободному тогда специалисту.

³⁵ Об этом в письме А.В. Кикина от 12 марта 1708 г.: «...также по чертежу В. В., который изволили ему в прошлом году отдать, ничего не делает...» // МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 149.

³⁶ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого / Вст. ст., науч. редакция и уточнение перевода, примеч. П.А. Кротова. СПб., 1999. С. 155, примеч. 51. Так как А.В. Кикин 9 августа сообщил о возможной закладке корабля «на этой неделе», то вероятный временной промежуток следует сократить до 9–16 августа 1708 г. // МИРФ. Ч. 1. С. 161.

³⁷ СБВПВ. Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 218, 221; Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 896.

³⁸ Склаев Федосей Моисеевич. Один из «волонтеров» ближайшего ряда, первый русский кораблестроитель, получивший звание корабельного мастера, ближайший помощник Петра I в кораблестроении, заведовал его чертёжным архивом и осуществлял надзор за другими мастерами с обязанностью личного доклада. Пользовался непрерываемым авторитетом среди всех корабельных мастеров. На службе с 1698 г. Участник многих морских походов. Его дом в Санкт-Петербурге, сохранившийся частично до настоящего времени, стоял рядом со старым зимним домом Петра I. Скончался в 1728 г. в ранге капитан-командора и похоронен с исключительными почестями в Александро-Невской лавре (Лазаревской усыпальнице).

³⁹ А.В. Кикин Петру I из Санкт-Петербурга от 23 октября 1708 г. // МИРФ. Ч. 1. С. 172, 173.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 175, 176.

⁴² Цит. по: Кротов П.А. Судостроительные программы 1707, 1715 и 1717–1718 годов. С. 123.

⁴³ В печатном тексте: «сходен с Лизеткою». Это является ошибкой расшифровки почерка, так как 16-пушечная шнява «Лизетка» никоим образом не может быть «сходна» с 50-пушечным кораблем, о котором идёт речь в переписке. Ошибка могла возникнуть из-за того, что в письмах этого же периода часто упоминается название «Лизетки», строительство которой на Олонецкой верфи активно велось в 1708 г. В примечании к письму отмечено, что его текст взят не из подлинника, написан-

ного самим Петром I, а из канцелярской записи в «Тетради записной указам 1708 года». Это увеличивает вероятность неверного прочтения текста канцеляристом. Подобного рода ошибки и описки отмечены самими редакторами «Писем и бумаг императора Петра Великого» как часто встречающиеся.

⁴⁴ В тексте написано «14», что является ещё одной, более очевидной ошибкой «Тетради записной указам 1708 года». Следует принять прочтение «i 4» («i 4»), что более отвечает смыслу текста.

⁴⁵ ПБИПВ. М.; Л., 1948. Т. 8. С. 336.

⁴⁶ Там же. Т. 10. С. 485–487. Эта же Роспись... опубликована С.И. Елагиным в «Материалах для истории русского флота» (Ч. 1. С. 199, 200) с искажениями и опечатками. В частности, количество пушек С.И. Елагин указывает «45» вместо «54» (откровенная опечатка), что без критической оценки вошло во многие последующие справочные издания.

⁴⁷ Речь о кораблях «Архангел Рафаил», «Архангел Гавриил», «Архангел Михаил», построенных Выбе Геренсом в 1712–1713 годах. — *Кротов П.А.* Голландские кораблестроители Выбе Геренс и Питер Выбе на службе в России // Материалы международной конференции: «Россия – Голландия: на перекрестке мнений». СПб., 2008. С. 445–461.

⁴⁸ ПБИПВ. Т. 10. С. 71. Составители «Писем» не смогли найти приложенной к письму «пропорции». Копию этого документа отыскал П.А. Кротов в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия). Оп. 4. Д. 9. Л. 1, 1 об.; Оп. 2. Д. 60. Л. 12.) и любезно предоставил автору.

⁴⁹ *Берх В.Н.* Собрание писем Петра I к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1830. Ч. 2. С. 80.

⁵⁰ *Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский: Приложения. СПб., 1864. Ч. 2. С. 76. В тексте у С.И. Елагина ошибка, которая повсеместно вошла в литературу: «120» вместо «126». Планировалось построить 10 таких кораблей, но заложено было 7. Из них 2 были спущены в апреле 1711 г. На нижней палубе у них имелись 22 18-фунтовые пушки (12 пушечных окон на стороне), на верхней 20 8- и на надстройке 6 4-фунтовых пушек.

⁵¹ *Иванов А.В.* Шнява «Фаворитка» – личный проект Петра I // Вестник Гильдии судомоделистов Санкт-Петербурга. 2004. С. 57. Чертёж Петра I как безмянный впервые опубликован: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Л., 1956. Вып. 1.

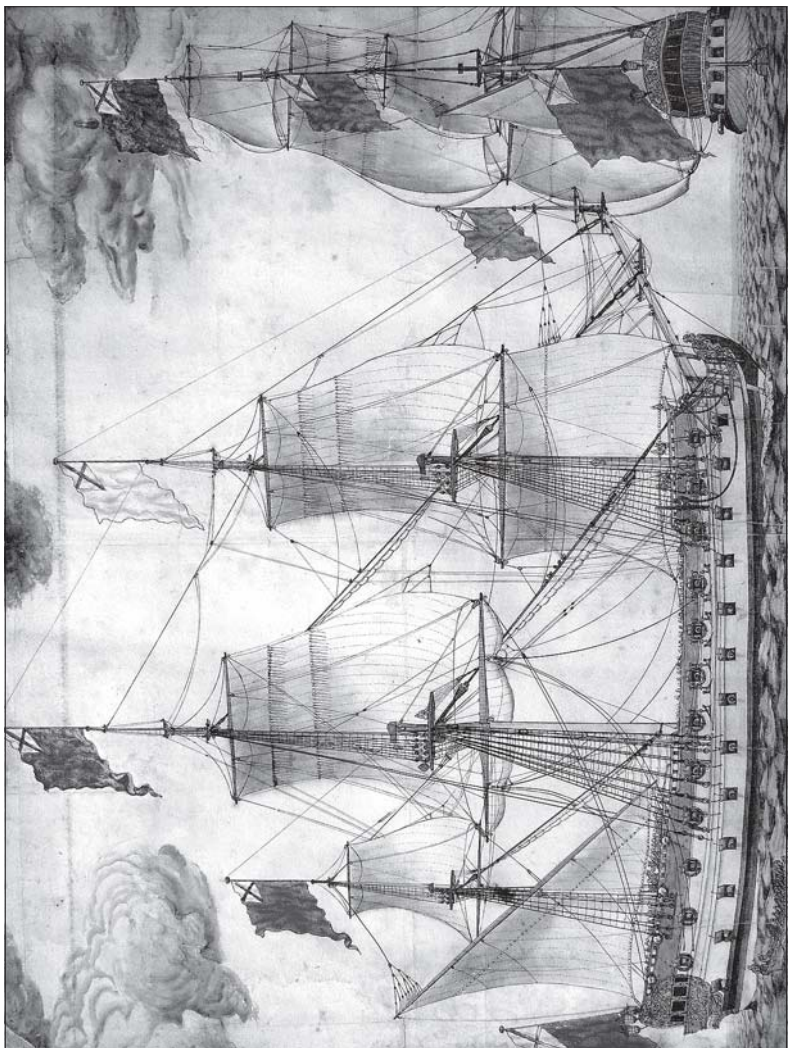
⁵² Полумодель шнявы была внесена в Адмиралтейскую коллегия строителем корабля Г.А. Меншиковым в 1724 г. и помещена на стене в зале заседаний коллегии.

⁵³ Примером методической неподготовленности исследователя может служить атрибуция, проведённая Г.А. Гребенщиковой в отношении нескольких чертежей декоративного убранства русских кораблей из коллекции ОР БАН. Историк не смогла ни идентифицировать чертежи, то есть определить имена кораблей, для которых они предназначались, ни правильно атрибутировать, в том числе по времени их выполнения и рангу изображённых кораблей. — См.: *Гребенщикова Г.А.* 100-пушечные корабли типа «Victory» в русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб., 2006. С. 14–17.

⁵⁴ *Глебов А.М.* К проблеме идентификации старинных парусных кораблей по деталям, обнаруженным при подводных археологических исследованиях // Изучение памятников морской археологии. СПб., 2004. Вып. 5. С. 107–120.

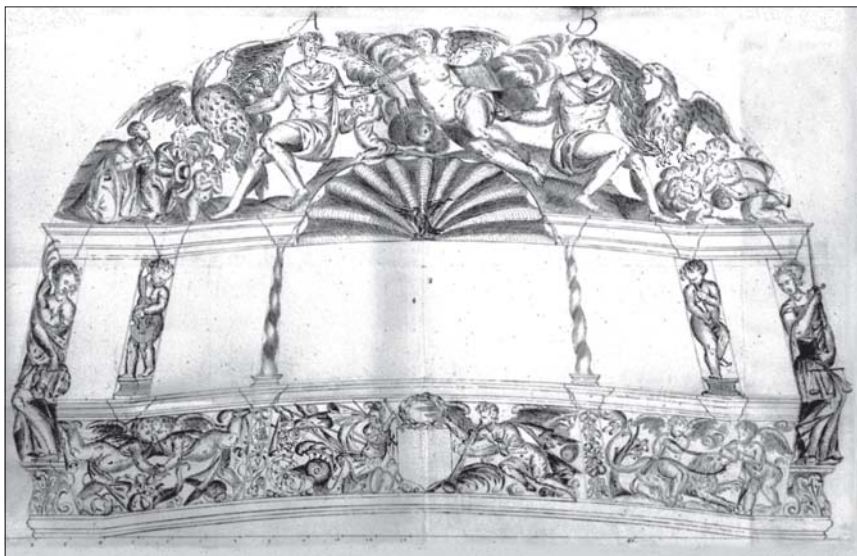
⁵⁵ ОР БАН. П. 1. Б. № 25. Л. 36.

- ⁵⁶ *Heawood E.* Watermarks mainly of 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950. Vol. 1.
- ⁵⁷ *Churchill W.A.* Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the 17th and 18th centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935.
- ⁵⁸ *Simmons J.S.G.* Likhachev's Watermarks. Amsterdam, 1984.
- ⁵⁹ *Дианова Т.В., Костохина Л.М.* Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980.
- ⁶⁰ ОР БАН. П. I. Б. № 25. Л. 60. — Сборник кораблестроительных чертежей. Лист с надписью на обороте: «прислан». Проект декоративного убранства гакаборта «Ластки», выполненный Ф.М. Склеяевым в 1705 г. Композиция отклонена Петром I.
- ⁶¹ МИРФ. Ч. 1. С. 175.
- ⁶² Там же. Чертёж не обнаружен.
- ⁶³ Р. Бент скончался в 1709 г., поэтому будущий «Пернов» заканчивал Г.А. Меншиков, а оставшийся без названия линейный корабль — В. Снельгроув.
- ⁶⁴ Корабли «Выборг», «Пернов», «Рига» получили свои названия только по прибытии в Санкт-Петербург. Второй лодейнопольский (олонецкий) корабль, начатый Р. Бентом и законченный В. Снельгроуовом, провести через Ладогу не удалось, и он был разобран на мели. Как следствие, он числится кораблём «без названия».
- ⁶⁵ МИРФ. Ч. 1. С. 175. Письмо А.В. Кикина Петру I от 6 января 1709 г. из Санкт-Петербурга.
- ⁶⁶ «Архангел Рафаил», «Архангел Гавриил», «Архангел Михаил» заложены только в 1712 г., а спущены на воду в указанном порядке в 1713 г.
- ⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 70. Л. 55. — «Роспись военным судам, которые годны в будущую кампанию». 1713 г. Копия документа любезно предоставлена П.А. Кротовым. Другие росписи 1713 г.: МИРФ. Ч. 1. С. 368, 389.
- ⁶⁸ МИРФ. Ч. 1. С. 514, 618–619.
- ⁶⁹ О реформе корабельной артиллерии 1710–1713 годов см.: *Кротов П.А.* Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов. С. 125–127.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. I. Д. 38. Л. 466–469. — Собственноручный Петра I «Реестр Российского флота караблям, которые будут в нынешней 1718 года кампании на Ост-Зее».
- ⁷¹ МИРФ. Ч. 1. С. 618, 619.
- ⁷² РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 38. Л. 368.
- ⁷³ ПБИПВ. Т. 10. С. 169, 171.
- ⁷⁴ Там же. С. 209. Этот же документ см.: ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Ф. IV. 31: Копии писем Петра I к Ф.М. Апраксину. Л. 216.
- ⁷⁵ *Кротов П.А.* Судостроительные программы 1707, 1715 и 1717–1718 годов. С. 124, 125.
- ⁷⁶ ПБИПВ. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 545.
- ⁷⁷ Там же. Т. 10. С. 256, 309.
- ⁷⁸ Там же. С. 352.
- ⁷⁹ *Кротов П.А.* Голландские кораблестроители Выбе Геренс и Питер Выбе. С. 454, 455.

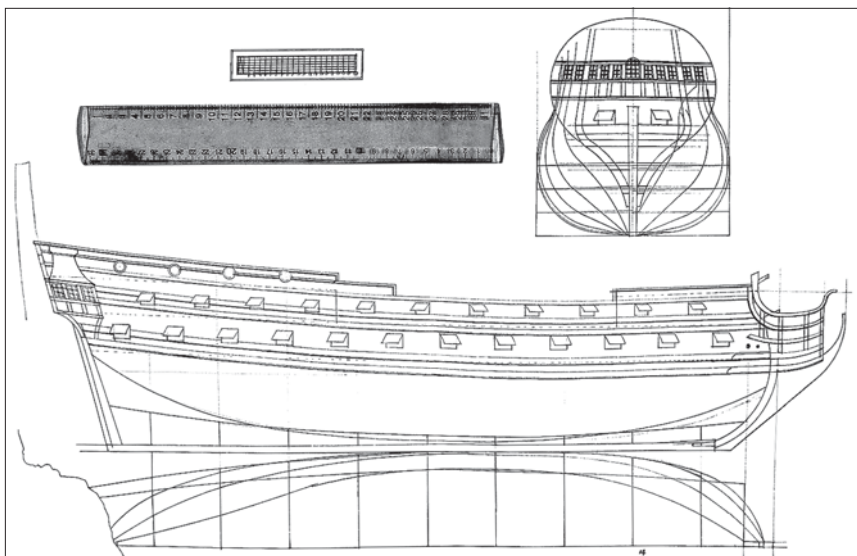

П. Бергман. 58-пушечный вои́нский корабль «Гото Предестини́ция» («Божие Предае́дение»). Чертёж. 1705. ЦВММ

Ф. М. Скляев. 54-пушечный воинский корабль «Ластка». Чертёж проекта декоративного убранства гакаборта. 1705. ОР БАН

Пётр I. 54-пушечный линейный корабль «Выборг». Чертёж эскизного проекта. 1707. Собрание ОР БАН

ТАЙНЫЕ РУССКО-ШВЕДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О МИРЕ ОСЕНЬЮ 1717 ГОДА: С. ПОНЯТОВСКИЙ И ЗАГАДКА ПОКУШЕНИЯ НА ПЕТРА I

История русско-шведских переговоров о мире накануне начала Аландского конгресса в 1718 г. окружена многочисленными тайнами и мифами, которые зачастую выдаются за реальные факты особенно в зарубежной историографии. Чего стоит только сюжет вокруг контактов русской дипломатии с представителями претендента на английский престол Якова Стюарта. Некоторые иностранные авторы уверены, что Пётр I желал свержения британского короля Георга I и активно участвовал в яковитской интриге¹. В данной статье² хотелось бы рассмотреть ещё один аспект из истории тайной дипломатии конца Великой Северной войны. Он касается роли известного шведского министра С. Понятовского в русско-шведских переговорах о мире и будто бы случившегося покушения на Петра I во время его пребывания в Амстердаме летом 1717 г. Следы этого загадочного события автор обнаружила в архивных источниках – переписке русских дипломатов.

Станислав Цёлек Понятовский (1676–1762) – весьма примечательная личность. Отец будущего польского короля Станислава-Августа III, Понятовский достаточно рано занялся политической деятельностью. Когда началась Великая Северная война, он примкнул к противникам короля Августа II, союзника Петра I. В конце 1701 г. Понятовский был впервые направлен к шведскому королю, а со вступлением на польский престол шведского ставленника Станислава I Лещинского назначен резидентом новоизбранного польского короля при Карле XII. Он участвовал в походах шведской армии, в том числе и Полтавской битве, жил вместе со шведским королём в Бендерах. От имени шведского монарха вёл переговоры с

высокопоставленными турецкими сановниками. В 1710 г. Понятовский был направлен в Стамбул в качестве посла Швеции для противодействия планам русского посла П.А. Толстого³. Таким образом, Понятовский являлся лицом, приближенным к Карлу XII, и его деятельность была направлена против России и её союзника короля Августа II.

Ситуация изменилась после решающих успехов русского оружия: Полтавской битвы 1709 г. и Гангутского сражения 1714 г., — а также после довольно успешных переговоров петровской дипломатии в Европе, когда Карл XII в 1717 г. лишился поддержки французского правительства. Шведская сторона решила начать переговоры с Петром I о мире. Одним из деятельных участников первого этапа переговоров и стал генерал шведской службы Понятовский.

Во время пребывания Петра I в Спа в июле 1717 г. туда приехал Понятовский в качестве представителя Карла XII. С ним встречались видный русский дипломат князь Б.И. Куракин и личный врач Петра I Р.К. Арескин, принимавшие самое деятельное участие в установлении контактов со шведской стороной. Понятовский сообщил, что Карл XII намерен вести переговоры о мире через своего дипломата в Гааге⁴. На встрече обсуждалась возможность отправки к Карлу XII сторонников претендента на английский трон Якова Стюарта для склонения шведского короля к миру с Россией⁵.

В конце июля 1717 г. началась серия встреч между Б.И. Куракиным и Понятовским в Голландии, о которых условились в Спа⁶. Однако выяснилось, что у шведских представителей нет достаточных полномочий от Карла XII. Понятовский предлагал Б.И. Куракину сообщить русские условия мира и ждать ответа на них от Карла XII. Б.И. Куракин ответил, что условия Петра I давно известны и «он при них остается»⁷. Напомним, условия русской стороны заключались в присоединении к России части Карелии с Выборгом, Эстляндии с Ревелем и Лифляндии с Ригой, а также включение в мирный договор союзников: датского, прусского и польского королей. Русский посол призывал Понятовского не затягивать переговоры ссылками на отсутствие полномочий и указов и не упустить удобного времени для заключения мира⁸. Конкретного ответа Б.И. Куракину пришлось ждать несколько дней. «Понеже интересы Его Царского Величества того требуют, или с ними ныне что учинить, или другие свои меры взять»⁹.

27 июля 1717 г. Понятовский сообщил, что ещё один шведский дипломат Г.Г. фон Гёрц намеревается отправиться к Карлу XII уговаривать его послать представителей на конгресс в Финляндию для

заклучения мира с Россией. Была также передана просьба Г.Г. фон Гёрца о русском паспорте для проезда в Швецию, так как он опасался ареста со стороны англичан. Русская сторона пошла навстречу шведским представителям: 29 июля Б.И. Куракин сообщил, что Г.Г. фон Гёрцу дадут русский паспорт для беспрепятственного проезда в Швецию. Несмотря на активность Понятовского в переговорном процессе на данном этапе, дальнейшие консультации осуществлялись через других представителей Карла XII: Г.Г. фон Гёрца и Прейса. Объясняется это, видимо, тем, что Понятовский осенью 1717 г. был отправлен в Париж с важной миссией: добиться у французского двора выплаты субсидий, которые были столь необходимы Карлу XII.

Русско-шведские переговоры в Амстердаме развивались следующим образом. 2 августа начались переговоры уполномоченного Карла XII Прейса с русскими министрами¹⁰. 8 августа 1717 г. произошла совместная встреча Прейса и Понятовского с Б.И. Куракиным. Русский дипломат поставил шведских представителей в известность о согласии Петра I на съезд в Финляндии (о чём уже были договоренности с Понятовским). Он предложил для этого остров Аланд с тем, чтобы переговоры назначили в течение ближайших двух или трёх месяцев. Если же съезд в этот срок не состоится, то русский посол заявил, что царь «останется при всех обязательствах со своими альянтами и будет себе общей с ними пользы искать»¹¹. Б.И. Куракин высказался, что Пётр I предпочитает лучше заключить мир со Швецией, чем сохранить дружбу с Англией. Также царь желал включения в мир прусского и польского королей¹².

21 августа 1717 г. произошла встреча Б.И. Куракина и с Г.Г. фон Гёрцем в голландской провинции Гельдерн в замке Лоо, на которой вновь говорилось о созыве мирной конференции на острове Аланд¹³. Б.И. Куракин передал паспорт для барона Г.Г. фон Гёрца за подписью Петра I. Кроме этого, царь послал письма к губернаторам Риги и Ревеля с просьбой оказать всякое содействие голштинскому барону¹⁴.

В иностранной литературе фигурирует факт встречи Петра I с бароном Г.Г. фон Гёрцем, а не только визит одного Б.И. Куракина для передачи паспорта¹⁵. К примеру, историк К.Ж. Нордман указывает, что шведский дипломат обещал во время этой встречи убедить Карла XII закончить войну. Русский царь склонен был принять идею о сепаратном мире и желал продолжить переговоры уже открыто и на конгрессе¹⁶. Д. Чэнс указывал, что Г.Г. фон Гёрц как бы «случайно» встретил Петра I в Лоо, но беседовал только с Б.И. Куракиным¹⁷.

Сам Б.И. Куракин, который в своих заметках упоминал о всех закулисных делах русской дипломатии, писал только о своей встрече с Г.Г. фон Гёрцем в Лео¹⁸. Предполагаемая встреча Петра I с голштинским бароном осенью 1717 г. очень обеспокоила англичан и союзников России, так как они боялись сепаратного договора. Однако следует отметить, что Пётр I не имел даже намерения заключить с Карлом XII отдельного от своих союзников мирного договора. Источники не раз красноречиво свидетельствовали, что царь всегда оговаривал интересы своих союзников¹⁹.

Таким образом, следует отметить, что в секретных переговорах со шведской стороны помимо генерала Понятовского и Г.Г. фон Гёрца участвовала целая группа дипломатов: К. Ранк, Прейс и М. Веллинг²⁰. Подобная чехарда с участниками переговоров, а также неясность с их полномочиями не могли привести к положительному результату. Кроме этого, сами шведские представители вызывали сомнения у русской стороны. И, пожалуй, более всех деятельность Понятовского, который начал тайные переговоры с Петром I, но позже был направлен во Францию. За период активных контактов со шведами осенью 1717 г. лишь однажды мы встречаем в переписке русских дипломатов имя Понятовского в связи с переговорами о мире. Сведения эти относятся к началу сентября 1717 г., когда во время пребывания у ландграфа гессен-кассельского у русского монарха состоялась встреча ещё с одним резидентом Карла XII – генералом К. Ранком²¹. Генерал просил дать Б.И. Куракину указ вести переговоры со шведскими представителями в Гааге. Пётр I сообщил К. Ранку, что через Понятовского уже было условлено с Карлом XII об открытии конгресса в Финляндии²².

Что касается деятельности Понятовского в Париже, то он должен был разузнать намерения французского двора относительно северных дел²³ после заключения Амстердамского договора 4 (15) августа 1717 г. с Россией, который не мог не волновать Карла XII, так как он фактически лишился своего последнего союзника. Понятовский пытался выпросить у французского правительства и оставшуюся часть субсидий для Карла XII, но ему в этом было отказано²⁴, так как это было одним из условий заключения Амстердамского договора между Россией, Пруссией и Францией. Русские дипломаты пристально следили за деятельностью шведского представителя в Париже. После фактического провала своей миссии при французском дворе, Понятовский практически перестает фигурировать и в секретных переговорах русских дипломатов со шведской стороной. Главная роль в столь важном деле полностью переходит к голштин-

скому дипломату барону Г.Г. фон Гёрцу, который с 1714 г. становится главным советчиком Карла XII в дипломатических вопросах. Г.Г.фон Гёрц выдвинул смелую программу мира и даже союза с царём.

Однако осенью 1717 г. в разгар столь важных переговоров личность Понятовского вновь появляется в весьма странном сюжете. В переписке князя Б.И. Куракина автору статьи встретились данные об инциденте, который мог произойти, вероятно, при въезде Петра I в Амстердам 22 июля 1717 г. В письме к Б.И. Куракину генерал С. Понятовский сообщает, что у него имеются сведения из Амстердама, будто при дворе Петра I ему вменяют в вину «учиненные выстрелы на Его Царское Величество во [в]ремя последней потехи бою корабельного». «Ежели то так, — пишет далее Понятовский, — как мне объявляют, то прошу чре[з] вашу светлость Его Ц[а]рского Величества милость, великодушие и правосудие что[б] повелел всего экипажу, которой на том су[д]не был и с которого те выстрелы чинены, також де и ра[з]глашателя жестоко допросить, дабы моя невинность и репутация не пострадала...»²⁵. Имеется и ответ Петра I на письмо Понятовского от 25 октября 1717 г. Царь пишет Б.И. Куракину, что не только не думал обвинять генерала, но даже не знал, что он на той «потехе» в Амстердаме присутствовал²⁶.

Письмо Понятовского представляется довольно странным. Из историков, пожалуй, только Ю.Н. Беспятых обратил внимание на опубликованное в переписке высоких должностных лиц Британии упоминание об этом инциденте²⁷. Британский адмирал Д. Норрис сообщал первому лорду казначейства Сундерленду в письме от 9 (20) августа 1717 г. из Амстердама: «К вечеру потешного морского сражения одному человеку на царском корабле ранили лицо дробью, и одна дробинка попала в платье Его Величества. До сих пор неизвестно, как это случилось»²⁸.

При въезде Петра I в Амстердам действительно для него было представлено корабельное сражение между двумя эскадрами; вокруг было много судов со зрителями. Представление понравилось Петру I. Никаких указаний на случайные выстрелы во время праздника в официальном документе нет²⁹. Трудно что-либо утверждать, не располагая более подробными свидетельствами. Однако и пройти мимо столь любопытного источника, упоминающего загадочный инцидент, было бы ошибочным. Понятовский представляется довольно значительной фигурой в тайной дипломатии данного периода. Можно предположить, что кому-то было выгодно распустить подобные слухи против именно одного из участников русско-швед-

ских переговоров и таким образом попытаться расстроить мирный процесс. Тем более что желающих вмешаться в переговоры было предостаточно.

С другой стороны, теперь мы располагаем ещё одним свидетельством о возможной неудавшейся попытке покушения или на самого царя или на его окружение. Не желая проводить никаких аналогий и не имея достаточных оснований для этого, всё же хочется вспомнить довольно неожиданную и странную гибель Карла XII 30 ноября (ст. ст.) 1718 г. вблизи крепости Фридрихсгаль³⁰. Убит шведский король был в разгар мирных переговоров на Аландском конгрессе, который был тут же прерван новым шведским правительством. Внезапная смерть Карла XII, думается, затянула Великую Северную войну ещё на два года; инициатор русско-шведских переговоров Г.Г. фон Гёрц был казнён в Швеции как предатель. Только успех русского флота при Гренгаме 27 июля 1720 г. и высадка русских десантов на собственно шведском побережье способствовали подписанию мира в Ништадте (30 августа 1721 г.).

В завершении этого небольшого сюжета о тайной дипломатии конца Великой Северной войны и роли в ней С. Понятовского, хочется упомянуть, что после смерти Карла XII он весьма неожиданно перешёл на сторону союзника Петра I Августа II. Но это уже другая история.

¹ *Murrey J.J.* George I, the Baltic and the Whig Split of 1717. A study in diplomacy and propaganda. L., 1969.

² О «яковитской интриге» Петра I см.: *Стерликова А.А.* 1. Позовите Герца, старенького Герца... // Родина. 2007. № 11. С. 66–69; 2. «Яковитская интрига» Петра I в контексте проблемы начала прямых русско-шведских переговоров о мире (1716–1718 гг.) // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 83–85.

³ Турция накануне и после Полтавской битвы. М., 1977. С. 23.

⁴ *Chance J.F.* George I and the Northern war. P. 135; *Nordmann C.J.* La crise du Nord au debut du XVIII siècle. P., 1956. P. 112.

⁵ *Nordmann C.J.* La crise du Nord au debut du XVIII siècle. P. 112.

⁶ РГАДА. Ф. 50 (Сношения России с Голландией). Оп. 1, 1717 г. Д. 10. Л. 33.

⁷ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 130.

⁸ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 12. Л. 1–2.

⁹ Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 2. С. 130.

¹⁰ *Chance J.F.* George I and the Northern war. P. 236.

¹¹ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 12. Л. 1–3.

¹² *Chance J.F.* George I and the Northern war. P. 235, 236.

¹³ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 12. Л. 3 об.

¹⁴ Там же. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 2–10.

¹⁵ Handlingar rörande Skandinaviens historia. Stockholm, 1833. Vol. 18. S. 410; *Jägerskiöld S.* Sverige och Europa. Stockholm, 1937. S. 164–166; *Nordmann C.J.* La crise du Nord au debut du XVIII siècle. P. 113.

¹⁶ *Nordmann C.J.* La crise du Nord au debut du XVIII siècle. P. 113. Автор ссылается на зарубежные архивы и переписку Г.Г. фон Гёрца.

¹⁷ *Chance J.F.* George I and the Northern war. P. 236.

¹⁸ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 3. С. 91.

¹⁹ Там же. Кн. 2. С. 127.

²⁰ Handlingar rörande Skandinaviens historia. Vol. 18. S. 416.

²¹ *Chance J.F.* George I and the Northern war. P. 239.

²² Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 2. С. 127–128.

²³ *Chance J.F.* George I and the Northern war. P. 237.

²⁴ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 38 об.

²⁵ Там же. Л. 53.

²⁶ Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 3. С. 33.

²⁷ *Беспярых Ю.Н.* Петербург, море и Пётр // Феномен Петербурга. СПб., 2006. С. 336.

²⁸ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 61. С. 419.

²⁹ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // РВ. 1841. Т. 2. № 5. С. 143.

³⁰ Существует версия, что Карл XII погиб от пули предателя Сикье из своей свиты. — См.: *Анисимов Е.В.* Пётр Великий. Личность и реформы. СПб., 2009. С. 373.

ОПИСИ 1732 ГОДА ВАСИЛЕОСТРОВСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ А.Д. МЕНШИКОВА В ПЕТЕРБУРГЕ*

В настоящей статье речь пойдёт о трёх хозяйственных описаниях резиденции А.Д. Меншикова в Петербурге на Васильевском острове, составленных через пять лет, после того как «полудержавный властелин» с семьёй не по своей воле навсегда покинул город на Неве. Предваряя историю создания этих документов, вкратце напомним, что представляло собой это имение, почему семье светлейшего князя пришлось его покинуть, как сложилась их дальнейшая судьба, и что в последующем произошло с имением.

Александр Данилович обустроивался на Васильевском острове с 1704 г., возводя там деревянный дворец. Именно в нём 31 октября 1710 г. праздновалась свадьба царевны и племянницы царя Анны Иоанновны, будущей императрицы, с герцогом курляндским¹. Согласно описанию Петербурга 1710–1711 гг., это был «приятный дом в итальянском стиле в два этажа с крыльями, построенный с немалыми расходами...»².

Однако жемчужиной василеостровской резиденции, безусловно, стал дошедший до наших дней каменный дворец, строительство которого светлейший князь поручил итальянскому архитектору Ф. Фонтана³ (до этого трудившемуся в Москве в меншиковском дворце на реке Яузе — бывшем лефортовском). За год (август 1710 — сентябрь 1711 г.)⁴ было построено прямоугольное здание «в четыре апартамента» (три жилых этажа и один цокольный) с двумя боковыми ризалитами, до сих пор являющееся центральной частью дворца.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Хозяйственные описи резиденции А.Д. Меншикова в Петербурге (1731–1735 гг.)» — проект № 09-01-00062а.

В 1712 г. к северному фасаду пристроили три четырёхэтажных почти квадратных в плане ризалита: центральный и два боковых. В 1713 г. Ф. Фонтана уволился и вернулся на родину. Тогда же на службу к А.Д. Меншикову поступил прусский архитектор И.Г. Шедель⁵, продолживший работу во дворце. За первые два года он достроил боковые ризалиты четырёхэтажными корпусами на север. В 1715–1716 гг. дворцовый комплекс был продлён на север тремя двухэтажными корпусами, замкнувшими всю постройку по периметру и оставив в центре внутренний двор. С того же времени велась переделка внутренних интерьеров главного здания, построенного Ф. Фонтаной. Замкнув главную часть дворцового комплекса на севере, А.Д. Меншиков продолжил свою резиденцию на запад вдоль Большой Невы. И на углу прорытого в 1716 г. канала (нынешняя Кадетская линия) было построено трёхэтажное (считая с цокольным этажом) здание с двухмаршевым крыльцом, которое предварило вход в здание с южного фасада. По своему расположению эта часть дворца была названа «наугольными палатами». С основным дворцом «палаты» соединялись протяжённым трёхэтажным корпусом, построенным вдоль Большой Невы⁶.

Неизвестный немецкий автор, посетивший Петербург в 1716–1717 гг. оставил первое описание Меншиковского дворца: «Построен он из кирпича, в 3 высоких этажа, в итальянском стиле и покрыт железными листами, которые окрашены в розовый цвет. Спереди и сзади расположены флигеля, внизу имеется подвал со сводами, в котором есть всё, что нужно для хорошего дома. Особенно много внутри дома покоев и все богато обставлены, и прежде всего серебряной посудой и другими ценностями, которые у этого господина имеются в изобилии. В среднем этаже большой зал, в котором обычно проводятся большие празднества...»⁷

Меншиковскую резиденцию украшала также деревянная церковь Воскресения Христова, построенная И.Г. Шеделем в 1713 г.⁸ В описании Петербурга 1716–1717 гг. сказано: «Церковь сделана достаточно тщательно, с галереей вокруг, за исключением места у входа. Внутри имеется несколько вырезанных из дерева скульптур и род алтаря, хотя всё это не очень принято у русских»⁹.

Далее по берегу Большой Невы располагался, построенный в 1710–1714 гг.¹⁰ каменный дом управляющего Ф.А. Соловьёва. В 1727 г. (уже после смерти хозяина, скончавшегося 26 марта 1720 г.¹¹) дом перестраивали для императора Петра II. Ганноверский резидент Ф.-Х. Вебер называет этот дом, наряду с дворцами А.Д. Меншикова и Ф.М. Апраксина, «наилучшим в Петербурге»¹².

Помимо перечисленных зданий, здесь находились многочисленные хозяйственные постройки (конюшни, сараи, амбары, ледники, скотный двор и т. д.), а также избы служителей, сад и огород¹³.

К имению светлейшего князя примыкал и фактически в неё входил расположенный на берегу канала (на нынешней Кадетской линии) «двор» свояченицы светлейшего князя В.М. Арсеньевой, состоящий из каменного здания в три апартамента, деревянного строения, конюшен и сарая¹⁴.

* * *

На Васильевском острове Меншиков и его семья благополучно жили вплоть до 8 сентября 1727 г., когда в результате борьбы за власть вокруг юного императора Петра II решением Верховного тайного совета Александр Данилович был арестован и приговорён к ссылке. Светлейший князь и его семья (супруга Дарья Михайловна, дети Мария, Александра и Александр и свояченица В.М. Арсеньева) спустя два дня, 10 сентября, покинули свой дворец и Петербург¹⁵.

Из всей семьи ссылкой пережили только двое детей: Александра и Александр. Первой по дороге в сибирский город Берёзов скончалась светлейшая княгиня в мае 1728 г. у села Верхний Услон под Казанью. В.М. Арсеньева была отправлена отдельно от Меншиковых в Воскресенский Горицкий монастырь, откуда уже не вернулась. Александр Данилович с тремя детьми в июне 1728 г. прибыл в Берёзов, где скончался 12 ноября 1729 г. 26 декабря того же года умерла старшая дочь Мария¹⁶.

Почти сразу же по восшествии на престол императрица Анна Иоанновна вернула из ссылки оставшихся в живых Александра и Александру Меншиковых. Вместе со своим дядей В.М. Арсеньевым они прибыли в Москву 11 марта 1731 г.¹⁷. Однако детям А.Д. Меншикова не были возвращены ни дворец в Петербурге, ни другие дворцы и поместья, принадлежавшие когда-то их семье. Им отдали только, согласно сведениям Ле Форты: гардероб отца, 50 тысяч рублей и драгоценности. Кроме того, в конце того же года Александру, ставшему к тому времени поручиком лейб-гвардии Преображенского полка, именованным указом был пожалован дом «в Москве в Белом городе на Знаменке» оставшийся после смерти родной сестры императрицы царевны Прасковьи Иоанновны. Александре перед свадьбой, состоявшейся в мае 1732 г. с генерал-аншефом Густавом Бироном (младшим братом фаворита императрицы обер-камергера Э.И. Бирона), Анна Иоанновна пожаловала, вероятно, в качестве приданого, поместья в Польше, принадлежавшие когда-то А.Д. Мен-

шикову, на которые безуспешно претендовал польский посол и дальний родственник императрицы граф А.А. Потоцкий¹⁸.

Итак, дальнейшая судьба резиденции на Васильевском острове в Петербурге не была уже связана с Меншиковыми. Опустевший каменный дворец был передан в ведение Канцелярии от строений и на несколько лет разделил участь других петербургских построек, пришедших в запустение после переезда двора императора Петра II в Москву (январь 1728 г.). Анна Иоанновна, вступившая на престол в феврале 1730 г., продолжила управление государством из Москвы и переехала в Петербург спустя два года — в январе 1732 г.¹⁹

Пустующий каменный дворец на Васильевском острове императрица изначально предназначила под Провиантскую контору и Коммерц-коллегию²⁰. Однако вскоре она передумала и именным указом от 29 июля 1731 г. пожаловала дворец и резиденцию вновь учреждённому Шляхетному кадетскому корпусу²¹. С размещением здесь этого учебного заведения и связаны хозяйственные описания бывшего меншиковского имения, составленные в 1732 г.

Более ранние описи до сих пор не выявлены. Скорее всего, при Меншикове они не делались, поскольку в этом не было необходимости. Надобность в подобном учёте появилась только в связи со ссылкой светлейшего князя. После его высылки в большом количестве осталось движимое и недвижимое имущество, которое нужно было срочно описать. Указ об этом последовал 7 ноября 1727 г.²², и в 1727—1728 гг. архитектором И.Г. Шеделем совместно с поручиком А. Кошеницевым была сделана «Опись дому князя Меншикова полатом, где он жил, со всеми строениями», о чём свидетельствует упоминание в делах Канцелярии конфискации²³. Сама же опись не выявлена по сей день.

Итак, описи 1732 г. являются единственными источниками, дающими представление о том, как выглядела василеостровская резиденция ближайшего сподвижника Петра Великого А.Д. Меншикова.

* * *

На сегодняшний день введена в научный оборот только одна опись, датирующаяся 24 марта 1732 г., составленная М. Шванвицем (Шваншицем) и поданная в виде рапорта барону Л. фон Люберасу. Этот документ был опубликован в восьмом выпуске «Шукинского сборника Императорского Российского исторического музея» (ныне ГИМ) в 1909 г.²⁴

Коллекция П.И. Шукина, переданная в Исторический музей в 1905 г., ныне хранится в Отделе письменных источников. Документы,

относящиеся к А.Д. Меншикову, из коллекции П.И. Щукина были выделены в отдельный фонд (№ 314), насчитывающий 30 единиц хранения (за 1709–1727 гг.). Отсутствуют сведения, каким образом эти документы поступили к П.И. Щукину. Судя по разрозненному характеру представленных в фонде документов, по всей видимости, они покупались без определённой системы и в различных местах, возможно у потомков А.Д. Меншикова. Следовательно, попадание в коллекцию П.И. Щукина, а затем и в ОПИ ГИМ этих документов довольно случайно.

Меншиковские документы тогда же стали публиковаться в «Щукинском сборнике». Так, в четвёртом выпуске (1905) под заголовком «Из бумаг кн. Александра Даниловича Меншикова» опубликованы «Книга описная» его Семёновского слободского дома в Москве за 1709 г. и описи дома на Адмиралтейской стороне в Петербурге за 1720–1724 гг., купленного А.Д. Меншиковым у Г.П. Чернышева²⁵.

В результате произведённых нами поисков опубликованной в «Щукинском сборнике» описи дворца Меншикова на Васильевском острове, установлено её отсутствие как в фонде А.Д. Меншикова (ф. 314) (в обработанной и в необработанной части фонда²⁶), так и в других, относящихся к Петровскому времени фондах и коллекциях ОПИ ГИМ. Сравнение же описей домов А.Д. Меншикова, опубликованных в четвёртом выпуске «Щукинского сборника», с хранящимися в фонде подлинниками показало, что документы были изданы полностью, фактически без ошибок и опечаток. Это позволяет с большой долей вероятности говорить о том, что и опубликованная в восьмом выпуске опись соответствует донныне не выявленному (утраченному?) оригиналу. Следовательно, ею можно пользоваться как надёжным источником. Нужно только оговориться, что публикаторы описи дома на Адмиралтейской стороне не указали, что изданный документ – это копия 1723 г. с оригинала 1720 г.²⁷ Следовательно, опубликованная в восьмом выпуске опись, датирующаяся 24 марта 1732 г., могла быть как подлинником, так и более поздней копией.

Два публикуемых ниже описания «двора» А.Д. Меншикова логически связаны с напечатанной в «Щукинском сборнике» описью. Эти документы отложились в фонде Первого кадетского корпуса Российского государственного военно-исторического архива в единице хранения, озаглавленной «О доме князя Меншикова и мызы Восковицкой. 1731–1743 гг.» (Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 1630)²⁸.

Все три описи имеют общую историю создания, связанную с передачей «двора бывшего князя Меншикова, которой на Васильевском острове», под «Академию кадетского корпуса».

Ордер (согласно императорскому указу) генерал-фельцейхмейстера графа Б.Х. фон Миниха, назначенного главным директором Кадетского корпуса, генерал-лейтенанту и генерал-инспектору Гохмуту о принятии петербургским обер-комендантом генерал-майором В.И. Порошиным этого «двора с описью» и выставлении там гарнизонного караула последовал 23 ноября 1731 г. «Промеморию» об этом в Канцелярию от строений Гохмут отправил в декабре 1731 г. В свою очередь из Канцелярии последовало распоряжение В.И. Порошина передать «показанной Меншикова дом с каменным и деревянным всяким строением, что к тому дому принадлежит» архитектору И. Бланку и управляющему Н.И. Струнину (бывшему приказчику А.Д. Меншикова). Директор Кадетского корпуса генерал-майор барон Л. фон Люберас 10 февраля 1732 г. отправил в Канцелярию от строений «промеморию» с просьбой предоставить ему реестр «двора» Меншикова, который и был составлен «по справке» Канцелярией от строений. Промемория из Канцелярии от строений Л. фон Люберасу от 22 февраля 1732 г. была подписана секретарем Иваном Румянцовым и канцеляристом Иваном Игнатьевым; реестр от 24 февраля того же года — Петром Борисовым и Иваном Баженовым²⁹.

Л. фон Люберас обратился в Канцелярию от строений 10 февраля 1732 г. неслучайно. Дело в том, что первые 30 кадет появились в бывшем дворце Меншикова уже 17 февраля того же года³⁰. Однако и спустя месяц всё ещё не было ясности, какие помещения в бывшей меншиковской резиденции отданы под Кадетский корпус, а какие заняты другими конторами. Поэтому Л. фон Люберас 16 марта распоряжается назначенному гофмейстером Корпуса М. Шванвицу составить рапорт, «сколько под Кадетской корпус отдано каких покоев, и в которых апартаментах, таже и сколько во оном доме, и которые к тому дому принадлежат, каменных и деревянного строения, и что в нижних, в средних и в верхних апартаментах имеется покоев и сколько занятых, с чем и под каким ведением, и за чьими печатми». И 22 марта М. Шванвиц в своём донесении сообщает, что он «все покои, анбары, кухни и сараи осмотрел, и о всем сем при сем обстоятельный рапорт прилагает»³¹.

По всей видимости, опись от 24 марта 1732 г., озаглавленная «Его Превосходительству от фортификации генералу-маэору господину барону фон Люберасу покорнейший репорт о покоях, сараях, конюшнях, кухнях и погребах, которые и сколько оных на Преображенском* острове в доме бывшего князя Меншикова имеется, и

---

* Так в то время назывался Васильевский остров.

сколко занято и за чьими печатми», опубликованная в «Шукинском сборнике»³², и есть этот «обстоятельный рапорт» М. Шванвица.

Итак, реестр Канцелярии от строений и рапорт гофмейстера Кадетского корпуса М. Шванвица составлены с разницей в месяц — соответственно, 24 февраля и 24 марта 1732 г. Реестр представляет собой более краткий, по сравнению с рапортом, характер описания, и составлен по постройкам. Он включает каменный дворец, Наугольные палаты, дровяной двор, деревянный дворец и «двор» В.М. Арсеньевой. В описании домов кратко перечислено по «апартаментам», то есть этажам, количество и характер помещений. Во второй графе реестра указано, кем или подо что заняты на тот момент помещения.

Документ даёт представление о том, сколько «палат», то есть комнат, было в каменных домах и сколько покоев и светлиц в деревянных. Из него же узнаем, к примеру, что в первом цокольном этаже каменного дворца находились фряжские, пивные, овощные и винные погреба, рядом сарай под кареты и конюшня; на втором этаже — три кухонных помещения, одна хлебная и одна скатертная, на третьем этаже отдельная кухня, «что чай варят», и «мыльня» и т. д. Реестр показывает, что, несмотря на передачу имения под Кадетский корпус, здесь всё ещё размещались драгуны, а в конюшнях стояли их лошади; жили караульные офицеры и солдаты, охраняющие вещи, оставленные Комиссией «с пожитками бывшего Меншикова», также сложен провиант Провиантской канцелярии, располагалась Коммерц-коллегия, а светлицы «на берегу Большой Невы реки у перевозу» Канцелярия от строений сдавала «в найм для питейной продажи»³³.

Ко времени составления хозяйственных описаний 1732 г. из меншиковского имения исчезла одна постройка — здание церкви Воскресения Христова. Она была разобрана под руководством И. Бланка ещё осенью 1730 г. из-за того, что пришла в негодность (так заключили архитектор М.Г. Земцов и инженер Г. фан Болес)³⁴. Внутреннее убранство церкви (престол, иконостас и утварь) было перенесено и размещено, как видно из реестра, в трёх комнатах на третьем этаже Наугольных палат³⁵.

«Двор» В.М. Арсеньевой, как следует из реестра Канцелярии от строений, состоял из небольшого каменного здания в три этажа (по 7 или 8 комнат на этаже), двух деревянных светлиц, конюшни и сарая, и, согласно объявленному 2 июля 1731 г. указу Правительствующего сената (по предложению Б.Х. фон Миниха) поступил в ведомство Медицинской конторы под аптеку³⁶.

При сравнении этого реестра с рапортом, опубликованным в «Шукинском сборнике», видно, что последний имеет более подробный характер изложения и составлен по «апартаментам». Вначале перечисляется всё, что находится во всех домах на первом этаже и все одноэтажные постройки в имении, потом второй этаж и т. д. В рапорте так же, как и в реестре, указано, кем или подо что заняты (или были заняты) помещения. В отличие от реестра М. Шванвиц приводит название комнат каменного дворца: Большой зал, Конторка, Плитковая палата, Ореховая, княжеская спальня, Прихожая перед спальней, Передняя, Кабинет из прихожей, Варварин покой, Варварина спальня и т. д.³⁷ Видимо, ему их подсказали люди, ещё служившие здесь при А.Д. Меншикове (например, управляющий Н.И. Струнин).

Правильность этих названий подтверждается тем, что они совпадают с названиями комнат, упоминаемыми в современных Меншикову источниках. Например, в его «Повседневных записках» от 29 июля 1727 г.: «...его светлость, побыв в Плитковой, изволил иттить в Ореховую. В 1-м часу пополудни, в начале, в Передспальне сел кушать...». Или от 6 августа того же года: «...Тогда ж его светлость изволил иттить в Передспальню Варвары Михаийловны и тамо сесть кушать...»³⁸.

Поскольку «двор» В.М. Арсеньевой, отданный Медицинской конторе, не был возвращён Кадетскому корпусу, то М. Шванвицу не было надобности его подробно описывать (как это сделано в реестре Канцелярии от строений). Здесь упоминается лишь, что «Варвары Арсеновой палаты отданы на аптеку»³⁹.

Рассматриваемые документы составлены с разницей в месяц и как раз за этот месяц имение начал обживать Кадетский корпус, а точнее въезжать в свободные помещения, поскольку занятые ранее различными ведомствами к тому времени ещё не были освобождены. Так, несмотря на то, что «большой сарай над конюшнею» и два сарая «поменьше» до сих пор были заняты сеном и соломой для кирасирских лошадей, всё ещё стоявших в конюшнях, Кадетскому корпусу удалось поместить свой овёс в большом «перегороженном над погребами» сарае, а в двух амбарах поместить другие припасы. Кроме того, одна большая поварня была уже отдана под варку «кушанья» для кадетов. Здесь же М. Шванвиц отмечает «свои» помещения: в четырёх покоях на втором этаже каменного дворца разместился он сам, одну поварню приспособил для приготовления «кушания» своим «домашним», и при той поварне в палате «вместо черной избы» расположились его «люди»⁴⁰.

Поскольку (как видно из рапорта) находившиеся здесь ведомства, не спешили отдавать занятые помещения, то М. Шванвиц составил ещё и «Ведение, сколько покоев, сараев и погребов на Меншиновом дворе занято и за чьими печатями», подписанное им тем же 24 марта 1732 г.⁴¹ Оно более краткое, чем рассматриваемые выше описи, и составлено не по помещениям или апартаментам, а по фамилиям или учреждениям: за кем какие помещения числятся. Это «Ведение» даёт скудное представление об имении: здесь можно лишь подсчитать общее количество «палат», сараев, погребов, светлиц, покоев и т. д., но оно показывает, сколько различных ведомств размещалось в то время в имении, начиная от работавшего ещё при А.Д. Меншикове садовника Яна Эйха, занимавшего 6 погребов, до артиллерийского ведомства и кирасир⁴². В рапорте и «Ведении» М. Шванвица перечислены отсутствующие в реестре Канцелярии от строений чухонская деревня и «близ» неё скотный двор. Гофмейстеру к тому времени не удалось выяснить, кому они принадлежат, что он отмечает в «Ведении»: «...надлежит подлинно справитца»⁴³.

Итак, хозяйственные описи резиденции А.Д. Меншикова 1732 г. ценны тем, что являются на сегодняшний день единственными источниками, показывающими, как выглядело это владение светлейшего князя, в том числе дошедший до наших дней каменный дворец, являющийся одной из первых сохранившихся донине построек Петербурга. Все три описания — опубликованное в 1909 г. в «Шукинском сборнике» и два публикуемые ниже — связаны единой историей создания, дополняют друг друга и отражают (в разной степени) переходный этап начала размещения в бывшем меншиковском имении Первого кадетского корпуса.

---

¹ РГИА. Ф. 467 (Контора от строений Е. И. В. домов и садов). Оп. 2. Кн. 35а. Л. 36 об. См. подробнее о деревянном дворце: *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 47–50; *Андреева Е.А.* Петербургские дома А.Д. Меншикова // Меншиковские чтения — 2003: Материалы чтений к 330-летию А.Д. Меншикова, проходивших 6 ноября 2003 г. в школе искусств пос. Берёзово Ханты-Мансийского автономного округа (Югра): Сб. науч. ст. / Отв. ред. И.В. Саверкина. СПб., 2004. С. 36, 37.

² Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях... // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 54.

³ См. подробнее о Ф. Фонтана: *Малиновский К.В.* Архитектор А.Д. Меншикова Франческо Фонтана // Петровское время в лицах—2003: Краткое содержание докладов научной конференции, посвящённой 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 75–80.

⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 35а. Л. 36 об.; Походный журнал 1711 г. СПб., 1854. С. 117.

⁵ См. подробнее об И.Г. Шеделе: *Грабарь И.Э.* Готфрид Шедель // *Грабарь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994. [Переиздание: М., 1912] С. 70–77; *Горбенко Е.В.* Творчество архитектора И.Г. Шеделя. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Л., 1975; *Андреева Е.А.* И.Г. Шедель – трагическая судьба иностранца в России // ТГЭ. Т. 38: Петровское время в лицах–2007: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 14–19.

⁶ *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 54, 55, 61–67, 70–72.

⁷ Описание... столичного города С.-Петербурга... / Пер. с нем. Е.Э. Либталь, предисл., науч. ред. и коммент. С.П. Луппова // *Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания.* Л., 1975. С. 224.

⁸ *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 63. Подробнее о церкви см.: *Трубинов Ю.В.* Первый домовый храм Петербурга (Церковь Воскресения Христова в усадьбе А.Д. Меншикова) // ПКНО. 1998 / Сост. Т.Б. Князевская. М., 1999. С. 504–527.

⁹ Описание... столичного города С.-Петербурга... С. 224.

¹⁰ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: Справочник. СПб., 2000. № 331. С. 78.

¹¹ РГАДА. Ф. 198 (Походная и домовая канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 406. Л. 1 об.

¹² *Вебер Ф.Х.* Из книги Ф.-Х. Вебера «Преображенная Россия» (ч. 1): Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 116.

¹³ *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2006. Ч. 2: Строитель России. С. 316.

¹⁴ РГВИА. Ф. 314 (Первый кадетский корпус). Оп.1. Д. 1630. Л. 40.

¹⁵ См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* От дворца А.Д. Меншикова к Первому кадетскому корпусу // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 37: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 20.

¹⁶ Мардефельд королю. 25 декабря (5 января) 1730 г. // Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. № 117. С. 399; К. Рондо Дж. Тильсону. 29 декабря (9 января) 1730 г. // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 66. № 40. С. 118; *Есинов Г.В.* Ссылка князя Меншикова. 1727. // ОЗ. 1861. № 3. С. 87; *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков... Ч. 2. С. 431–432, 435, 447.

¹⁷ Ле Форт королю. Москва, 15 (26) марта 1731 г. // Сб. РИО. Т. 5. № 304. С. 425; К. Рондо лорду Гаррингтону. 15 (26) марта 1731 г. // Там же. Т. 66. № 110. С. 303. Согласно «Запискам» князя П.В. Долгорукова, разрешения на возвращение Александра и Александры Меншиковых добился у Э.И. Бирона муж одной из дальних родственниц Д.М. Меншиковой полковник князь А. Шаховской. По мнению Р.В. Овчинникова, детей Меншикова распорядился вернуть из ссылки незадолго до своей смерти «терзаемый угрызениями совести» Пётр II (Записки князя Петра Долгорукова / Пер. с фр. А.Ю. Серебрянниковой. Вступ. ст., примеч. и указатель С.Н. Искуля. СПб., 2007. С. 344, 345; *Овчинников Р.В.* Крушение «полудержавного властелина» (Документы следственного дела князя А.Д. Меншикова) // ВИ. М., 1970. № 9. С. 93).

¹⁸ К. Рондо лорду Гаррингтону. 5 (16) июля 1731 г. // Сб. РИО. Т. 66. № 129. С. 337; Ле Форт королю. Москва, 22 марта (2 апреля) 1731 г. // Там же. Т. 5. № 305. С. 426; Ле Форт королю. 9 (20) мая 1732 г. // Там же. № 351. С. 456; Именной указ

от 15 декабря 1731 г. // Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Под ред. А.Н. Филиппова. Т. 1 (1731—1732 гг.) // Сб. РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 83.

¹⁹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 7. № 5509. Манифест о вступлении на престол Анны Иоанновны. 28 февраля 1730 г. С. 253. Согласно донесению К. Рондо, Анна Иоанновна прибыла в Петербург 16 января «поутру» (К. Рондо лорду Гаррингтону. 22 января (2 февраля) 1732 г. // Сб. РИО. Т. 66. № 165. С. 408).

²⁰ РГВИА. Ф. 314. Оп.1. Д. 1630. Л. 40, 40 об.; Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова в С.-Петербурге, 1732 года // Шукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 141.

²¹ ПСЗ. Т. 7. № 5509. С. 253; № 5881. С. 557; № 5969. С. 635.

²² РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 534. Д. 103. Л. 77, 77 об.

²³ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 5. Кн. 234 (Дела по Канцелярии конфискации. 1730—1736 гг.). № 13. Л. 444 об.

²⁴ Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова... С. 137—141.

²⁵ Из бумаг кн. Александра Даниловича Меншикова // Шукинский сборник. Вып. 4. М., 1905. С. 366—419, 500—511.

²⁶ Благодарю заведующую читальным залом ОПИ ГИМ Н.Б. Быстрову и всех сотрудников ОПИ ГИМ, помогавших мне в поисках.

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 314 (А.Д. Меншиков). Ед. хр. 12. Л. 6; ср.: Шукинский сборник. Вып. 4. С. 500.

²⁸ См. краткое описание документа: *Андреева Е.А.* От дворца А.Д. Меншикова к Первому кадетскому корпусу. С. 25, 26. Несмотря на то, что согласно листу использования, эти документы были известны исследователям, они до сих пор не введены в научный оборот. Так, эту единицу хранения смотрели специалисты, работавшие в своё время во дворце: Е.М. Баженова, Ю.В. Трубинов, В.Г. Данченко. Только Ю.В. Трубинов ссылается на этот документ и, цитируя из него две строчки, отмечает, что это «опись», не раскрывая её характера, времени и автора (см.: *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 78, 100).

²⁹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1630. Л. 38—40 об.

³⁰ *Лузанов П.Ф.* Сухопутный Шляхетный кадетский корпус (ныне I-й кадетский корпус): Исторический очерк. Вып. 1: период графа Миниха (с 1732 по 1741). СПб., 1907. С. 30.

³¹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1630. Л. 42.

³² Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова... С. 137.

³³ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1630. Л. 39—40.

³⁴ *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 110.

³⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1630. Л. 39 об. Ю.В. Трубинов, не раскрывая источников, полагает, что церковь была перенесена в дом В.М. Арсеньевой (*Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 110, 111).

³⁶ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1630. Л. 40.

³⁷ Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова... С. 139.

³⁸ Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716—1720, 1726—1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2004. С. 571, 574.

³⁹ Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова... С. 141.

⁴⁰ Там же. С. 138.

⁴¹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1630. Л. 44, 44 об., 46.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 46; Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова... С. 141.

Приложение

1. Реестр Канцелярии от строений от 24 февраля 1732 г.

Л. 39

Реэстр		
На Преображенском острову ¹ в бывшем Меншикова доме имеетца покоев		Ис того числа кем и с чем занято:
А имянно:		
В каменном где он, Менши- ков, жил в 1-м апортаменте ² полат 15		По приказу его сиятельства господина генера- ла фелтцейхмейстера и ковалера графа фон Минихена драгунами 2 полаты
Сеней 3		
Погребов:		
Фряжских 4		
Пивных 2		
Овошных 2		
Винной, в нем полат 10	1	
Сени 1		
Сарай, где кореты стоят 1		
Конюшня 1		По приказу его ж сиятельства драгунскими ло- шадьми
Во 2-м апортаменте:		
Полат 28		От Камисии с пожитками бывшаго Меншико- ва за печатми капитана Федора Сурмина 4, прапорщика Василья Корсакова 2, от Коми- сии ж живут караулные афицеры и салдаты в одной полате
Сеней 6		
Кухней 3		
Хлебная 1		

Скатертная	1	
В 3-м апортаменте:		
Сал	1	
Перед салом галарей на столбах		
Полат	56	От комиссии с пожитками Меншикова за печатми капитана Сурмина 2 порутчика Петра Поспелова 1 полата

// Л. 39 об.

Сеней	13	
Кухня, что чай варят	1	
Мылня	1	
В 4-м апортаменте:		
Полат	32	От оной же комиссии за печатми капитанов Федора Колударова 4, Федора Сурмина 1, порутчика Петра Поспелова 2 полаты
Сеней	4	
От реки и по каналу полат:		
В 1-м апортаменте	4	Апреля 23-го дня 730-го году по промемориям из Главной правианской канцелярии и той канцелярии ис канторы отдано для поклажи правианта 1 полата
Сеней	2	
Хлебных	3	
Погребов	2	
Конюшен	2	Ис Правианской канторы с правиантом конюшня 1, сараев 5
Сараев	5	
Пивоварня	1	
Во 2-м апортаменте:		
Полат	24	Из оной же Канторы с правиантом 5, да августа

		22-го дня 730-го году по промемориям ис Комерц-колегии в которых объявлен ис Правительствующаго Сената указ отдано под тое коллегию из Наугольных от каналу 6 полат
Сеней	3	
Кухня	1	
В 3-м апортаменте:		
Полат	20	Ис Правианской канторы с правиантом 6, от Комисии с пожитками Меншикова за печатми порутчиков Якова Андреева 2, Петра Поспелова 1, прапорщика Василья Корсакова 1, церковь Воскресения Христова в 3-х полатах

// Л. 40

Кухня	1	
Сеней	2	
На дровяном дворе деревянного строения:		
Кузница	1	
Светлица	1	
Сарай	1	
Баня	1	
Каменная кухня з двумя полатами зделанная вновь в черне		
В деревянном доме в нижнем апортаменте:		
Покоев	13	
Чуланов	2	
Сени	1	
В верхнем апортаменте:		
Салов	2	

Покоев	21	
Галаря	1	
Сеней	3	
На берегу Большой Невы реки у перевозу:		
Светлиц	2	Оные светлицы ис Канцелярии от строеней для питейной продажи отданы из найму
Сени	1	
От полат за каналом:		
Светлиц	2	
Сеней	2	
При вышеписанном же каменном дворе двор Варвары Арсеньевой ³ :		
В 1-м апортаменте полат 7, сени 1		Оные все полаты по предложениям его сия- тельства генерала фельдцейхмейстера и кова- лера господина графа фон Минихена, в кото- рых объявлен ис Правительствующаго Сената указ июля 2-го дня 731-го году отданы в Ме- дицинскую кантору для содержания аптеки. ^{а-} И с хоромным строением ^а .
Во 2-м апортаменте полат 8, сени 1		
В 3-м апортаменте полат 7, сени 1		
Деревянного строения:		
Светлиц 2, конюшня 1, сарай 1		

// Л. 40 об.

На Преображенском острове сад со всяким строением и аранжарьями, в нем и при нем и с уборами по имянному ея императорского величества указу отданы в ведомство интенданта господина Кормедона. Сентября 4-го дня 731-го году.⁶

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 1630. Л. 39–40 об.

^{а-а} Вписано другим почерком.

⁶ *Закрепы по л. 39–40 об.:* Петр Борисов, Иван Баженов.

Л. 44

Ведение

Сколко покоев, сараев и погребов на Меншиновом дворе занято, и за чьими печатми.

А именно:

За печатью маэора Колударова	в 1-м апартаменте	1 палата 9 погребов 1 сарай
	в 3-м	1 палата
За печатью Струнина	в 1-м	1 пивоварня 2 погреба
	в 3-м	2 палаты
За печатью артиллерии	в 1-м	1 кузница 1 сарай
Караулные салдаты от провиантских анбаров команды капитана Сурмина заняли	в 1-м	1 светлицу с каморкою
Гварнизонные ж караулные от пожитков меншиковых 32 человека с 1 капралом, да 1 офицером караулным заняли ж	в 2-м	1 палату
За печатью Дворцовой канцелярии канцеляриста Филипа Себелева	в 2-м	3 казенные 2 кладовые 4 палаты жилые
	в 3-м	1 сал 1 покой 1 казенная
	в 4-м	9 покоев

// Л. 44 об.

За печатью дворца бывшей комиссии да князя Меншикова	в 2-м апартаменте	2 палаты
За печатью Камор-коллегии сержанта Курбатова	в 2-м	1 палата

От первых ворот	в 1-м	
да	в 2-м	
В 3 линии к каналу, до Варвариных палат ⁴ все анбары заняты, за провиантскою печатью		
А именно:		
нум. 8 да 9	5 сараев	об 2 жильях
нум. 7	2 сарая	об 1 жилье
нум. 6	3 сарая	об 1 жилье
нум. 5	3 сарая	о 2 жильях
нум. 4	3 сарая	о 2 жильях

В третьем апартаменте в 3 линии:

1 покои	за печатью Дворцовой канцелярии	
Кирассирские заняли	в 1-м апартам.	1 большую конюшню о 24 стойлах
	в 2-м	2 палаты 3 сарая над конюшнею 1 покой без печи

// Л. 46

За печатью Городовой канцелярии ⁵ ученика Данилы Матвеева	в 1-м апартам.	2 покоя
	в 2-м	1 покой 1 сени загороженные
От Городовой канцелярии отданы из найму на Питейный двор у перевозу		2 светлицы
За каналом стоят полковника Трезина каменщики		в 2 светлицах
Садовник Эг занял		6 погребов
Варвары Арсеньевой двор отдан на аптеку		

Сад в ведомство Садовой канцелярии		
Двор деревянной на время к сочинению фейерверка		
Скотный двор	о том еще справится надлежит	
Чухонская деревня	о той надлежит подлинно справитца	

Мартын Шванвиц

Марта 24 дня
1732 года

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 1630. Л. 44–44 об., 46.

Комментарии

¹ Так в то время назывался Васильевский остров.

² Первый апартамент — нынешний цокольный этаж дворца Меншикова.

³ Варвара Арсеньева — В.М. Арсеньева, свояченица А.Д. Меншикова.

⁴ Дом В.М. Арсеньевой.

⁵ Городовая канцелярия, или Канцелярия городовых дел, в 1723 г. переименована в Канцелярию от строений (*Малиновский К.В.* 1. Канцелярия от строений // Ленинградская панорама. 1985. № 8. С. 34; 2. Первая государственная архитектурно-строительная организация России // Советское искусствознание. 1990. Вып. 26. С. 285).

**СВАДЕБНАЯ ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ
А.Д. МЕНШИКОВУ 1706 ГОДА – НЕИЗВЕСТНЫЙ
ПОЭТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ**

Невнятная современная карандашная надпись на обложке архивной папки с бумагами, как казалось, не сулила особых неожиданностей для исследователя. Она гласила: «Похвальное слово А.Д. Меншикову по случаю получения им диплома на княжеское достоинство с описанием герба. До 1727 г.». Поиск шёл в Российском государственном архиве древних актов в Москве. Внутри папки лежали два ветхих листа бумаги. Их почтенный возраст внушал очевидное уважение, но вид был не очень представительным. Бумага простая, ветхая. Местами листы почернели от попадания прямых солнечных лучей – особенно верхний первый лист. Разводы от воды тоже затрудняли чтение рукописи. Манускрипт, это было очевидно, представлял собой разрезанный надвое лист. На одной его половине, в силу сказанного, водяного знака не было, но на второй просматривалась на свет филигрань «Герб города Амстердама». По контуру водяной знак, просуществовавший около двух столетий, близок к тем филиграням, которые имеются на бумаге, выпускавшейся на рубеже XVII–XVIII вв.¹ Многие слова, буквы настолько выцвели, что их удалось прочесть лишь с небольшим трудом, часто только с помощью увеличительного стекла. Возможно даже, что некоторые буквы к настоящему времени, спустя три столетия после появления на свет рукописи, вообще исчезли.

Чтение старинной рукописи показало: уже во второй строке сказано, что речь шла ни о чём ином, как о свадебном торжестве – дне женитьбы («в день женитвы его»). В девятой же строке слова «в день женитвы его» повторились. В небольшом поэтическом произведении, как показывало чтение, реальным главным героем являлся светлейший князь Александр Данилович Меншиков – неизвестный со-

чинитель славил именно «светлейшаго честию князя Александра». Речь шла о свадебном торжестве А.Д. Меншикова. Именно его величали в поэтическом произведении.

Ветхий манускрипт сохранился в сборной коллекции документов, поэтому вопрос, откуда он происходит, понятно, скрыт плотным покровом тайны. От какого владельца и когда рукопись поступила в собрание, теперь определить невозможно. Вместе с тем, очевидно, что она не является подлинником, но представляет собой очень близкий по времени появления к нему список, к тому же, содержащий описки. Как видно, спустя совсем недолгое время, вероятно, сразу же сделанный копиистом список правили чернилами другого, а именно: чёрного цвета. Эти последние ныне резко отличаются от бледных чернил, которыми написан основной текст. Можно полагать при этом, что переписчик не всё правильно понял и воспроизвёл в порученной ему копии. Справщик копииста, выверявший правильность написания дошедшего до наших дней списка и оставивший незначительную правку яркими чёрными чернилами, скорее всего, просто немного отредактировал вирши, не имея возможности обратиться к подлиннику. Думается, справщик сам не всё понял, не везде внёс необходимую правку. Вообще текст очень не прост для чтения и публикатор вынужден был снова и снова обращаться к его кропотливому изучению. Некоторые слова, надо думать, были серьёзно искажены переписчиком и какими они были первоначально, выяснить затруднительно. Несмотря на всё сказанное о степени сохранности рукописи, о погрешностях при копировании манускрипта, несомненно, что выявленный в архиве поэтический памятник 1706 г., прямо связанный с именем светлейшего князя А.Д. Меншикова, необходимо опубликовать.

Среди хвалебных песен первого десятилетия XVIII в. отдельным лицам посвящены только единичные. Это, конечно же, песни во славу самого царя Петра I. Однако имеются песни, славящие других лиц. Это горячо любимый армией полководец Б.П. Шереметев, «надёжа» народа царевич Алексей Петрович, одна из царских наложниц (метресс), а потом супруга царя Екатерина (Веселовская, Василевская или же Скавронская).

А.В. Позднеев выделил из этих панегирических песен посвящённую А.Д. Меншикову в качестве одной из наиболее интересных. Он отнёс её появление к 1706–1707 гг.² Публикуемая ниже песня относится к тому же периоду – к августу 1706 г.

Свадьба А.Д. Меншикова и Дарьи Михайловны Арсеньевой состоялась 18 августа 1706 г. в присутствии Петра I в Киеве. Почти

сразу же после венчания, 20 августа, царь вместе с Екатериной уехал в Санкт-Петербург³.

Жанр этого поэтического произведения, прославляющего жениха — светлейшего князя А.Д. Меншикова, следует, на взгляд публикатора, определить так — величальная песня. Читателю, привычному к современным песням и стихам, пожалуй, будет действительно непривычно распознать в данном поэтическом произведении песню — оно напоминает, на первый взгляд, скорее, силлабические вирши XVII—XVIII вв. Однако эти близкие жанры следует всё-таки различать. Крупнейший знаток поэзии тех времён А.В. Позднеев (1891—1975) жёстко восставал против смещения книжных (искусственных, литературных) песен с близким к ним жанром силлабических виршей. А.В. Позднеев показал, что для литературно образованных людей Петровской эпохи это тонкое различие было очевидным. Книжные песни являли собой органическое соединение словесного текста и музыкального напева, вирши же — это произведение, чисто словесное, предназначенное для декламации или «немного» прочтения⁴. Конечно же, жениха А.Д. Меншикова славили в Киеве по древней славянской традиции пением, а не произнесением стихов. Стихотворная традиция, сопряжённая с декламацией, устным воспроизведением, была в то время лишь относительно недавно привнесена с Запада в культурный обиход Восточной Европы.

Кого же можно предполагать в качестве автора свадебной величальной песни?

Можно уверенно считать, что сочинитель, во-первых, был украинцем; вероятно, жителем Киева. Хотя песня написана церковнославянским языком — одним из значимых средств устного и письменного общения восточнославянских народов в ту эпоху, в публикуемом поэтическом памятнике 1706 г. имеется несколько украинизмов: крыло — крыло, сили — силы и др.

Во-вторых, создатель песни явно был высокообразованным человеком. В Петровскую эпоху во время расцвета поэзии в форме силлабической песни произведения этого рода зачастую создавались учителями и учащимися духовных академий и школ⁵. Сложная композиция песни и богатое метафорами содержание произведения показывают знание автором поэтической культуры стиля барокко.

Автор песни, по мнению публикатора этого произведения, был органично связан с украинской литературной традицией. В XVII в. на Украине большое распространение имели торжественные хвалебные вирши и так называемые «стихи на герб», писавшиеся за определённую мзду для крупных землевладельцев и церковных

иерархов. На рубеже XVII—XVIII столетий в Москве, в отличие от Киева, от Украины вообще, такого рода похвальные поэтические творения могли обращаться к царю, но их было мало, а «стихи на герб» вообще насчитывались единицами. Автор же величальной песни 1706 г. в духе украинской культурной традиции не преминул обыграть тему только что утверждённого герба светлейшего князя А.Д. Меншикова. В песне возвещается, что на гербовом щите, разделённом на четыре части, — гербы Священной Римской империи германской нации и Российского государства (двуглавый орёл), а также увенчанное короной сердце (часть герба А.Д. Меншикова), а в верхней части его герба — пять шлемов.

*Зде щит четверочасны с п'ятми над ним шлемы.
В гербовой светлейшого князя титле чте мы,
Егда кроме иных в нем высоких знаменный,
Двоих царств орла крилом герб ево в перекий
Римскому и Роскому среде щитца злата,
Родовой фамилии слава пребогата.
Верных его служб сердце венчанно имеет.*

Можно ли предположить в качестве сочинителя величальной песни А.Д. Меншикову православного черноризца, в то время учителя пиитики Киево-Могилянской академии Феофана (Прокоповича)?

В самом деле, в 1705 г. Феофан, получив блестящее богословское и гуманитарное образование в Риме, вернулся на родину и занял место учителя в Киево-Могилянской академии. Начинаящий преподаватель был амбициозен в самом широком понимании этого слова и тогда же приступил к литературному сочинительству. Успех сразу же стал неизменным спутником Феофана на этой непростой стезе. В том же 1705 г. из-под его пера вышла трагикомедия «Владимир», занявшая достойное место в истории русской литературы.

По мнению публикатора, свадебная величальная песнь светлейшему князю имеет очевидную текстуальную перекличку с сочинением Феофана, в котором он прославлял победу Петра I в Полтавской битве. Это «Песнь победная» о Полтавской виктории («Епиникион»), напечатанная в Киеве в 1709 г. на церковнославянском языке. Оба произведения близки по стилистике стихов и лексике, насыщенной церковнославянизмами и содержащей украинизмы. И там, и там используются «любимые» автором слова и словосочетания. Например, и в том, и в другом поэтическом сочинении упомянута «верность по вере»⁶ — едва ли случайно совпавшее общее словосочетание.

Композиция обоих поэтических памятников связана с темой Сиона — Небесного царства. В свадебной величальной песне 1706 г. дважды упомянуты сионские девы, дочери Сиона («дщери Сиона»). Победная же песня 1709 г. также завершается выражением уверенности, что русский Марс (Пётр I) по завершении своих победоносных ратей водрузит золотой «крест на стенах Сионских»⁷. Вообще оба поэтических текста выдают в качестве их автора лицо, имевшее самую широкую осведомлённость в античной литературной традиции. В величальной песне А.Д. Меншикову упомянуты античные божества Беллона и Марс; в победной же песне 1709 г. о Марсе тоже говорится четырежды. Обильное использование образов и символов греко-римской мифологии — одна из черт, свойственных стилю барокко.

В стихотворном памятнике 1706 г. и в виршах 1709 г. применяются и одинаковые (в том числе) художественные выразительные средства. Например, сравнения с громом, молниями, ветром.

В величальной песне 1706 г. автор, обращаясь к теме будущности России, её грядущих успехов в противоборстве с врагами, тщетности усилий врагов, жизнеутверждающе провозглашал в двух заключительных строках:

*Аще бы твои на тя врази громом были, —
Ветр есть на холм каменный — тици их будут сили.*

Символика ветра, безвредного для каменных пирамид, обелисков, утёсов, гор была широко распространена в культуре барокко. Даже в краткой небольшого формата, так сказать походной книжке «Symbola et emblemata», напечатанной по распоряжению Петра I в 1705 г. в Амстердаме, есть на мини-гравюре иносказательное изображение ветра, бессильно дующего на высокий недвижимый каменный обелиск, стелу (*голл.* — een pronk-naald). Сопровождающие мини-гравюру девизы на различных европейских языках ясно подчёркивают суть эмблематического изображения: «Всегда такова», Sic semper, Toujours ainsi, Always so и т. д.⁸ Есть в походной книжке и сходное по смыслу символическое изображение обелиска, возвышающегося посреди плоского ничем не примечательного пространства. Более чётко суть символа может передать современный перевод с сопроводительных девизов на французском и английском языках: La vertu m'a élevée, Vertue has exalted — «Доблесть (или добродетель) меня вознесла»⁹. Или, в этой же книге есть изображение утёса, скалы посреди моря (*голл.* — een rots in zee). Девизы к символическому изображению указывают на неколебимость утёса среди бурного моря: «В непогоде тих», I am quiet in tempest и т. д.¹⁰

В песне в честь Полтавской «преславной победы» 1709 г. начало битвы так же, как и в свадебной песне во славу А.Д. Меншикова, изображается с использованием сравнений с молнией, ветром, громом:

*Блисну огнем все поле; многия восгоре
Излетеша молния; не таков во море
Шум слышится, егда ветр на ветр ударяет,
Ниже тако гром с темных облаков рыкает...*

Тема сада – открытого лишь для избранных пространства, которая развивается в величальной песне 1706 г., сквозит и в «Слове похвальном в честь славных дел светлейшаго Римскаго и Российскаго государств князю Ижерскому... Александру Даниловичу Меншикову», произнесённом Феофаном (Прокоповичем) 5 декабря 1709 г. в Киеве в церкви братского Богоявленского монастыря при Киево-Могилянской академии. В Слове 1709 г. Феофан говорил: «Приложи к великой славе твоей и сию немалую часть: стал еси в чину храбрых воинов и славных древних и новых победителей. Приложися к числу и мудрости поборников...»¹¹.

Лексика публикуемой ниже величальной песни А.Д. Меншикову очень схожа с лексикой Победной песни в честь Полтавской победы и проповедей (слов) Феофана (Прокоповича). Автор песни 1706 г. насытил своё произведение славянизмами: аще, велегласны, веси, гласите, дщери, егда, зрите, изыдите, обаче и др. Эта черта свойственна и словам Феофана. Прокопович, впрочем, также обильно включал в свои проповеди и речи латинские, греческие, а также слова из современных ему европейских языков¹². Сходство лексики произведений в настоящем случае, конечно, в большей степени указывает на одну эпоху и на одну стихотворную культуру (восточно-славянское барокко), чем на принадлежность одному автору.

Стихотворные особенности Победной песни 1709 г. Феофана (Прокоповича) тщательно проанализировал О.М. Буранок. Он отметил, что в каждой стихотворной строке строго по 13 слогов. Все стихи с парной (смежной) рифмовкой (ааbb). Рифмы в этом поэтическом произведении исключительно женские – ударение на предпоследнем слоге. Такая постановка ударения поэтом обусловлена строгим следованием силлабической стихотворной традиции, закреплённой постоянным ударением в польском языке. Однако иногда Феофан был вынужден смещать естественное ударение на соседний слог. Это делалось им в двух случаях. Во-первых, когда это диктовалось необходимостью соответствия парной рифме в одной из клаузул (заключительные слоги стихотворной строки, начиная с последнего

ударного слога): вселенной – торжественной, крови – неистовый, неслыханном – пространном, самого – благо. Во-вторых, смещение ударения происходило в обеих парных клаузулах, когда этого требовал метрический рисунок строф: тогда – иногда, твоему – своему. Только единственный раз в Победной песне 1709 г. дважды повторяется парная рифма: дело – зело. Однако несколько рифм повторяются с другими парами¹³.

Какие стихотворные особенности сравнительно с названными характеристиками Победной песни 1709 г. наличествуют в величальной песне 1706 г.?

В поэтическом произведении 1706 г. насчитывается 55 строк, то есть оно сравнительно с «Епиникионом», насчитывающим 174 строфы, краткое. Нужно иметь в виду поэтому, что сопоставляются два поэтических произведения разного объёма. Первые три строфы в стихотворном памятнике 1706 г. представляют собой некий зачин, вступление к песне. Эти вводные строфы даже не рифмованы. Кроме того, они нарочито неравносложны: в первой 21 слог, во второй – 20, в третьей – всего 9. Резкое падение числа слогов в третьей строке представляет собой по существу своего рода декламационную паузу – переход к песне.

Более всего в произведении 13-сложных строк – 43 (82,7%), 12-сложных – 5 (9,6%), 14-сложных – 3 (5,8%) и 11-сложных – одна (1,9%). Иными словами, 13-сложные строфы решительно преобладают, но не являются единственными, как это имеет место в «Епиникионе». Сходство с Победной песней 1709 г. проявляется в том, что все стихи (52) тоже имеют смежную рифмовку. Ударение также везде падает на предпоследний слог. Только в четырёх случаях (7,7%) оно не совпадает с естественным ударением в одной из клаузул в паре. Это слова: Меншикова, сеяше, смеяше, цветы. Дважды в величальной песне повторяется только рифма со словом «мати». Следует обратить внимание, что в обоих памятниках использованы одинаковые рифмы: бяше, сети, силы, славна, славы. Это, однако, вполне традиционные для поэзии рубежа XVII–XVIII вв. рифмы, строго говоря, не указывающие на тождество авторской индивидуальности в двух произведениях.

Если подвести итог сопоставлению поэтических памятников 1706 и 1709 гг., то, по мысли публикатора, исключать Феофана (Прокоповича) из круга возможных сочинителей свадебной песни А.Д. Меншикову не следует. Можно даже сказать, что это вероятный её автор, но приписывать Феофану однозначно авторство этой песни в настоящее время нет достаточных оснований.

Что представляет собой художественная схема величальной песни А.Д. Меншикову?

В божественном царстве (Сион) небесные девы («дщери Сиона») призываются славить песнями царя Соломона, увенчанного своей матерью в день женитьбы золотым венцом. Подобно этому в образе прекрасных дев недавно завоёванные (при деятельном участии А.Д. Меншикова) славные российские провинции Ингрия, Карелия, Эстляндия и Ливония призываются выйти и посмотреть дивное зрелище. Созерцать им предстоит, как Россия-мать («Россия-мати»), или «тривенечное царство» (на гербе России над главами орла имелись три короны-венца), в образе Славы будет венчать «светлейшаго честию князя Меншикова» тремя венцами: славы, чести и богатства. Но из каких цветов сплетены эти венцы? Сад (вертоград), откуда происходят цветы, пространен, но войти в него едва ли кто посмеет. Вход в него «страшен, неприступен», видны копья, мечи, оружие разного рода. Вход в сад охраняет сам бог войны Марс. Внутри же сада древнеримская богиня войны Беллона (в храме которой на Марсовом поле в Риме принимали победоносных полководцев) сеет с блюда цветы, поливая свой посев кровавыми струями. Когда Александр, человек великий разумом, возмужал «в делех своих», тогда свершилось «дело преславно — ста Александр посреде вертограда явно». Появление его в божественном саду «пречестно» видеть окружающим. Он исполнен теперь многими добродетелями: разумом, храбростью, благочестием, ревностен в вере. Князю Александру весело в саду-вертограде, как будто бы он на пире. Он облачён в необычные доспехи — «броня правды», его взор являет мужество и храбрость. Здесь же находится его княжеский герб — щит, разделённый на четыре части. Вверху герба — пять шлемов. Там же изображён орёл — символ двух великих монархий: Российской и Священной Римской империи германской нации (поскольку Александр и российский князь, и светлейший римский князь). На геральдическом щите также можно видеть сердце, увенчанное короной, — символ «верных его служб». Завершается величальная песнь в высшей мере жизнеутверждающими тремя строфами. Смысл их можно свести к следующему: знает ли сама Россия, что она преуспеет на своём историческом пути и что усилия её врагов будут тщетны — как ветер против каменной скалы?!

Как отметила исследователь поэзии русского барокко Л.И. Сазонова, литературный мотив сада — одна из самых излюбленных писателями барокко символических метафор. В античные времена появилась тема сада любви — сада Афродиты и Эроса. Эпоха Воз-

рождения культивировала поэтический образ сада как символа удовольствий и радостей жизни. В основополагающем для символики барокко труде Ф. Пичинелли (1681) сад имел богатую ассоциативную природу, но на первом месте присутствовало его значение в качестве символического знака добродетели и доблести: «Hortus est symbolem virtutis». В течение XVII столетия символика сада усваивается восточнославянскими поэтами вместе со стилем, культивировавшимся в Киево-Могилянской академии, вообще в украинской литературе эпохи барокко. Конечно, это было итогом процесса восприятия современных барочных символов из западноевропейской культуры. В учительской литературе в полном соответствии с европейским литературным развитием образ сада соотносился в первую очередь с понятием доблести и добродетели (*лат.* virtus). Широчайшее распространение мотива сада в литературе барокко объясняется именно тем, что он был удобен для отображения реального мира через символику метафор и аллегорий¹⁴.

Следует добавить, что панегирическая поэзия содержательно тесно связана с таким жанром изобразительного искусства как парадный портрет. Исследователи обращают внимание, что оба этих жанра имеют одинаковую цель – прославление методами искусства (литература, живопись, гравюра и скульптура). Эти жанры искусства имели общую символику. Герб при этом имел очень большое значение и в прославляющей поэзии, и в изобразительном искусстве¹⁵.

Введение в научное обращение свадебной величальной песни А.Д. Меншикову августа 1706 г. позволяет по-новому подойти к научному спору о датировке парной гравюры: симметричный конный портрет Петра I и А.Д. Меншикова¹⁶. В 1706 или 1707 гг. она была выполнена? Связана ли она с победой А.Д. Меншикова в битве при Калише 18 октября 1706 г.? Или же с утверждением его герба как светлейшего российского князя? Или как князя Священной Римской империи?

Важно подчеркнуть, что в публикуемой ниже панегирической песне А.Д. Меншиков воспевается уже и как князь Священной Римской империи (диплом был подписан императором в Вене 21 января 1706 г.; н. ст.), и как князь Российского государства (жалованная грамота была подписана Петром I только 1 июня 1707 г.). Вопрос о даровании светлейшему князю Священной Римской империи германской нации российского княжеского достоинства в середине 1706 г., можно теперь полагать, воспринимался как дело решённое и почти формальное. На парной гравюре тема гербов особо выделена: показаны гербы царя и А.Д. Меншикова. Особо следует отметить, что на геральди-

ческом щите светлейшего князя на гравюре изображены на двух полях по диагонали два орла. Именно два орла, российский и римский, упоминаются также на гербе в величальной свадебной песне. В более поздних вариантах российского и цесарского гербов А.Д. Меншикову на княжеское достоинство, известных по гравюрам 1714 г., орлов, размещённых на двух диагональных полях, уже нет¹⁷.

Не менее удивительно, что на гравюре светлейший князь держит в руке генерал-фельдмаршальский жезл, хотя соответствующий воинский чин А.Д. Меншиков получил только после славной победы под Полтавой в 1709 г. Следовательно, современники уже разглядели этот жезл в руке бурно набиравшего тогда вес в государственных и военных делах «полудержавного властелина»! В их сознании, надо предполагать, это был вопрос ближайшего будущего. Случай, конечно более чем необычный. Публикуемая панегирическая свадебная песня заставляет предполагать именно такое мнение современников.

Что касается подходов к публикации помещённого ниже текста величальной песни 1706 г., то отсутствующие ныне в русской азбуке буквы переданы их современными аналогами: «ять» — е, «и десятичное» — и, «кси» — кс, «от» — о. Сокращение слова «мати» под титлом («мти») раскрыто без оговорок. В пяти случаях очевидных описок в словах автор посчитал целесообразным для удобства чтения предполагаемое верное написание указать непосредственно в тексте, отметив вероятность описки в примечаниях.

¹ Ср.: *Churchill W.A.* Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the 17th and 18th centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935. № 29, 40.

² *Позднеев А.В.* Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 239.

³ *Есинов Г.В.* Князь Александр Данилович Меншиков // РА. 1875. Кн. 2. С. 247.

⁴ *Позднеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). М., 1996. С. 359.

⁵ Там же. С. 445.

⁶ *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 210.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ *Symbola et emblemata [...].* Amstelædami, 1705. S. 124, 125, № 369.

⁹ *Ibid.* S. 268, 269, № 800.

¹⁰ *Ibid.* S. 270, 271, № 806.

¹¹ *Феофан Прокопович.* Слова и речи. СПб., 1760. Ч. 1. С. 72.

¹² *Кузьмин А.И.* Северная война в проповедях Феофана Прокоповича // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л., 1969. С. 280.

¹³ *Бурянок О.М.* Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович: учебн. пособие. М., 2005. С. 413, 414.

¹⁴ Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М., 1991. С. 163–167, 172.

¹⁵ Там же. С. 77.

¹⁶ См.: Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 52–55, 156, 157; Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2005. Ч. 1. С. 58, 59.

¹⁷ См.: Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков – строитель России. Ч. 1. С. 52, 53.

1706 г., август. Свадебная величальная песня А.Д. Меншикову

*Дщери Сиони, изыдите и видите царя Соломона в венце,
Им же венча его мати в день женитвы его и в день веселия
Сердца его песни песней.
Венча венцем дражайшим Соломона мати.
Дан есть Александру венец славы златы.
Изыдите и зрите царя Соломона,
Гласите¹ вы песни песней, о дщери Сиона,
В венце, им же венча их благосердия мати.
В день женитвы его, в день светлой благодати,
И вы убо, о дщери российския красны,
Славою по вселенной светлы велегласны,
Не сии, иже аки рожжевьи цветы
Красите своя власы на лестныя сети,
Но вы, иже под криле орла тривенчанна
Склонили своя главы о благой избранна:
Ингерие, Карелие, Естландие славна,
Ливоние з своими пределы державна.
Изыдите и зрите, как венча красно,
Красно преиспреещенно, светло, зело ясно
Россия-мати. Венча с похвалою Слава
Светлейшаго честию князя Меншикова.
Тривенечное царство – тремя венцы: славы,
Чести, богатства, – венча за труд² кровавый
Но з каких цветов венцы сия соплетенны,
Кои ми преплетенми суть³ преудобренны⁴?
Вертоград пространно утверждён бяше,
Обаче внити в него едва кто смеяше.
Самим входом зряшеся страшен, неприступен,
Еще же яростному морю совокупен,
Извне копии, мечи, оружию твердыи.
Его входу строжати сам Марс⁵ жестосердый,
Внутрь же Беллона цветы⁶ блюда сеяше,
А кровавыми струи оных поливаше,
Но егда Александр, сын разумом краснейши,
Возмужа в делех своих, тогда бе дивнейши*

Позор видети на нем. О дело преславно — // Л. 1 об.
 Ста Александр посреде вертограда явно.
 Окружающим⁷ его пречестно отвсюду.
 Многим добродетелем zde седу и седу.
 Ста смыслителны разум, zde совет содинный,
 Тамо умысл в борбе храбрый неотменный,
 Zде свет благочестия, zde ревность по вере.
 Он же светло веселясь, аки бы на пире,
 Облочен⁸ в броня правды, среди их стояше,
 Самим взором мужество и храбрость являше.
 Zде щит четверчасны с пятми⁹ над ним шлемы.
 В гербовой светлейшаго князя титле чте мы,
 Егда кроме иных в нем высоких знаменный,
 Двоих царств орла крилом герб ево в перекий¹⁰
 Римскому и Роскому среде щитца злата,
 Родовой фамилии слава пребогата.
 Верных его служб сердце венчанно имеет.
 Веси ли, о Россие, что ти преуспеешь¹¹.
 Аще бы твои на тя врази громом были, —
 Ветр есть на холм каменный — тщи их будут сили.

РГАДА. Ф. 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI–XIX вв.). Оп. 3. Д. 1458. Л. 1–2. Список начала XVIII в. Публикуется впервые.

Примечания: ¹ В ркп. очевидная описка: гласят. ² Далее в ркп. вписано над строкой и зачёркнуто: сей. ³ Последняя буква в слове исправлена. ⁴ Третья буква в слове исправлена чёрными чернилами с «и» на «е». ⁵ Буквы «арс» позднее повторно написаны по первоначальному тексту чёрными чернилами. ⁶ Буква «с» написана повторно чёрными чернилами. ⁷ В ркп. очевидная описка: оружающим. ⁸ В ркп. очевидная описка: оболчен. ⁹ В ркп. очевидная описка: пятли. ¹⁰ В ркп. очевидная описка: оперенный (?). ¹¹ В ркп. очевидная описка: преусвет. Предлагаемое публикатором чтение, во-первых, соответствует соседней рифме (пусть и неточной — имеет). Во-вторых, при таком чтении становится ясным и очевидным смысл стихотворной строфы, подчёркивается пафос концовки величальной песни — выражение уверенности в успешном будущем России. В-третьих, неверному прочтению слова переписчиком могло поспособствовать сходство многих палеографических типов начертаний букв «п» и «в», «т» и «ш».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ – Вопросы истории
 ВМФ – Военно-морской флот
 ГИМ – Государственный Исторический музей
 ГСВ – История швейской войны (Подённая записка Петра Великого)
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 Е. И. В. – Его Императорское Величество; Ея Императорское Величество
 ИЗ – Исторические записки
 ИОС – История отечественного судостроения
 МИ – Морская история
 МИРФ – Материалы для истории русского флота
 НИЦ – Научно-исследовательский центр
 ОЗ – Отечественные записки
 ОР БАН – Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
 ОМС – Общий морской список
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
 ПБИПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого
 ПЖ – Походный журнал
 ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия
 ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года
 РА – Русский архив
 РАН – Российская академия наук
 РВ – Русский вестник
 РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
 РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 РНБ – Российская Национальная библиотека (Санкт-Петербург)
 Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
 ЦВММ – Центральный военно-морской музей
 КKD – Karolinska krigares dagböcker

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела ГЭ «Дворец Меншикова» (Санкт-Петербург).

Артамонов Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).

Дуров Иван Герасимович – доктор исторических наук, кандидат военных наук, академик Академии военных наук, полковник запаса (Белгородская область).

Иванов Александр Вячеславович – художник-реставратор Центрального военно-морского музея (Санкт-Петербург).

Кротов Павел Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времён до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, академик Академии военно-исторических наук, директор НИЦ «Меншиковский институт» (Санкт-Петербург).

Стерликова Арина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Гуманитарного факультета Государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От ответственного редактора	5
I. Научные статьи	
<i>Артамонов В.А.</i>	
А.Д. Меншиков как полководец	7
<i>Дуров И.Г.</i>	
Регламентация питания моряков при становлении русского военно-морского флота	34
<i>Иванов А.В.</i>	
Первенцы Балтийского линейного флота Петра I	53
<i>Стерликова А.А.</i>	
Тайные русско-шведские переговоры о мире осенью 1717 года: С. Понятовский и загадка покушения на Петра I	87
II. Публикации источников	
<i>Андреева Е.А.</i>	
Описи 1732 года василеостровской резиденции А.Д. Меншикова в Петербурге	94
<i>Кротов П.А.</i>	
Свадебная величальная песнь А.Д. Меншикову 1706 года — неизвестный поэтический памятник Петровской эпохи	112
Список сокращений	124
Сведения об авторах	125

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ БАНК

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

www.khmb.ru

СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО

Надежный сибирский банк!

Более 130 офисов, 650 банкоматов.

Генеральная лицензия ЦБ РФ №1971

Ханты-Мансийск (3467) 390-800

Меншиковские чтения – 2009

Сборник научных статей

Выпуск 7

Редактор Е. Шабалова
Художник А. Спиридонов
Технический редактор А. Слободин

Главный редактор Н. Кирющенко

Подписано в печать 24.05.2010. Формат 60 × 90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Объем 8 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 93

Издательство «Историческая иллюстрация».

192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89

E-mail: info@ist-il.spb.ru

Тел./факс: 412 0737

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38, к. 2